

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ М.В.ЛОМОНОСОВА

Факультет
государственного
управления

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ

ЭЛЕКТРОННЫЙ ВЕСТНИК

PUBLIC ADMINISTRATION
E-journal

ISSN 2070-1381

СПЕЦНОМЕР

**КОНЦЕПЦИЯ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ:
НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ НАУЧНЫХ ДИСКУССИЙ**

2024

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова».

Издатель:

Факультет государственного управления Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Главный редактор:

Никонов В.А. — доктор исторических наук, декан факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

Редакция:

Петрунин Ю.Ю. — заместитель главного редактора, доктор философских наук, факультет государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия;

Сухарева М.А. — ответственный секретарь, кандидат экономических наук, факультет государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия;

Федько М.В. — редактор, кандидат филологических наук, факультет государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия;

Ребрикова А.Г. — технический редактор, факультет государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

Выпускающий редактор:

Ульянова Л.В. — кандидат исторических наук, доцент, руководитель Центра изучения российской государственности факультета государственного управления, Москва, Россия.

Редакционная коллегия:

Никонов В.А. — доктор исторических наук (МГУ, Москва, Россия);

Петрунин Ю.Ю. — доктор философских наук (МГУ, Москва, Россия);

Акаев А.А. — доктор технических наук, академик РАН (МГУ, Москва, Россия);

Барабашев А.Г. — доктор философских наук (НИУ ВШЭ, Москва, Россия);

Воронов А.С. — доктор экономических наук (МГУ, Москва, Россия);

Глазьев С.Ю. — доктор экономических наук, академик РАН (МГУ, Москва, Россия);

Григорьева Н.С. — доктор политических наук (МГУ, Москва, Россия);

Гулямов С.С. — доктор экономических наук (Агентство статистики, Ташкент, Узбекистан);

Гурский В.Л. — доктор экономических наук (БИП, Минск, Беларусь);

Кудина М.В. — доктор экономических наук (МГУ, Москва, Россия);

Леонтьева Л.С. — доктор экономических наук (МГУ, Москва, Россия);

Лившин А.Я. — доктор исторических наук (МГУ, Москва, Россия);

Нарбут Н.П. — доктор социологических наук (РУДН, Москва, Россия);

Певная М.В. — доктор социологических наук (МГУ, Москва, Россия);

Пушкарева Г.В. — доктор политических наук (МГУ, Москва, Россия);

Селезнева А.В. — доктор политических наук (МГУ, Москва, Россия);

Смакотина Н.Л. — доктор социологических наук (МГУ, Москва, Россия);

Смотрицкая И.И. — доктор экономических наук (Институт экономики РАН, Москва, Россия);

Соловьев А.И. — доктор политических наук (МГУ, Москва, Россия);

Сухарева М.А. — кандидат экономических наук (МГУ, Москва, Россия);

Танрыверди М. — PhD (Стамбульский университет, Стамбул, Турция);

Тимофеев А.Ю. — доктор исторических наук (Институт новейшей истории, Белград, Сербия);

Федорова М.М. — доктор политических наук (Институт философии РАН, Москва, Россия);

Федько М.В. — кандидат филологических наук (МГУ, Москва, Россия);

Феррейра К. — PhD (Университет Кампинас, Кампинас, Бразилия);

Чжао Ли-ли — доктор юридических наук (Шаньдунский университет науки и технологий, Циндао, Китай);

Яковлева А.Ф. — кандидат политических наук (ИМЭМО РАН, Москва, Россия).

Журнал зарегистрирован в Роскомнадзоре как сетевое издание (свидетельство Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций Эл № 77-6880 от 10 апреля 2003 года и Эл № ФС77-56592 от 26 декабря 2013 года).

Международный стандартный серийный номер журнала **ISSN 2070-1381**.

Издание входит в систему РИНЦ на платформе eLIBRARY.ru (сублицензионный договор № 19-10/09 от 12 ноября 2009 года). Журнал входит в перечень изданий, публикации в которых учитываются Высшей аттестационной комиссией России (ВАК РФ) при защите диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук по экономике, социологии, и политологии (с 22 октября 2010 года).

Журнал выходит 6 раз в год. Все номера находятся в свободном доступе на сайте: <https://spajournal.ru>.

Статьи журнала доступны в открытом доступе на основании принятой Лицензии Creative Commons: **Attribution-NonCommercial 4.0 International (CC BY-NC 4.0)**.

Адрес редакции: 119992, Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, каб. А-701. Тел.: +7 (495) 930-85-71. E-mail: e-journal@spa.msu.ru

Founding Organization:

Federal State Budget Educational Institution of Higher Education M.V. Lomonosov Moscow State University.

Publisher:

School of Public Administration Lomonosov Moscow State University.

Editor-in-chief:

Vyacheslav A. Nikonov — DSc (History), Dean of School of Public Administration, Moscow, Russia.

Editorial staff:

Yury Y. Petrunin — Deputy editor-in-chief, DSc (Philosophy), School of Public Administration, Moscow, Russia;

Maria A. Sukhareva — Executive Secretary, PhD, School of Public Administration, Moscow, Russia.

Maria V. Fedko — Editor, PhD, School of Public Administration, Moscow, Russia.

Anastasia G. Rebrikova — Layout editor, School of Public Administration, Moscow, Russia.

Guest editor:

Ulyanova L.V. — PhD, Associate Professor, Head of the Center for the Study of Russian Statehood, School of Public Administration, Moscow, Russia.

Board of Editors:

Vyacheslav A. Nikonov — DSc (History), Dean of School of Public Administration (MSU, Moscow, Russia);

Yury Y. Petrunin — DSc (Philosophy) (MSU, Moscow, Russia);

Askar A. Akayev — DSc (Technical Sciences), Academician of the Russian Academy of Science (MSU, Moscow, Russia);

Alexey G. Barabashev — DSc (Philosophy), (HSE, Moscow, Russia);

Sergey Yu. Glazyev — DSc (Economics), Academician of the Russian Academy of Sciences (MSU, Moscow, Russia);

Natalia S. Grigorieva — DSc (Political Science) (MSU, Moscow, Russia);

Saidakhror. S. Gulyamov — DSc (Economics) (Statistics Agency, Tashkent, Uzbekistan);

Vasiliy L. Gursky — DSc (Economics) (BIP, Minsk, Belarus);

Marianna V. Kudina — DSc (Economics) (MSU, Moscow, Russia);

Lidiya S. Leontieva — DSc (Economics) (MSU, Moscow, Russia);

Alexander Y. Livshin — DSc (History) (MSU, Moscow, Russia);

Nikolay P. Narbut — DSc (Sociological Sciences) (RUDN, Moscow, Russia);

Maria V. Pevnaya — DSc (Sociological Sciences) (MSU, Moscow, Russia);

Galina. V. Pushkareva — DSc (Political Science) (MSU, Moscow, Russia);

Antonina. V. Selezneva — DSc (Political Science) (MSU, Moscow, Russia);

Natalia V. Smakotina — DSc (Political Science) (MSU, Moscow, Russia);

Irina I. Smotritskaya — DSc (Economics) (Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia);

Alexander I. Solovyev — DSc (Political Science) (MSU, Moscow, Russia);

Maria A. Sukhareva — PhD (MSU, Moscow, Russia);

Mustafa Tanriverdi — PhD, (Istanbul University, Istanbul, Turkey);

Aleksey Yu. Timofejev — DSc (History) (Institute for Recent History, Belgrade, Serbia);

Aleksandr S. Voronov — DSc (Economics) (MSU, Moscow, Russia);

Maria V. Fedko — PhD (MSU, Moscow, Russia);

Maria M. Fedorova — DSc (Political Science) (Institute of Philosophy, RAS, Moscow, Russia);

Kelly de Souza Ferreira — PhD (PUC Campinas, Campinas, Brazil);

Alexandra F. Yakovleva — PhD (IMEMO RAS, Moscow, Russia);

Li-li Zhao — DSc (Law) (Shandong University of Science and Technology, Qingdao, China).

The journal is officially registered by the Federal Agency on Press and Mass Communications of the Russian Federation.

International serial number of the magazine is **ISSN 2070-1381**.

“E-journal. Public Administration (Russia)” is included into RISC (Russian Index of Scientific Citation) and a Higher Attestation Commission (VAK) list.

The journal is published 6 times a year. All issues are available on the website: <https://spajournal.ru>.

The articles published in the journal are available on the basis of Creative Commons: **Attribution-NonCommercial 4.0 International (CC BY-NC 4.0)**.

Address: 119992, Moscow, Lomonosovskiy prospekt 27/4, room A-701. Telephone: +7 (495) 930-85-71.
E-mail: e-journal@spa.msu.ru

Содержание

Концепция российской цивилизации: новые тенденции научных дискуссий

Никонов Вячеслав Алексеевич

Слово главного редактора6

Евстафьев Дмитрий Геннадиевич

Евразийская цивилизация: геоэкономические параметры концепции в условиях нового миропорядка..... 8

Евстифеев Роман Владимирович

Концепция «страна-цивилизация» в разработках ученых незападных стран..... 18

Кудина Марианна Валерьевна

Человеческий капитал: экономическая природа и влияние искусственного интеллекта в контексте устойчивости в период трансформации цивилизации 34

Матвеев Игорь Александрович

О факторах роста интереса арабских стран к евразийскому геополитическому пространству 49

Миловидов Владимир Дмитриевич

Цивилизационный подход в экономических исследованиях..... 62

Семенов Ирина Станиславовна

Цивилизационная идентичность в повестке политики идентичности: меняющийся миропорядок и российские приоритеты 79

Тесля Андрей Александрович

О месте и смысле всемирной истории в историософии Н.Я. Данилевского..... 88

Ульянова Любовь Владимировна

Система общественных наук в контексте цивилизационного подхода: к постановке проблемы..... 97

Федоров Валерий Валерьевич

Цивилизация перед лицом социологии..... 113

Contents

The Concept of Russian Civilization: New Trends in Scientific Discussions

Vyacheslav A. Nikonov Editor-in-chief's Foreword.....	6
Dmitry G. Evstafiev Eurasian Civilization: Conceptual Geo-Economic Framework in the Context of a New World Order	8
Roman V. Evstifeev "Civilization State" Concept in the Works of Non-Western Scholars.....	18
Marianna V. Kudina Human Capital: Economic Nature and Influence of Artificial Intelligence in the Context of Sustainability during the Period of Civilization Transformation	34
Igor A. Matveev Drivers of Arab Countries' Growing Interest to the Eurasian Geopolitical Space.....	49
Vladimir D. Milovidov Civilization Approach in Economic Researches.....	62
Irina S. Semenenko Civilizational Identity and the Identity Politics Agenda: Russian Priorities in a Transforming World Order	79
Andrey A. Teslya On the Place and Meaning of World History in the Historiosophy of N.Ya. Danilevsky.....	88
Lyubov V. Ulyanova The System of Social Sciences in the Context of Civilizational Approach: Formulating the Problem.....	97
Valery V. Fedorov Civilization in the Face of Sociology.....	113

Слово главного редактора

22–23 января 2024 года на факультете государственного управления состоялась всероссийская конференция с международным участием «Концепция российской цивилизации», организованная Центром изучения российской государственности факультета. Конференция была посвящена крайне важной проблеме, которая обрела права гражданства в нашей стране, — концепции российской цивилизации. Она связана с нашими многовековыми вопросами: кто мы? где мы? откуда мы? зачем мы? Восток мы или Запад? Европа мы или Азия? Евразия мы или Азиопа? Ответы на них давали западники и славянофилы, евразийцы и почвенники, либералы и коммунисты.

Концепция цивилизации, как вы знаете, не нова: она насчитывает уже не одно столетие, и ответ на вопрос «кто мы?» предлагался самыми разными учеными, которые этим занимались. Для классиков цивилизационных исследований А. Тойнби и С. Хантингтона Россия — восточно-христианская цивилизация. Для иных современных авторов мы — недоделанная западная цивилизация, мечтающая стать полноценной западной. Так же, кстати, думали и либеральные творцы новой России. Они считали, что России достаточно провести реформы под кураторством Запада для того, чтобы вписаться в «нормальную» западную матрицу. При этом забывали или не знали, что наибольшего успеха в последние десятилетия добивались те страны, которые развивались на основе собственной матрицы. Наиболее яркий пример — страны Восточной Азии, использовавшие конфуцианскую и другие традиции для того, чтобы сделать серьезный экономический рывок.

Моя концепция российской цивилизации рождалась, честно говоря, за рубежом. Так получилось, что я посетил по разным поводам 107 стран. И на Западе мне все говорили, что Россия не Запад, а на Востоке, что мы не Восток. На Западе мне говорили, что вы слишком большие и слишком русские. А на Востоке: «Посмотрите в зеркало, какая же вы Азия?» И это наводило меня на мысль, что мы все же не там и не там.

Когда я начал глобально размышлять на эту тему, то задумал написать историю цивилизаций. Впоследствии я реализовал этот замысел. Но, только начав работать, я понял, что могу описать все остальные цивилизации, кроме нашей. Поэтому пришлось сначала написать книгу «Российская матрица», в которой выделил специфические черты нашей цивилизации. После этого уже можно было встроить ее в общемировой контекст. Так появилась книга «Современный мир и его истоки», посвященная всем цивилизациям, которые существовали на планете Земля. Затем, поскольку она была слишком объемной и студенты ее не осваивали, появился «Код цивилизации» — краткое изложение. И, наконец, я написал небольшую книгу «Российская цивилизация».

В последние годы прошедшего десятилетия тема российской цивилизации стала появляться в информационном пространстве. С 2020 года нередко употребляют понятия «российская цивилизация», «государство-цивилизация» В.В. Путин. Эти понятия уже нашли отражение в официальных документах: прежде всего в «Концепции внешней политики Российской Федерации», где присутствуют и страна-цивилизация, и другой часто используемый мною термин — Россия как евро-тихоокеанская держава (Euro-Pacific power). Не евразийская, а именно евро-тихоокеанская.

Россия — страна уникальная, как уникальны и другие страны и цивилизации. Мы не являемся частью Запада. Европейский Запад исторически сложился уже к концу X века — это ареал франкских завоеваний и Римско-католической церкви. Попытки сдвинуть эту границу на Восток предпринимались неоднократно, начиная с походов польского короля Болеслава Храброго и крестоносцев на Русь. Привитый византийским православием русский мир Рюриковичей остался самобытным. Новая попытка со стороны Запада включить нас в свой ареал была предпринята

в XV–XVI веках, когда он приступил к колониальным завоеваниям. Было много соблазнительных предложений принять корону из рук Папы при Иване III, при Василии III и при Иване Грозном. Они остались самодержавными: сами держали свою власть. Образ России уже тогда был сформирован, они уже тогда для себя решили, что мы не Запад, что бы мы ни делали, как бы мы ни пудрились и как бы ни завоевывали Париж или Берлин.

Концептуально Россию можно, на мой взгляд, понять исходя из нее самой, а не из западных концепций. Одной восьмой части планеты достаточно для цивилизации, а их всего — в зависимости от критериев выделения — не более десятка. При этом мы должны понимать, что Россия — самая маленькая цивилизация по населению, зато закаленная, и нам внятно все: и острый галльский смысл, и сумрачный германский гений.

Нам действительно внятно все, что происходит в мире. А в последнее время мы неожиданно для себя стали обнаруживать, что внесли огромный вклад в развитие мировой цивилизации и продолжаем его вносить.

Для меня очевидно, что концепция России как цивилизации очень полезна для избавления от комплексов неполноценности. Однако на сегодня менее понятно, что этот подход дает концептуально, насколько он позволяет расширить горизонты исследований в различных областях. Неясно также, насколько российская нация готова осмыслять себя категориями цивилизации? Насколько российская элита готова с этим согласиться? Ведь российская элита на протяжении многих десятилетий была и во многом остается западнцентричной. Если готова, то как продвигать эту идею, коль скоро она нова, довольно сложна, общественное и элитное сознание не очень готовы к ее восприятию.

Тем важнее серьезный концептуальный разговор о том, кто мы, что мы, с кем мы и кто с нами в современном мире, когда выясняется, что человечество развивается не совсем по тем законам, которые мы изучали ранее, и оказывается, что цивилизационный подход играет все более серьезную роль.

Конференция Центра изучения российской государственности факультета государственного управления «Концепция российской цивилизации» прошла накануне выхода на «Первом канале» 8-серийного фильма «Цивилизации», подготовленного коллективом аналитической телевизионной передачи «Большая игра» под руководством автора этих строк. И это не случайное совпадение. Задачей фильма была популяризация цивилизационной проблематики, задачей конференции — ее научное переосмысление на текущем этапе развития российской государственности.

По материалам докладов участников конференции мы подготовили спецвыпуск электронного вестника факультета государственного управления, который и представляем вниманию наших читателей.

Вячеслав Алексеевич Никонов,
декан факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова,
доктор исторических наук

Евразийская цивилизация: геоэкономические параметры концепции в условиях нового миропорядка

Евстафьев Дмитрий Геннадиевич

Кандидат политических наук, профессор Института медиа, профессор Юридического института РУДН,
SPIN-код РИНЦ: [8135-4366](#), ORCID: [0000-0002-6276-0342](#), devstafiev@hse.ru, estd1212@yandex.ru

Институт медиа, НИУ ВШЭ; Российский университет дружбы народов (РУДН), Москва, РФ.

Аннотация

Статья подготовлена на базе выступления автора на Всероссийской конференции с международным участием «Концепция российской цивилизации», состоявшейся 22–23 января 2024 года на факультете государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова. В предлагаемом исследовании, по сравнению с выступлением, ставится ряд методологических вопросов, связанных с определением рамок развития евразийского пространства в контексте глобальных и региональных геоэкономических и геополитических процессов. Успешное формирование макрорегиона «Большая Евразия» в рамках процессов геоэкономической регионализации в актуальных условиях ценностного противоборства означает учет не только чисто геоэкономических факторов, но и целого ряда других обстоятельств историко-культурного, историко-экономического и социально-географического характера. В частности, это касается границ Большой Евразии и механизма их геоэкономической демаркации. Поднимается вопрос о необходимости интеграции евразийских подходов и современных геоэкономических подходов, положенных в основу формирования макрорегионов, — тенденции, которую Западу удалось замедлить, но не остановить. Особо акцентирована тема западной границы (фронтира) Евразии в рамках сформулированной автором гипотезы о существовании «Днепровского проторазлома», сочетающего в себе как социокультурные, так и пространственно-географические аспекты. Потенциал трансформаций, в том числе и силовых, заложенный в данном проторазломе, в настоящее время проявляется в ходе Специальной военной операции. Это диктует принципиальную необходимость изучения и творческой адаптации к современным условиям наследия философов-евразийцев, сформулировавших саму концепцию «Большой Евразии», но применительно уже к иной исторической реальности, а главное — к новой, преимущественно пространственной политической и экономической архитектуре.

Ключевые слова

Большая Евразия, геоэкономика, геоэкономическая регионализация, евразийская цивилизация, цивилизационный разлом, Украина.

Для цитирования

Евстафьев Д.Г. Евразийская цивилизация: геоэкономические параметры концепции в условиях нового миропорядка // Государственное управление. Электронный вестник. 2024. № 104(S). С. 8–17. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-104(S)-2024-8-17

Eurasian Civilization: Conceptual Geo-Economic Framework in the Context of a New World Order

Dmitry G. Evstafiev

PhD, Professor of Institute of Media, Professor of Law Institute, ORCID: [0000-0002-6276-0342](#),
devstafiev@hse.ru, estd1212@yandex.ru

Institute of Media, Higher School of Economics; Peoples' Friendship University of Russia (RUDN), Moscow, Russian Federation.

Abstract

The article is based upon the authors presentation at the All-Russian Conference with international participation “The Concept of the Russian Civilization” held at the School of Public Administration of Lomonosov Moscow State University on January 22–23, 2024. In addition to the basic propositions of the presentation the article contains certain ideas and methodological hypothesis regarding the framework for defining the limits of the Eurasian geopolitical space taking into consideration the on-going global and regional transformations. The successful integration of the geo-economic macro-region “Larger Eurasia” as a part of the economic regionalization in the contemporary political environment of competition of values means considering a wider array of factors beyond geo-economics: history, including the history of economic development, culture as well as the social aspects. The author promotes the position in favor of the integration of the mechanisms that are based upon the Eurasian theory and advanced mechanisms that form the economic and governing basis for the formation of the geoeconomic macro-regions. The trend for the formation of geoeconomic macro-regions was slowed down by the West but non dismantled completely. Those factors are directly involved in the issue of Eurasian frontier and the mechanism of its geo-economic demarcation. Special attention in the article is paid to the issue of the Western border (frontier) of Eurasia. The issue is addressed basing on the authors hypothesis about the existence of “Dnieper proto-fault” that integrates civilizational (socio-cultural) and spatial geo-economic aspects. The fundamental transformations' potential including the force which lies in this proto-fault has already manifested itself during the Special military operation that Russia has started in February 2022. The effective analysis is needed not only for the interdisciplinary approach but flexible and creative adaptation of the philosophical heritage of founders of the Eurasian theory updating it to the newly emerged reality and relevant to the special, geography-based political and economic architecture.

Keywords

Larger Eurasia, geo-economics, geo-economic regionalization, Eurasian civilization, civilizational breakdown, Ukraine.

For citation

Evstafiev D.G. (2024) Eurasian Civilization: Conceptual Geo-Economic Framework in the Context of a New World Order. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 104(S). P. 8–17. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-104(S)-2024-8-17

Вместо введения

Нынешний этап глобальных трансформаций справедливо рассматривается как эпоха ценностной конкуренции, хотя до конца не определен не только состав конкурирующих ценностей, но и контуры коалиций, ассоциируемых с этими ценностями. Смысл происходящего заключается в том, что базовым условием консолидации конкурирующих, а в ряде случаев и противостоящих друг другу сил становятся иные, нежели экономика, факторы. Ситуация обостряется двумя разнородными обстоятельствами: с одной стороны, торможением процесса геоэкономической регионализации, в период 2020–2022 годов рассматривавшегося в качестве основного инструмента вывода глобальной экономики из тупика развития; с другой стороны, очевидным кризисом социально-идеологических инструментов управления обществом, причем не только на Западе.

Актуализация тематики евразийства как цивилизационного подхода к реализации проектов, связанных с макрорегионом «Евразия», способным претендовать на роль одного из наиболее значимых геоэкономических макрорегионов мира, во многом связана с тем, что на экспертном уровне как в России, так и в ряде других стран уже произошло осознание невозможности возврата глобальной геополитической и геоэкономической архитектуры к состоянию 2021 года, а тем более к более ранним «рамочным» условиям взаимодействия. Это остро поставило вопрос о возможных форматах региональной интеграции, создав одновременно относительную концептуальную свободу.

Евразийство — исторический феномен, отражавший наложение определенных фундаментальных предпосылок, прежде всего кризиса евро-азиатского политического мироустройства, на концептуальный вакуум, сложившийся в 1920-е годы и в красной, и условно белой (философское пространство антибольшевистской эмиграции уже находилось в состоянии распада) социальной философии. Евразийство как социально-философская концепция пыталось ответить на вопрос, кто мы, зачем мы и куда мы идем, применительно к весьма конкретным историческим условиям, отражавшим то, что в марксистско-ленинской интерпретации получило наименование «общий кризис капитализма». Просто мы всегда концентрировались на экономической, социальной и политической составляющей этого явления, но в нем была и значимая социоидеологическая, социофилософская составляющая.

Сейчас мы опять находимся в примерно схожем состоянии. Много изменилось с 1920-х годов, но никак нельзя не соотнести новый интерес к евразийству, с одной стороны, с реализацией — наконец-то, многое, о чем говорил О. Шпенглер с точки зрения деградации глобального доминирования европейской (в актуальном формате — евроатлантической) цивилизации, совершилось, превратив проевропейские настроения в политически маргинальные, а с другой — с умиранием в России панславистских настроений. Принципиальным моментом является кардинальное изменение геоэкономической конфигурации евразийского пространства. Этот фактор, в силу понятных причин, постреволюционными евразийцами игнорировался, но сейчас он становится одним из наиболее важных, учитывая фактическую легализацию процессов «силовой геоэкономики» как инструмента переформатирования даже исторически сложившихся регионов. Например, таких как Восточное Средиземноморье.

Исходя из этого, наиболее актуальной задачей является необходимость преодоления инерционности традиционного толкования понятия «евразийство», адаптации его к современным геоэкономическим условиям, к меняющейся экономической географии и принципам организации хозяйственной деятельности [Ергин 2021]. В евразийстве изначально был заложен базовый структурирующий элемент общности и различий экономической деятельности на определенных пространствах как элементов цивилизационного размежевания. Но на определенном этапе произошла деэкономизация евразийства, превращение его в некую социокультурную систему.

Изначально евразийство вряд ли рассматривалось как потенциально прикладная модель, пригодная для структуризации современного мира. Актуальным является возвращение евразийству изначально ему присущего экономического содержания.

С другой стороны, нуждается в пересмотре и содержательной корректировке теоретически описанный в рамках западной политологии и социальной философии феномен «столкновения цивилизаций» [Huntington 1996]. Кстати, отмечу, что описывался этот феномен изначально в абсолютном методологическом соответствии с концепцией «управляемого хаоса». Очевидно, что в чистом виде цивилизаций ни в трактовке классиков евразийства, ни в интерпретации С. Хантингтона на сегодняшний день не существует. «Цивилизации» Хантингтона в целом в принципе представляют собой некие военно-политические коалиции, дополнительно усиливаемые действительной или, что чаще, фиктивной, навязанной принадлежностью к некоему ценностному ряду, реальное содержание которого может быть утрачено. Что и нашло отражение в работах западных социологов и политологов последних двадцати лет [Купер 2010; Фукуяма 2019], когда формировался геополитический и социокультурный контекст, приведший к актуализации темы цивилизационного противостояния и соответствующих форматов организации общества. Мы наблюдали удивительный феномен: попытки описания все более усложняющегося миропорядка в рамках все более упрощающейся методологии. Наиболее актуальным на сегодняшний день является толкование цивилизационного развития, характерное для А. Тойнби и Ф. Броделя, хотя принципиальным моментом, требующим дополнительного осмысления, является геоэкономическая база цивилизаций. Последнее возвращает нас к гипотезе западного экономиста М. Спенса о возможности формирования различных баз экономического роста в рамках единого «мира глобализации» [Спенс 2013], которая в свое время не получила должного развития. Сейчас для реализации этой модели создается совершенно новое пространство реализации, которое уже на раннем этапе формирования полицентричного мира конкурирующих геоэкономических регионов может привести к столкновению пространств с принципиально отличным смысловым наполнением экономических систем. Например, пространства ресурсного индустриального модерна, надстроенного секторально промышленностью первого и второго технологических переделов и отдельными высокотехнологичными анклавами, с одной стороны, и пространства, построенные на принципах «набеговой» экономики, с другой. Можно предположить, что *на момент консолидации макрорегионов центральным узлом геоэкономической конкуренции и определения «цивилизационных границ» неизбежно станут пространства «трофейной экономики», к которым можно отнести значительную часть пространства постсоветской Евразии.* Таким образом, базовой для дальнейшего рассмотрения проблематики цивилизационного размежевания в постглобальном мире становится констатация того, что постсоветская Евразия и ее непосредственная геоэкономическая периферия станут пространствами наиболее активной межцивилизационной конкуренции и противоборства.

Базовые методологические констатации

Авторская гипотеза сводится к следующему: определение сущности Евразии, а тем более ее геоэкономических границ, — проблема во многом методологическая. То, что проблематика Евразии и евразийской интеграции традиционно рассматривается как элемент текущей политики вне понимания рамочных условий и внутренних системных условий развития, затрудняет корректное понимание и прогноз роли и места Евразии как специфического пространственного феномена в текущем ценностном противоборстве. В этой связи поставим несколько методологических вопросов.

Первое и, вероятно, наиболее актуальное и значимое. *Что такое Евразия и как она соотносится с другими историческими интегрирующими терминами*, в частности с термином «Европа». Прежде, чем обсуждать проблематику границ Евразии, будь то политические границы, геоэкономические или социокультурные, необходимо определиться с тем, что лежит за пределами этих границ. Что мы — Евразия, экономические, социальные системы и отдельные люди, вовлеченные в евразийские процессы, — имеем в качестве конкурирующих геополитических и геоэкономических сущностей? Нельзя забывать, что многими Евразия мыслится политически как некая анти-Европа. В этой логике мыслил великий Николай Яковлевич Данилевский [Данилевский 1991], а евразийство, даже с учетом последующих дериваций, в том числе и политически мотивированных, вышло из его концептуального «пальто». Да и более позднее евразийство является инструментом «отстройки» России от Европы. Но отстроиться можно только от чего-то субъектного. Несубъектный элемент системы международных политических и экономических отношений подлежит освоению и поглощению. Геополитика, а тем более геоэкономика, не терпит пустоты и разрушения целостности. А условная Европа, еще недавно фактически включавшая в себя и пространства Северной Африки, и часть Восточного Средиземноморья (как минимум Израиль), и часть Передней Азии (европейскую часть Турции), потеряла геополитическую субъектность, теряет геоэкономическую и находится в процессе утраты внутренней целостности. Но возникает вопрос: формируя геополитическое пространство Евразии, не создаем ли мы дополнительный стимул к субъектизации Европы? Эта субъектизация, придание фиктивного геополитического веса в нынешних условиях будут заведомо антироссийскими? Но антироссийский вектор Европы сформирован объективно и не слишком зависит от наличия или отсутствия концепта Новой Евразии и его геоэкономического продолжения, который при любых вариантах пройдет мимо Европы. Но с точки зрения геоэкономики и тенденций социально-экономического развития в целом концепт Евразии в нынешних условиях будет скорее концептом анти-Азии, причем как в геополитическом смысле (отвоевывать свое место под геоэкономическим «солнцем» неоглобального мира Евразии придется в конкуренции как раз с азиатскими центрами экономического роста), так и в социальном и социокультурном. В противном случае Евразия (а с ней и Россия) просто станет частью Глобального Юга, возможно, несколько медленнее, чем частью Глобального Юга сейчас становится Средиземноморье и фронтир Северной и Латинской Америки.

Второе. *Совпадают ли цивилизационные границы Евразии с границей геоэкономического макрорегиона «Евразия+»?* И каким образом может в нынешних условиях быть сформулирован общий подход к определению границ Евразии. Классическое определение Евразии — пространство внутри многолетне устойчивой нулевой изотермы января — многим современным исследователям, включая меня, представляется недостаточным [Кофнер 2018] и не отражающим ни этнокультурных, ни экономических реалий сегодняшнего дня, ни даже актуальных климатических. Конечно, геоэкономика (экономика больших пространств и «длинного времени») серьезно зависит от изменений климата. Да и многое в евразийской теории построено на анализе геоэкономических и экономических проявлений «пульсаций» климата. Но выстраивать долговременные геополитические модели только на базе «пульсирующего» климатического фактора, тем более когда не до конца ясна ситуативная направленность «пульсации» (локальное потепление или похолодание), было бы неразумно. Притом что технологическое развитие и тот факт, что потенциальные фронтиры Евразии попали в зону устойчивой, сохраняющей актуальность в том числе и сейчас урбанизации и индустриализации, не могли не сказаться на степени влияния климатических факторов. Новое понимание евразийства должно стать результатом комплексных исследований, в том числе и климатических пульсаций, с учетом возросшего значения антропогенных факторов. А не только изучения трудов отцов-основателей. Границы условной Евразии всегда будут динамичными, причем

пульсация, возможно, будет результатом сочетания разных факторов, иногда ситуативных. Автором в качестве рабочей гипотезы *выдвинута концепция «Днепровского цивилизационного проторазлома»*, перерастающего в последние 2–3 года в полноценный разлом, в том числе и в результате действий России по обеспечению своей безопасности. Она будет рассмотрена ниже.

Третье. *Новое соотношение пространственного и надпространственного в евразийстве*. Евразийство — концепция, соответствующая пространственному миру, что и является одной из причин того, что мы вновь возвращаемся к ее обсуждению: актуальные глобальные трансформации в совокупности означают резкое увеличение значения пространства и ресурсов в межгосударственной конкуренции, отражая принципиально более высокую роль защищенной логистики и доступа к важнейшим полезным ископаемым. Во многом это изначальное свойство евразийства как концепции и обуславливает ее высокую востребованность в условиях периодов трансформаций, когда определяется конфигурация нового мира. И именно поэтому есть прямая связь между евразийством и геоэкономикой, соответственно, использование евразийства как элемента геοэкономических построений выглядит оправданным. Но актуальный нам мир (термин «современный» представляется крайне методологически недостаточным в силу разновекторности развития и флюидности процессов) — это мир динамичного сочетания пространственности и надпространственных систем. В современном мире невозможна евразийская геοэкономика без формирования евразийских надпространственных систем: собственного управляемого сегмента информационного общества и системы финансовых коммуникаций, выделенной из долларовой финансовой системы. Это констатация. Но можно ли создать такую систему только в масштабах Евразии? Вероятнее всего — нет, если только заранее не согласиться, что она не будет влиять на глобальные процессы, а встраиваться в те геοэкономические правила игры, которые будут формировать другие политические силы. Вряд ли Россию это устроит с учетом непростого опыта 2010 – начала 2020-х годов.

Четвертое. *Социокультурная составляющая евразийства применительно к новой исторической и технологической эпохе*. Евразийская цивилизация на сегодняшний момент имеет, вероятно, самые слабые интегративные связи в социокультурной сфере. Советская социокультурность, сама по себе не являющаяся евразийской, практически полностью утрачена [Кудряшова 2023], в том числе и под воздействием внешних факторов, действий других игроков мировой политики и экономики. На ее место приходит в лучшем случае локальный национализм, а в худшем — вакуум, заполняемый внешними идеологическими воздействиями через миграцию, проникающую и внутрь России. Это означает, что *в рамках ценностной стратификации евразийская цивилизация будет иметь изначальную серьезную уязвимость*, которую объективно придется компенсировать усилением других направлений.

Система, имеющая псевдоевразийскую экономическую «обертку», но не базирующаяся на некоем культурно-историческом и политическом содержании (что нам пытаются предложить в виде «евразийства» представители элит многих постсоветских государств), будет заведомо паразитарна по отношению к России. Возникает вопрос: возможно ли на данном этапе формирование неоевразийской социокультурной основы для развития макрорегиона «Евразия» или же такая основа станет результатом относительно длительного развития новых социально-экономических связей внутри соответствующих обществ, которые станут продуктом обновленной геοэкономики? В долгосрочной перспективе превращение евразийства в основу социокультурного взаимодействия в пространстве шире, нежели постсоветское, возможно. Но только если евразийство станет основой концепта, идеологии, если хотите, новой социально-экономической и социокультурной модернизации, противостоящей наступлению агрессивной социальной архаики и регионов геополитической и социальной хаотизации. На сегодняшний момент этого нет.

«Днепровский проторазлом» как полоса формирования геоэкономического фронта новой Евразии

В 2019 году автором в дискуссионном порядке был сформулирован концепт «цивилизационного проторазлома» как совокупности разнородных и не всегда равновесных предпосылок, где все же доминируют этноценностные факторы [Евстафьев 2019]. Превратиться в разлом он может под воздействием очень разных факторов, во многом складывающихся не только в зависимости от «вмещающего ландшафта», но и ситуативно, в зависимости от времени созревания и публичного проявления. *Превращение проторазлома в разлом цивилизационный есть диалектическое единство обстоятельств пространства и времени.* Это актуально для всех регионов, где существует множество «полос» проторазломов и потенциальных цивилизационных разломов. Одной из наиболее значимых из таких «полос» на нынешнем этапе выглядит проторазлом между Восточным Средиземноморьем и Средним Востоком, затрагивающий стратегически важную для России зону Персидского залива, где актуализируются геополитические парадигмы, характерные для второй половины 1970-х годов, накануне ввода советских войск в Афганистан. Но в Евразии ситуативность, зависимость проявления разлома от конкретных исторических условий выражены наиболее ярко.

С геоэкономической точки зрения превращение проторазлома в полноценный разлом можно определить как переход — как правило, сравнительно быстрый — социокультурных противоречий в разрыв систем геоэкономической взаимозависимости.

С точки зрения пространственного переконфигурирования Евразии обратим внимание на «Днепровский проторазлом», с которым мы столкнулись в настоящее время, в том числе и в контексте проведения Специальной военной операции. Географо-климатический фактор, безусловно, являлся системообразующим в формировании этого феномена, однако до начала 2020-х годов он находился в скрытой форме, хотя нарастание даже не столько этнической, сколько ценностной разновекторности в рассматриваемой «полосе» было очевидно уже в начале 2000-х годов.

«Днепровский проторазлом» сдерживался от перерастания в полноценный разлом следующими факторами:

- наличием относительно развитой институциональной системы, к 2020-м годам редуцировавшейся фактически только до Союзного государства России и Беларуси. Это и обусловило конфигурацию актуальной версии цивилизационного разлома и особенности его военно-силового проявления;
- сохранением высокого уровня сформированной в советский период экономической и технологической взаимозависимости. Она усиливалась за счет стратегической линии Москвы на интеграцию со странами Европейского союза. Но в условиях реального, а не декларативного «разворота на Восток» и геоэкономического обособления Украины этот фактор начал утрачивать свое значение;
- симбиотическими, в том числе родственно-клановыми, связями внутри российской и украинской экономической и политической элиты, которые к началу 2020-х годов стали утрачивать актуальность в силу естественных причин. Этот аспект вполне может рассматриваться как модель перехода трансформаций микроуровня на макроуровень, причем характерного не только для Евразии, что вполне очевидно, но и для целого ряда считающихся устойчивыми систем внутри *Pax Americana*;
- внешним стимулированием проекта «Украина — анти-Россия» со стороны Запада, которое по причине утраты реалистичности восприятия ситуации в России и

интеллектуального кризиса в западных элитах «проскочило» рубеж полной управляемости, но одновременно — нижней части гибридного противоборства. В 2014 году, в особенности после трагедии малазийского «Боинга», противостояние России и Запада вокруг рассматриваемого проторазлома стало открытым в результате позиции коллективного Запада, а главное — приобрело военно-силовую форму.

Развитие ситуации в зоне «Днепровского протоцивилизационного разлома» показывает, что объективно сформировавшийся цивилизационный разлом сравнительно длительное время сдерживался от политического и военно-силового проявления не только сформировавшимися ранее связями экономического и технологического характера, но и ситуативными соображениями и факторами. Но рано или поздно этот проторазлом все равно перешел в разлом, как сейчас происходит, в силу изменения вмещающего контекста (политико-экономического ландшафта). Главный вывод сводится к тому, что *цивилизационный проторазлом можно сдерживать, но невозможно полностью «сшить»*. Рано или поздно сложатся условия, при которых его потенциал реализуется.

Особенностью «Днепровского проторазлома», потенциально тиражируемой и в других регионах, ставшей до известной степени неожиданной, является то, что проторазлом проявился в пространстве классического индустриального модерна в процессе перехода к постмодерну в условиях неудавшейся постиндустриализации, приведшей к социальной деградации. Но социальная архаизация в этой «полосе» не носила яркого характера, была до известной степени «ползучей», но в итоге привела к восстановлению домодерновых архетипов в политике, сохранив частично модерн в хозяйственной деятельности. Это совершенно новое явление, пока по понятным причинам до конца не изученное. В других регионах, в том числе в Европе и России, социальная и культурная архаика приобретает различные формы, в частности и капсулирование, но всегда выражена [«Жить в двух мирах»: переосмысляя транснационализм и транслокальность 2021]. Изучение процесса формирования новоисторических архетипов в «Днепровском проторазломе» может дать ключ для понимания длинных волновых социальных процессов в зонах, утрачивающих свой прежний, традиционный экономический статус. До известной степени такие условия являются модельными для многих регионов постсоветской Евразии. Но признаки подобных процессов могут вполне быть обнаружены и в других регионах: например, в Европе и даже в США, частично попадающих в зону деиндустризации.

Но важно и то, что пока «Днепровский проторазлом», сравнительно быстро превращающийся в разлом, не получил геоэкономического измерения, что вполне объяснимо не только масштабами разрушения промышленной инфраструктуры, но и бессмысленностью ее восстановления в советском формате: геоэкономическое пространство, которое обслуживала Днепропетровско-Запорожская индустриальная агломерация, уже не существует. Выскажем предположения, что в будущем *именно геоэкономическое наполнение этого разлома, во многом обусловленное остротой неэкономических рисков по разные стороны разлома, и определяют цивилизационную конфигурацию Западной Евразии*. Но каков будет геоэкономический фронтир Евразии, какими будут методы его стабилизации и последующего управления им?

Вместо заключения. Евразийский фронтир эпохи неоглобального мира: геополитика против «цивилизационности»

«Днепровский проторазлом» не является единственным цивилизационно-пространственным фактором формирования новых границ Евразии. Но он является во многом модельным не столько для формирования других проторазломов, сколько для понимания механизмов трансформации проторазломов в реальные цивилизационные противостояния, способные во многом не просто

определять цивилизационные границы, но и формировать характер взаимодействия по этим границам и механизмы поглощения так называемых серых зон, которые будут неизбежно возникать в ходе переформатирования пространств. Причем возникновение этих серых зон может иметь социально катастрофичный характер с учетом того, что в Евразии экономические регионы не просто были искусственно сконструированы, но и дополнительно усилены не всегда экономически оправданными хозяйственно-технологическими связями.

В свое время Л.Н. Гумилев подчеркивал: «Человек совмещает присущие ему законы жизни со специфическими явлениями техники и культуры, которые, обогатив его, не лишили сопричастности к стихии, его породившей» [Гумилев 2019, 15].

«Вмещающий ландшафт» цивилизационных объединений (сущностей) формируется на основе множества факторов, одним из которых является антропогенная экономико-технологическая среда, по сути являющаяся цивилизационной антитезой природному (изначальному) «вмещающему ландшафту». Но *в Евразии мы в любом случае будем иметь дело с фронтиром, выстроенным вокруг антропогенно (промышленно-технологически или социально) измененных пространств*. Классическим примером чего, конечно, является Поднепровье, но также следует упомянуть и Великую степь, превратившуюся в частично урбанизированное и индустриализированное пространство с вытекающими отсюда естественными социально-экономическими и социальными последствиями.

Главное авторское методологическое предположение сводится к следующему. В актуальной международной среде, построенной на сложном сочетании пространственных и надпространственных факторов, границы того, что можно будет впоследствии назвать «Новая Большая Евразия», будут определяться в большей степени геоэкономическими факторами. Геоэкономика, а не какие-то другие факторы сформирует ту основу, на которую надстраиваются другие системообразующие элементы. Это, в частности, связано с тремя факторами:

- нарастающей актуальностью ускорения процесса формирования геоэкономического региона «Большая Евразия», где Россия будет играть роль не только «донора» безопасности и технологического ядра, но и ресурсного ядра. А это предполагает максимально рационалистическое отношение к выстраиванию геоэкономического пространства вокруг себя, ибо процесс формирования геоэкономической полупериферии вокруг ядра не может быть бесконечно убыточным, дабы не повторять негативные прецеденты советского периода;
- необходимостью удовлетворения запроса как внутри России, так и в отношениях России с наиболее значимыми ее партнерами в формировании защищенного технологического и логистического пространства. Возможности поступательного развития на актуальном уровне пространственной защищенности близки к исчерпанию;
- цивилизационные, а по сути своей социокультурные связи на сегодняшний день не просто являются самыми слабыми из всех имеющихся связей взаимозависимости внутри Евразии, но, что существенно более важно, они отражают устаревшие в своей основе модели развития, в том числе и развития социально-политического, институционального. Для того, чтобы этот тип связей начал играть значимую роль, необходимо выстраивание обновленной (если не сказать, совершенно новой) экономической базы.

Центральным элементом сегодняшнего понимания влияния глобальных процессов на ситуацию в Евразии и интересы России является то, что на *обозримую перспективу главным геоэкономическим вектором Евразии будет «Север — Юг», а не «Восток — Запад»*. И важно то, что причины этого фундаментального переформатирования кроются в военно-силовых процессах

не только внутри Евразии, но и вокруг нее. Это во многом подтверждает, что Евразия является макрорегионом, пусть до конца и не сформировавшимся, где проявляются все основные тенденции современного, переходного к неоглобальному мира. Такая конфигурация Евразии для России относительно более выгодна, да и в целом соответствует евразийской концепции «Тысячелетие вокруг Каспия», сформулированной Л.Н. Гумилевым. Но возникает вопрос о границах Евразии в южном и юго-восточном направлениях и подключении к евразийским геоэкономическим проектам стран, которые никогда не рассматривались как евразийское пространство. Например, Ирана. Иными словами, евразийская цивилизация в социокультурном плане — это одно, а в геоэкономическом — другое. И этот разрыв будет объективно только нарастать, даже если в Западной Евразии обострения не произойдет.

В связи с этим правомерна гипотеза: геоэкономически Евразия будет развиваться в контексте важного диалектического противоречия, при определенных условиях способного стать критическим. С одной стороны, выстроенная вокруг технологического и ресурсного ядра России, Евразия является средством освоения серой зоны между Россией и Европой, масштабы которой на сегодняшний день предсказать практически невозможно. Но главные задачи в этом контексте будут, безусловно, социально-экономические. С другой стороны, сформировавшийся долгосрочный вектор развития по линии «Север — Юг» предопределяет для Евразии, если мы рассматриваем ее как целостный геополитический феномен, выполнение или как минимум участие в выполнении задач стабилизации военно-политической ситуации в «Большом Прикаспии» и в том, что именовалось «Великая степь». А это, во всяком случае на среднесрочную перспективу, предусматривает БОльший объем военно-силовых задач.

В принципе это вполне ложится в парадигму развития Евразии как военно-экономического объединения, что также присутствует у классиков евразийства. Но с политико-психологической точки зрения такая модель будет означать не шаг, но два шага в сторону от мира поздней глобализации. Что, конечно, вряд ли возможно для нынешнего поколения политиков.

Подводя итог, выскажем заведомо спорное суждение: построение устойчивой геоэкономической системы на базе классического евразийства невозможно. Просто потому, что существенным образом изменилось пространство реализации любых социально-экономических и геоэкономических моделей развития. Но это не лишает нас права и не снимает с нас долг перед основателями евразийства, творчески его переосмыслив, предложить миру новое понимание путей развития.

Список литературы:

Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера земли. СПб: Азбука, 2019.

Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: Книга, 1991.

Евстафьев Д.Г. Глобализация и новые цивилизационные разломы: риски и перспективы для России и Евразии // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2019. Т. 5(15). № 1. С. 22–33.

Ергин Д. Новая карта мира. Энергетические ресурсы, меняющийся климат и столкновение наций. М.: Интеллектуальная литература, 2021.

«Жить в двух мирах»: переосмысляя транснационализм и транслокальность / под ред. О. Бредникова, С. Абашина. М.: Новое литературное обозрение, 2021.

Кофнер Ю. География и геополитика Большой Евразии // Сообщество Большая Евразия. 2018. URL: <https://gea.site/2018/05/687/?ysclid=lsycwkwg7v325565036>

Кудряшова Д.А. Влияние Запада на постсоветское пространство: поступательное движение по смене культурного кода // Ближний и Постсоветский Восток. 2023. № 1(1). С. 113–128. DOI: [10.31249/j.2949-2408.2023.01.07](https://doi.org/10.31249/j.2949-2408.2023.01.07)

Купер Р. Раздор между народами. Порядок и хаос в XXI веке. М.: Московская школа политических исследований, 2010.

Спенс М. Следующая конвергенция. Будущее экономического роста в мире, живущем на разных скоростях. М.: Издательство Института Гайдара, 2013.

Фукуяма Ф. Идентичность: Стремление к признанию и политика неприятия. М.: Альпина Паблишер, 2019.

Huntington S. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. New York: Simon&Shuster, 1996.

References:

Brednikov O., Abashin S. (eds.) (2021) *“Zhit’ v dvukh mirakh”*: pereosmyslyaya transnatsionalizm i translokal’nost’ [“Living in two worlds”: Rethinking transnationalism and translocality]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

Cooper R. (2010) *The Breaking of Nations: Order and Chaos in the Twenty-First Century*. Moscow: Moskovskaya shkola politicheskikh issledovaniy.

Danilevsky N.Ya. (1991) *Rossiya i Evropa* [Russia and Europe]. Moscow: Kniga.

Ergin D. (2021) *Novaya karta mira. Energeticheskiye resursy, menyayushchiysya klimat i stolknoveniye natsiy* [The new map: Energy, climate, and the clash of nations]. Moscow: Intellektual’naya literatura.

Evstafiev D.G. (2019) Globalization and New Civilizational Faults: Risks and Prospects for Russia and Eurasia. *Geopolitika i ekogeodinamika regionov*. Vol. 5(15). No. 1. P. 22–33.

Fukuyama F. (2019) *Identity: The Demand for Dignity and the Politics of Resentment*. Moscow: Al’pina Pablisher.

Gumilev L.N. (2019) *Etnogenez i biosfera zemli* [Ethnogenesis and the biosphere of the Earth]. Moscow: Azbuka.

Huntington S. (1996) *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. New York: Simon&Shuster.

Kofner Yu. (2018) Geografiya i geopolitika Bol’shoy Evrazii [Geography and geopolitics of Greater Eurasia]. *Soobshchestvo Bol’shaya Evraziya*. Available at: <https://gea.site/2018/05/687/?ysclid=lsycwkwg7v325565036>

Kudryashova D.A. Influence of West on Post-Soviet Space: Progressive Movement to Change Cultural Code. *Blizhniy i Postsovetkiy Vostok*. No. 1(1). P. 113–120. DOI: [10.31249/j.2949-2408.2023.01.07](https://doi.org/10.31249/j.2949-2408.2023.01.07)

Spence M. (2013) *The Next Convergence: The Future of Economic Growth in a Multispeed World*. Moscow: Izdatel’stvo Instituta Gaydara.

Дата поступления/Received: 15.03.2024

Концепция «страна-цивилизация» в разработках ученых незападных стран

Евстифеев Роман Владимирович

Доктор политических наук, SPIN-код РИНЦ: [4745-7562](#), ORCID: [0000-0002-3851-7035](#), evstifeev@inion.ru

Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук, Москва, РФ.

Аннотация

В статье рассмотрены основные идеи и теории исследователей незападных стран, раскрывающие концепцию «страна-цивилизация». В качестве методологической основы исследования идей, выработанных в рамках незападной традиции, автором использованы положения деколониальной теории, позволяющие преодолевать явное и неявное доминирование установок и эпистемологических оснований, свойственных для европейско-американской социальной науки. В статье обращается внимание на критическое восприятие деколониальной «оптики», которая настаивает на необходимости пересмотра эпистемологических основ западного мышления и мироустройства в целом. Автором проанализированы особенности распространения и развития концепции «страна-цивилизация» (или «государство-цивилизация») в целом ряде незападных стран в первой четверти XXI века; в статье представлен краткий обзор зарождения и эволюции понятия «цивилизация», показано разнообразие смысловых и концептуальных вариаций данного понятия, выявлены особенности этого процесса в условиях деколонизации знания, проведен анализ современных идей и обоснований концепции «страна-цивилизация» в Китае, Индии, Турции, Египте и в целом ряде африканских стран. Автором сделаны выводы о том, что концепция «страна-цивилизация», являясь концепцией западного происхождения, тем не менее воспринята и развивается в рамках преодоления западнцентричных теорий общественного развития. В заключение представлены основные преимущества, угрозы и риски, которые связаны с принятием концепции «страна-цивилизация». Среди преимуществ выделены культурно-ценностная консолидация общества; политическая мобилизация; основа для суверенитета и проведения независимой политики; сохранение и развитие цивилизационной идентичности; уникальность страны-цивилизации как источник дальнейшего развития. Среди проблем и рисков можно выделить неочевидность нового миропорядка; противоречия между концепцией страны-цивилизации и концепцией национального государства; цивилизационный популизм; идеи изоляционизма; риски стать несостоявшейся цивилизацией. В статье также признается необходимость проведения консолидированной исследовательской работы для дальнейшей теоретической разработки концепции «страна-цивилизация».

Ключевые слова

Цивилизационный подход, страна-цивилизация, деглобализация, деколонизация знания, незападные страны.

Для цитирования

Евстифеев Р.В. Концепция «страна-цивилизация» в разработках ученых незападных стран // Государственное управление. Электронный вестник. 2024. № 104(S). С. 18–33. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-104(S)-2024-18-33

“Civilization State” Concept in the Works of Non-Western Scholars

Roman V. Evstifeev

DSc(Political Sciences), ORCID: [0000-0002-3851-7035](#), evstifeev@inion.ru

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

Abstract

The article discusses the main ideas and theories of non-Western countries researchers that reveal the concept of “civilization state”. As a methodological basis for the study of ideas developed within the framework of a non-Western tradition, the author uses the provisions of decolonial theory, allowing to overcome the clear and implicit dominance of attitudes and epistemological foundations inherent in European-American social science. The article draws attention to the critical perception of decolonial optics, which insists on the need to revise the epistemological foundations of Western thinking and the world order as a whole. The author analyzes the features of distribution and development of “civilization state” concept in a number of non-Western countries in the first quarter of the 21st century; the article presents a brief overview of emergence and evolution of the “civilization” concept, the diversity of semantic and conceptual variations of this concept is shown, the features of this process in the conditions of decolonization of knowledge were identified, an analysis of modern ideas and justification of the “civilization state” concept in China, India, Turkey, Egypt and in a number of African countries was carried out. The author draws conclusions that the concept of “civilization state”, being the Western origin concept, nevertheless, is perceived and develops within the framework of overcoming the West-centric theories of social development. In the conclusion the main advantages, threats and risks are presented that are associated with the adoption of the “civilization state” concept. Among the advantages are such as cultural and value consolidation of society; political mobilization; the basis for sovereignty and an independent policy; preservation and development of civilizational identity; the uniqueness of the civilization country as a source of further development. Challenges and risks include the following: the ambiguity of the new world order; contradictions between the concept of civilization and the concept of the national state; civilizational populism; ideas of isolationism; the risks of becoming the failed civilizational state. The article also recognizes the need for consolidated research work for the further theoretical development of the “civilization state” concept.

Keywords

Civilization approach, civilization state, deglobalization, decolonization of knowledge, non-Western countries.

For citation

Evstifeev R.V. (2024) “Civilization State” Concept in the Works of Non-Western Scholars. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 104(S). P. 18–33. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-104(S)-2024-18-33

Введение

Цивилизационный подход к пониманию исторического процесса, конечно, не является новым в социальных науках. Однако в различные исторические эпохи, в которых доминировали те или иные системы взглядов, термин «цивилизация» мог иметь различные, подчас противоположные значения, зависящие от конкретных исторических условий [Coker 2019].

Сложные взаимозависимые процессы глобализации и деглобализации, которые сегодня характеризуют современный мир, обострили проблемы выбора траекторий общественного развития для каждого общества и человечества в целом, что уже привело к целому ряду внутренних и международных конфликтов [Fekete 2023]. Цивилизационный анализ исторического процесса в этих условиях обретает новое дыхание, позволяя различным обществам наметить новые пути понимания и осознания собственного места в сложном и многоплановом мире [Kumar 2014].

Поиски нового, более справедливого мироустройства приводят многие страны к попыткам обоснования своей уникальности и непохожести на предлагаемые классической глобализацией роли и позиции. Одним из таких важных концептов последних лет является понятие «страна-цивилизация», которое набирает популярность в целой группе, прежде всего незападных, стран.

В связи с этим перед социальной наукой встает целый ряд вопросов, ответы на которые могут помочь оценить перспективы развития концепта «страна-цивилизация», а также перспективы тех стран, которые системно возьмутся выстраивать и обосновывать свое место в мироустройстве на основе реализации этого концепта.

Прежде всего, необходимо ответить на вопрос, почему и каким образом европейское по своему происхождению понятие «цивилизация» стало использоваться незападными обществами (в версии «страна-цивилизация») для противостояния доминированию западной глобализации? Далее, следует вопрос о том, существуют ли общие условия для государств, которые способствуют принятию концепции «страна-цивилизация»? И, наконец, необходимо найти ответы на вопросы о том, каковы преимущества, а также возникающие проблемы, риски и угрозы принятия концепции «страна-цивилизация»?

В данной статье предпринята попытка ответить на данные вопросы через рассмотрение особенностей распространения и развития концепции «страна-цивилизация» (или «государство-цивилизация») в целом ряде незападных стран в первой четверти XXI века. Для решения данной задачи в статье представлен краткий обзор зарождения и эволюции понятия «цивилизация», показано разнообразие смысловых и концептуальных вариаций данного понятия, выявлены особенности этого процесса в условиях деколонизации знания, проведен анализ современных идей и обоснований концепции «страна-цивилизация» в Китае, Индии, Египте, Турции и в целом ряде африканских стран.

В качестве методологической основы рассмотрения нами была принята позиция, несколько отличающаяся от традиционной: дело в том, что анализ идей, выработанных в рамках незападной традиции, требует специальных усилий по преодолению явного и неявного доминирования установок и эпистемологических оснований, свойственных для европейско-американской социальной науки. В связи с этим в статье обращается внимание на критическое восприятие деколониальной «оптики», которая настаивает на необходимости пересмотра эпистемологических основ западного мышления и мироустройства в целом.

Восхождение «цивилизации»

На первый взгляд вопрос о происхождении термина «цивилизация» представляется довольно хорошо изученным. Правда, при существенном и важном уточнении — эта изученность относится только к европейской общественной мысли.

Известный лингвист Э. Бенвенист в статье о происхождении термина «цивилизация» отметил, что «вся история современной мысли и основные интеллектуальные достижения в западном мире связаны с созданием и обработкой нескольких десятков важных слов, которые являются общими для западноевропейских языков» [Benveniste 1971, 289]. Далее Бенвенист указывает, что слово «цивилизация» как раз входит в число этих важнейших слов.

Характерно, что российский исследователь М. Велижев почти дословно повторяет эту мысль Бенвениста уже по отношению к русскому языку: «Понятие цивилизация относится к группе терминов, конституирующих российское общественное сознание» [Велижев 2012, 249].

История возникновения слова «цивилизация» многократно и хорошо описана в многочисленных трудах европейских ученых [Февр 1991, 251–255; Bowden 2009; Anthropology and Civilizational Analysis 2018].

Считается, что первые случаи употребления слова «цивилизация» зафиксированы во французском языке в XVIII веке, после чего этот термин стал известен в английском и немецком языках. Правда, значение слова «цивилизация» отличалось от современного и многократно менялось. Не вдаваясь в подробности возникновения и сплетения этих смыслов, отметим, что понятие «цивилизация» по своему происхождению, безусловно, западное понятие, а точнее — понятие, тесно связанное с культурой и историей прежде всего таких европейских стран, как Франция, Англия и Германия. В рамках данной статьи нет необходимости отслеживать все эти изменения, отметим только самые важные и актуальные для нашей темы.

Самый существенный и значимый разлом в понимании термина «цивилизация» произошел в первой половине XIX века, он связан с разным пониманием сущности цивилизации. Часть исследователей, в основном историки, видели в цивилизации магистральный путь развития человечества, тесно связанный с прогрессом, своеобразную вершину человеческой истории во главе, естественно, с европейскими странами. При соответствующей работе по этому пути пойдут и все остальные народы, пока «прозябающие» в варварстве и невежестве.

В качестве примера можно привести точку зрения французского историка Франсуа Гизо, который уже на первых страницах своего труда «История цивилизации в Европе» (1828 г.) задает себе вопрос: «Существует ли всемирная цивилизация человеческого рода, стремится ли человечество к определенной цели, передают ли народы друг другу из века в век нечто неисчезающее, нечто возрастающее, хранимое как драгоценное сокровище, и, таким образом, нечто нетленное, вечное?» И сам же на него отвечает: «Что касается меня, то я глубоко убежден, что действительно человечество имеет общее предназначение; что существует передача сокровищ цивилизации из поколения в поколение и, следовательно, существует всеобщая история цивилизации» [Гизо 2007, 19].

Второе понимание цивилизации, на тот момент маргинальное, предполагало, что в мире существует несколько малосвязанных друг с другом культурно-исторических типов или цивилизаций [Данилевский 2008]. Как известно, именно это понимание истории как взаимодействия локальных цивилизаций впоследствии было развернуто английскими и немецкими исследователями в масштабную картину цивилизационного мира.

Тем не менее изначальные коннотации, свойственные термину «цивилизация», включающие в себя высокие культурные достижения как результат эволюции от варварства к цивилизации, по-прежнему остаются актуальными. Согласно такой интерпретации, «цивилизованный» Запад в эпоху европейской экспансии часто сталкивался с менее цивилизованными народами, воодушевляясь своей «благородной миссией нести просвещение и свет» [Yu 2022, 52].

Сегодня понятие «цивилизация» претерпевает революционное переопределение, связанное с обостряющимися противоречиями между осознанием равенства всех культур и цивилизаций,

с одной стороны, и сохранением разногласий и конфликтов, обусловленных разными видами неравенств, сложившихся в современном мире.

Поскольку подробное рассмотрение эволюции цивилизационной концепции не входит в задачи данной статьи, ограничимся перечнем тех методологических подходов, которые применялись и применяются исследователями для изучения цивилизаций. На наш взгляд, релевантными до сегодняшнего дня остаются историософский (философский) подход [Rückert 1857; Данилевский 2008; Spengler 1980]; исторический подход [Гизо 2007; Toynbee 1947]; социологический подход [Durkheim, Mauss 1971; Weber 1978; Eisenstadt 2000]; антропологический подход [Tylor 1891; Mauss 1968, 451–487]; геополитический подход [Huntington 1997].

В следующем разделе мы рассмотрим один из самых новых подходов, связанный с деколониальной методологией.

Цивилизационная эпистемология в контексте деколонизации знания

Подъем интереса к цивилизационному подходу в последние годы во многом связан с развитием процессов деглобализации, то есть ослаблением норм и стандартов западного мира, доминировавших в конце XX века, и деколонизацией как попыткой избавиться от гегемонии идей и представлений, привнесенных странами-метрополиями (западными странами).

Провал либеральной модели глобализации, в идеале предполагавшей равное распределение достижений и благ глобализации между всеми государствами, вывел на первый план теории, обращающие внимание прежде всего на создаваемые и развиваемые глобальными процессами неравенства («ворота в глобальный мир» [Сергеев и др. 2007; Казанцев, Сергеев 2020]) через производство новых типов дискриминации и эксплуатации («глобальный апартеид» [Alexander 1996]) с развитием гегемонии единственной сверхдержавы и навязыванием западного образа жизни и культуры [Hardt, Negri 2003].

В результате в первой четверти XXI века все больше исследователей и экспертов начали заявлять о кризисе глобализации [Buhari 2023]. Часть авторов рассматривают происходящие в мире процессы как конец глобализации, при котором окончательно разрушается интеграция между национальными государствами и происходят необратимые изменения в мировой политике [Kim et al. 2020, 83–84].

При этом некоторые исследователи отмечают, что полная деглобализация вряд ли возможна и речь должна идти скорее о некоторых существенных изменениях глобальных процессов [Novy 2022; Olivie, Gracia 2020], например о децентрализации, отрицающей гегемонию западного неолиберализма [Bello 2002]. Такая «реглобализация» [Paul 2021] должна, по мысли авторов, вести к возвращению к обновленной версии глобализации [Benedikter 2021; Re-Globalization 2022].

Кризисные проявления в установившемся глобальном миропорядке сочетались с осознанием пагубности западной гегемонии в производстве знаний как неоправданной и «самопровозглашенной, которая долгое время не позволяла услышать голоса тех мыслителей, чьи способы познания подавлялись европоцентричными онтологиями» [Behera 2021, 1580].

Деколонизация знания, предполагая изменение сложившегося мирового порядка, прежде всего направлена на критику сложившейся в условиях колониализма системы знаний, обращает внимание на поддержку других способов познания мира и концептуализации понятий. Денормализация сложившейся в западных странах и навязываемой остальному миру нормативности позволяет, по мнению сторонников этого подхода, разрушить устоявшиеся стандарты мышления, освободить подавляемые эпистемологические основания и в конечном итоге создать иную, более подходящую к колонизируемым обществам эпистемологию [Gallien 2020, 28].

Однако деколониальная теория, атакуя и разрушая установившуюся иерархию с западной гегемонией, устранившей иные эпистемологии («эпистемоцид») [Santos 2016], не предлагает единого позитивного решения, а создает большое количество совершенно разнородных и разнообразных подходов, признавая различные способы познания мира и плюралистический характер производимых знаний.

В целом ряде наук «деколониальный поворот» привел если не к революции, то к драматическим и существенным изменениям в методологии и базовых понятиях [Postcolonial Turn 2011; Radcliffe 2022; Wood 2020].

В результате острых дискуссий, которые велись в рамках социологии с 80-х годов XX века, сформировалась точка зрения, которая соглашалась, что страны глобального Юга (незападные страны) должны иметь полное право создавать свои эпистемологические модели, отличные от западных образцов [Hira 2003; Meghji 2021]. При этом, конечно, устойчивой оставалась и идея отстаивания и сохранения привычных идей и достижений западной мысли [Кисленко 2022, 4].

Отметим один важный парадокс, в полной мере свойственный и цивилизационным исследованиям: деколониальный поворот в социальных науках во многом создавался и развивался учеными из стран Африки, Латинской и Южной Америки, но работавшими в университетах США и стран Европы [Gallien 2020, 49]. Можно сказать, что деколониальный подход является попыткой освобождения от западной эпистемологии, предпринятой выходцами из незападных стран с помощью западного интеллектуально-культурного инструментария. При этом деколониальные идеи, рожденные в западной культуре представителями образованного интеллектуального меньшинства бывших колоний, начинают восприниматься в бывших колониях и создавать основу сопротивления западной гегемонии, возвращая большие группы людей и целые страны из «зоны небытия» [Fanon 1967], куда их определили и отправили западноцентричные модели производства знания [Santos 2007]. В результате воздействия деглобализации и развития деколониального поворота в общественных науках цивилизационный подход, выработанный в рамках западной эпистемологии, приобрел новые смыслы.

Ожидание ослабления национальных государств в конце XX века вызвало определенную реакцию в виде требований обретения и развития суверенитета и независимости. Цивилизационный подход стал для целого ряда незападных стран методом противостояния западноориентированной глобализации. В результате термин «цивилизация» стал активно использоваться в политической риторике, а затем и в академических публикациях¹. При этом наблюдается сильная политизация использования термина «цивилизация», что порождает конфликты и не способствует консолидации общества [Linklater 2021].

Как известно, угрозы развитию национальных государств, а также существующее неравенство между национальными государствами позволили С. Хантингтону в начале 90-х годов XX века предложить модель «столкновения цивилизаций», в которой главным источником конфликтов объявлялись культурные различия между цивилизациями. Однако данная модель не могла удовлетворить растущие запросы незападных государств. В результате в начале XXI века на историческую сцену выходит концепция страны-цивилизации.

Концепция «страна-цивилизация»: западный ответ

Переход к новой концепции цивилизации (страны-цивилизации) произошел довольно быстро, хотя точно датировать это событие вряд ли возможно.

¹ The Allure of the Civilizational State // The National Interest [Электронный ресурс]. URL: <https://nationalinterest.org/feature/allure-civilizational-state-202230> (дата обращения: 24.03.2024).

В содержательной и фундированной монографии о цивилизационном анализе, под редакцией С. Аржоманда и Э. Тиракяна, вышедшей в 2004 году, известные исследователи (в их числе, например, Ш. Айзенштадт) обоснованно возвращают цивилизационный подход в разряд ведущих исследовательских методологий [Rethinking Civilizational Analysis 2004]. Однако в широком спектре тем книги, состоящей из 18 глав и 250 страниц, ни разу не было упомянута концепция «страна-цивилизация»! Авторам (признанным специалистам по цивилизационному анализу) эта концепция была, видимо, совершенно незнакома, либо ее еще не существовало в интеллектуальном пространстве.

Уже через пять лет, в 2009 году выходит работа британского исследователя Мартина Жака, в которой он впервые противопоставляет национальное государство государству-цивилизации. В первую очередь, отмечает Жак, Китай не следует рассматривать как национальное государство. Китай существовал в рамках его нынешних границ в течение почти двух тысяч лет, и только в прошлом веке он стал считаться национальным государством [Jacques 2009, 13]. Таким образом, заключает Жак, китайская идентичность была сформирована задолго до того, как Китай стал считаться национальным государством, тогда как на Западе сознание людей во многом существенным образом трансформировалось именно в период становления национального государства. С этой точки зрения, по мнению Жака, Китай не должен рассматриваться как национальное государство, а скорее как государство-цивилизация, в основе которого лежит прежде всего общая культура и историческая преемственность [Спиридонова 2022, 31].

Отметим, что появление концепции «страна-цивилизация» («государство-цивилизация») многими исследователями связывается именно с работами западных ученых, которые занимались изучением незападных обществ [Bowden 2009; Therborn 2021; Haug, Roychoudhury 2023]. Однако наиболее мощный импульс для развития данная концепция получила в незападных странах уже в 10-х годах XXI века. К этим странам относятся в первую очередь Китай, Индия, Турция, Египет и ряд африканских стран. Правда, надо отметить, что в каждой стране есть свои условия и основания интериоризации концепции страны-цивилизации.

Через три года после публикации книги М. Жака, в 2012 году выходит наиболее известная работа о Китае как о государстве-цивилизации, автором которой являлся китайский исследователь Чжан Вэйвей. По его мнению, бурное развитие Китая в последние десятилетия обусловлено тем, что Китаю удалось создать государство нового типа — государство-цивилизацию [Zhang 2012; Zhang 2016]. Как отмечает Чжан, трудный путь Китая к национальному государству привел к созданию страны-цивилизации, в основе достижений которой лежат упорная и успешная борьба с бедностью, беспрецедентный рост среднего класса, развитие рынка, уникальная политическая система.

Идеи Чжана были восприняты как в самом Китае, так и за его пределами, что показало привлекательность концепции страны-цивилизации [Alitto 2023]. Конкретизируя послы Чжана, китайский исследователь Сиа указывает на изменения, произошедшие в мире и связанные с тем, что эпоха доминирования Запада, несомненно, прошла, на смену ей приходит более сложный и многообразный постколониальный мир, в котором больше должно быть места «чувству культурного превосходства» со стороны любого общества, так как на арену выходят государства-цивилизации, обладающие большой жизненной силой, основанной на истории и уникальной культуре [Xia 2014, 47]. При этом эти государства-цивилизации не являются закрытыми и статическими сущностями — они развиваются и взаимодействуют между собой. Более того, отмечает Сиа, китайская цивилизация, как и любые другие цивилизации, может быть должным образом понята только в контексте исторических трансформаций и через отношения с другими цивилизациями. Сиа при этом полемизирует с подходом

С. Хантингтона и с его тезисом о «столкновении цивилизаций», отвергая такой «антиисторический и этноцентрический» подход к китайской цивилизации (или любой цивилизации вообще).

Следует отметить, что в КНР идея о Китае как о стране-цивилизации поддерживается китайским руководством, которое увидело в этой концепции большой политический потенциал как для внешнеполитического курса, так и для консолидации внутри страны. Однако, как утверждают некоторые эксперты, пока рано говорить о том, что Китай в полной мере является страной-цивилизацией: на международной арене КНР по-прежнему действует и воспринимается другими странами прежде всего как национальное государство.

Современная Индия, которую часто называют «крупнейшей демократией в мире», также обращается к концепции «страна-цивилизация», при этом условия бесконечного разнообразия экологических, физико-географических, экономических, этнонациональных, социокультурных и других характеристик создают особые параметры социально-политического развития. Кроме того, необходимо учитывать, что в стране сложился сложный симбиоз современных классовых/социально-профессиональных сообществ, с одной стороны, и традиционных институциональных ассоциаций (каста, сельская община, расширенная семья и т. д.), с другой [Volodin 2022].

Индийский исследователь Амитаб Ачарья, обратившись к изучению концепта страны-цивилизации, аргументированно отмечает, что цивилизационная идентичность почти всегда была частью внешней политики постколониальных государств, а обращение к концепции цивилизации для этих государств Ачарья рассматривает как сознательную реакцию на столетия колониального правления и западного доминирования, в которых использовались расистские, классовые политические критерии «стандарта цивилизации», чтобы исключить и маргинализировать население [Acharya 2020, 142]. Далее Ачарья указывает, что среди тех обществ, которые больше всего пострадали от колониальной эксплуатации, были две старейшие цивилизации в мире — Китай и Индия. Выйдя на международную арену в качестве независимых государств, они тут же столкнулись с глубоко несправедливой моделью мироустройства, в результате чего вынуждены были обращаться к далекому прошлому своих стран, чтобы оправдать независимость и проектировать свою новую идентичность. Аргументируя такое обоснование, Ачарья тем не менее очень осторожно (реалистично) относится к перспективам концепции «страна-цивилизация» в Индии. По его мнению, древняя Индия была очень эклектичной цивилизацией, совмещающей в себе противоположные философские и политические идеи. С другой стороны, такая эклектичность позволяла политическим элитам в различные периоды истории опираться на разнообразные традиции, правда, не всегда удачно. Говоря о современном состоянии вопроса, Ачарья подчеркивает, что правительство Индии переходит от индуистского националистического дискурса к видению Индии как древней индуистской цивилизации. Однако данная позиция сталкивается с большими проблемами и сомнениями, прежде всего со стороны мусульманских общин. Поскольку Индия является самой густонаселенной демократией в мире, судьба концепта «страна-цивилизация» в Индии, по мнению Ачарьи, в отличие от Китая, будет зависеть от степени поддержки правительства Нарендры Моди на выборах, а не только от того, насколько объективно данная концепция отражает сущность индийского государства [Ibid., 144].

Не менее интересны «приключения» идеи о стране-цивилизации в современной Турции, в которой вопросы цивилизационной принадлежности уже давно находятся в центре дебатов о национальной идентичности, связанных с вопросами о том, в какой степени Турция является частью Востока и/или Запада [Arđıç 2014].

Турция, безусловно, являясь частью исламской цивилизации, претендует на то, чтобы считаться самостоятельной цивилизацией, однако, не имея возможности претендовать на уникальное древнее исламское прошлое, она предлагает свою концепцию совмещения ценностей

ислама и немусульманского мира. При этом турецкие исследователи указывают, что турецкое понятие «цивилизация» (*medeniyet*) тесно связано с европейской концепцией цивилизации, а первые упоминания термина на турецком языке появились в начале XIX века [Palabıyık 2023, 130]. Однако имелись и серьезные различия. Например, взгляды турецких и европейских ученых различались по вопросам универсальности идеи цивилизации, степени ее проникновения во все сферы жизни и т.д. Кроме того, в отличие от Китая и Индии, переживших колониальную зависимость от других государств, Турция имеет более тесные исторические связи с европейским континентом, а в ее истории важную роль играет имперский опыт, во многом трагический. В результате в современной Турции претензии на «цивилизацию» во многом связаны не с преодолением колониальности, а с попытками вернуть стране значимость и уважением на международной арене. В политическом плане этот курс отражается прежде всего в острых дебатах между сторонниками кемалистского курса на светскость и исламизации общества. Именно этот раскол порождает довольно значительные напряжения в стране, в результате чего цивилизационный курс Турции будет зависеть от противостояния и договоренностей между традиционалистскими и светскими модернистскими политическими силами.

Стоит отметить и некоторые другие страны, в которых уже начались поиски своей собственной цивилизационной идентичности, но которые пока не привели к полноценным научным исследованиям и дебатам. Довольно интересно, хотя и противоречиво, развивается африканская история концепции «страна-цивилизация».

Прежде всего упомянем Арабскую республику Египет, в которой после нескольких лет относительно спокойного политического развития появились возможности и ресурсы для цивилизационного самоопределения². В основе этого движения, по мнению экспертов, лежат несколько позиций. Во-первых, Египет действительно имеет древнейшую историю, и политическое руководство страны имеет все возможности опираться на эту историю. Во-вторых, Египет сегодня — крупная страна со 100-миллионным населением, которая, преодолев политические потрясения, ищет свой путь к современности. В-третьих, руководство Египта ясно выражает свое недовольство несправедливым международным либеральным порядком, в котором Египту как национальному государству отводится второстепенная роль.

Дополняют картину развития северо-африканской цивилизационной мысли работы Беннаби Малека (1905–1973), алжирского мыслителя и мусульманского интеллектуала. В своих книгах Малек обращал внимание прежде всего на причины социально-экономического отставания мусульманских стран и успехов западной цивилизации и культуры [Bennabi 2003; Bennabi 2005]. Обширные исследования Беннаби привели его к выводам, что ключевая причина замедления развития мусульманских стран заключалась не в религиозном факторе, а в самих мусульманах. Таким образом, проблемы мусульманского мира могут быть решены через изучение и понимание истинной картины последствий колонизации с их последующим преодолением [Benlahcene 2011]. Формула цивилизации Беннаби состоит из трех составляющих: человек, почва, время. Причем главным является человек, без которого два других элемента не имеют значения. Религия является важным катализатором, однако не единственным и не определяющим. Возрождение и расцвет любого общества зависят от синтеза этих трех основных элементов. Изучая историю цивилизаций, Беннаби делает вывод о том, что каждая цивилизация начинается с моральной системы, в основе которой лежат религиозные представления. Таким образом, Беннаби обращает внимание на важности морального реформирования для цивилизационного развития [Bennabi 2005].

² The return of the pharaohs: The rise of Egypt's civilization-state // The Middle East Institute [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mei.edu/publications/return-pharaohs-rise-egypts-civilization-state> (дата обращения: 24.03.2024).

По всей видимости, для большинства стран Африки выбор цивилизационного подхода пока не является актуальным, это связано во многом с трудностями развития национальных государств в постколониальный период. Тем не менее стоит упомянуть философа нигерийского происхождения Олуфемии Тайво, который является автором нескольких книг, посвященных главным образом рассмотрению перспектив развития африканской самостоятельной мысли [Táíwò 2022a; Táíwò 2022b]. Как подчеркивает Олуфемия Тайво в одном из своих недавних публичных выступлений, африканские мыслители малознакомы европейским исследователям, а африканские политические практики долгое время не привлекали внимания ученых. При этом африканский вклад в развитие европейской цивилизации огромен, хотя и плохо изучен³. Тайво указывает на то, что неизученные и непознанные особенности развития африканских государств пока не позволяют заявлять о существовании африканских государств-цивилизаций, но, по его мнению, такие государства существовали в истории и, скорее всего, будут существовать в этом мире.

В целом при всех выявленных различиях в странах, которые претендуют на разработку и интериоризацию концепции «страна-цивилизация», можно выделить ряд общих черт и особенностей.

Для указанных стран характерно, во-первых, относительно древняя история, на которую можно опираться и использовать; во-вторых, для страны-цивилизации требуется определенная культурная гомогенность, пусть даже и воображаемая, как в современной Индии, в которой существуют явные проблемы с культурной однородностью; в-третьих, эти страны достаточно стабильны в социально-политическом и экономическом плане; в-четвертых, у руководства этих стран имеются серьезные политические амбиции, связанные с необходимостью поддержания суверенитета и сохранения политического статус; и, наконец, в четвертых, во всех описанных странах существует неудовлетворенность несправедливостью современного миропорядка и занимаемым местом в нем.

Однако стоит отметить, что концепции страны-цивилизации в целом и в каждой отдельной стране пока нельзя назвать разработанными в такой степени, чтобы эти концепции складывались бы в единую, непротиворечивую теоретико-методологическую систему; в настоящий момент политическая ценность данной концепции во всех рассмотренных странах превосходит научную проработанность и фундированность теоретических построений.

Заключение. Страна-цивилизация: возможности и угрозы

Изучение работ западных авторов о концепции «страна-цивилизация» и дискуссий вокруг этих работ позволяет выделить основные преимущества, которые авторы видят в принятии данной концепции, а также основные угрозы и риски.

Как показало наше исследование, концепция «цивилизация» имеет конкретное историческое происхождение, изначально связанное с колониальными процессами, когда колонизаторы воспринимали себя как «цивилизаторов» (civic), несущих свет «варварам», при этом цивилизация рассматривалась как универсальное явление, символизирующее прогресс и культуру.

Однако в дальнейшем значение концепции «цивилизация» неоднократно менялось, и к началу XXI века в рамках цивилизационного подхода под влиянием процессов деглобализации и деколонизации знания, связанных с преодолением гегемонии западной эпистемологии, появляется понятие страны-цивилизации.

Разработанное в контексте европейских попыток понять особенности азиатских обществ (прежде всего китайское) понятие страны-цивилизации быстро подхватывается учеными и экспертами и становится популярным в целом ряде западных стран. При этом страна-цивилизация

³ It never existed. The idea of a 'precolonial' Africa is theoretically vacuous, racist and plain wrong about the continent's actual history // AEON [Электронный ресурс]. URL: <https://aeon.co/essays/the-idea-of-precolonial-africa-is-vacuous-and-wrong> (дата обращения: 24.03.2024).

может представляться в двух ипостасях. С одной стороны, это, безусловно, научная концепция, основанная на теоретических разработках, а с другой стороны, страна-цивилизация может быть политическим проектом легитимации власти и конструирования новой идентичности.

Обобщение широкого спектра современных исследований позволяет заключить, что концепт «страна-цивилизация» носит пока довольно противоречивый характер. Во-первых, если говорить о незападном прочтении этого концепта, то само деление на Запад и не-Запад сегодня надо признать крайне неточным и туманным. Именно поэтому, например, в социологии и политической науке предпочитают говорить о противостоянии глобального Юга и глобального Севера, а не Востока и Запада.

Во-вторых, сам термин «цивилизация» нагружен довольно противоречивыми смыслами, которые наслаивались и опровергали друг друга в относительно короткий исторический промежуток времени. В последние годы этот термин опять начинает менять свое значение в контексте деколониального поворота в социальных науках.

В-третьих, цивилизационный подход к пониманию исторического развития претендует на то, чтобы быть парадигмальным знанием, то есть формирующим мировосприятие и мировоззрение человека. Как научное знание цивилизационная методология призвана производить объективные знания, но как мировоззрение цивилизационный подход и порождаемые им знания очень сильно зависят от субъективных ощущений, от самоидентификации человека, от политической и социальной идентичности. Данное противоречие пока представляется неразрешимым.

В-четвертых, в современном миропорядке, в котором присутствуют и действуют национальные государства, пока нет места для стран-цивилизаций, которые вынуждены репрезентировать себя в основном в культурном пространстве, действуя в международном пространстве как национальные государства.

В-пятых, очевидно, что концепт «страна-цивилизация» подходит не для всех стран и не для всех обществ. По всей видимости, есть определенный набор характеристик, которыми должна обладать страна, чтобы пойти по пути страны-цивилизации. С другой стороны, для большинства государств в концепции страны-цивилизации нет никакой необходимости.

Проведенное исследование позволяет выделить некоторые преимущества, которые дает принятие концепции страны-цивилизации:

- 1) культурно-ценностная консолидация общества;
- 2) политическая мобилизация, позволяющая реализовывать крупные проекты;
- 3) основа для суверенитета и проведения независимой политики, как внутренней, так и внешней;
- 4) сохранение и развитие национальной (цивилизационной) идентичности;
- 5) уникальность страны-цивилизации как источника дальнейшего независимого и самостоятельного развития.

Вместе с тем можно выделить и существенные проблемы и риски, которые возникают при следовании по пути страны-цивилизации.

Во-первых, это неочевидность нового миропорядка. Остается неясным, как будут встроены в мироустройство страны-цивилизации, как они будут соотноситься с существующими национальными государствами, как это явное неравенство будет встроено в новый международный порядок, основанный на формальном равенстве государств. В связи с этим, во-вторых, существует явное противоречие между концепцией страны-цивилизации и концепцией национального

государства. Это прежде всего связано с проблемами с суверенитетом, с границами, территориями, культурными общностями, разнообразными меньшинствами т. д., то есть с многими понятиями и явлениями, которые родились и развиваются в рамках национального государства. Как они будут существовать в стране-цивилизации, пока неясно. Политические заявления, которые делаются в Китае, Индии и других странах, требуют глубочайшей проработки и аккуратной реализации.

В-третьих, уже активно обсуждаются опасности, которые могут принести такие явления, как цивилизационный популизм, который часто присутствует в политической риторике. Вполне возможно, что популярными идеями цивилизационной уникальности могут воспользоваться стремящиеся к власти радикальные политические силы.

В-четвертых, цивилизационному развитию могут сопутствовать идеи изоляционизма, доходящие до цивилизационной исключительности и даже до «цивизационного расизма», то есть восприятия себя исключительной цивилизацией, которая стоит выше всех остальных.

И, наконец, в-пятых, существуют риски стать несостоявшейся цивилизацией. Если страна, заявляя о своей цивилизационной самостоятельности, не реализует этот потенциал, это может привести к печальным последствиям.

В заключение следует отметить необходимость проведения масштабной консолидированной исследовательской работы в коллаборации с заинтересованными участниками из разных стран, чтобы довести до необходимой степени теоретической разработанности концепцию «страна-цивилизация» и найти решения встающих перед человечеством проблем.

Список литературы:

Велижев М.Б. Цивилизация и средний класс // Понятия о России: к исторической семантике имперского периода. В 2-х томах. М.: Новое литературное обозрение, 2012. Т. 1. С. 250–292.

Гизо Ф. История цивилизации в Европе. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2007.

Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: ТЕРРА — Книжный клуб, 2008.

Казанцев А.А., Сергеев В.М. Кризис «американоцентричной» глобализации: причины, тенденции, сценарии развития // Вестник МГИМО-Университета. 2020. Т. 13. № 2. С. 40–69. DOI: [10.24833/2071-8160-2020-2-71-40-69](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2020-2-71-40-69)

Кисленко И.Ю. О колониальной эпистеме и деколониальной социологии (к дискуссии о канонизации У.Э.Б. Дюбуа) // Социологические исследования. 2022. № 7. С. 3–14. DOI: [10.31857/S013216250021240-7](https://doi.org/10.31857/S013216250021240-7)

Сергеев В.М., Кузьмин А.С., Нечаев В.Д., Алексеенкова Е.С., Казанцев А.А., Дождиков А.В., Евстифеев Р.В., Усманов С.М., Чернышов С.В., Федорова И.М., Хомутова О.Ю., Виноградова С.А. “Хора” московских “ворот” и сценарии ее развития // Полис. Политические исследования. 2007. № 2. С. 44–62. DOI: [10.17976/jpps/2007.02.04](https://doi.org/10.17976/jpps/2007.02.04)

Спиридонова В.И. «Цивилизационное государство» как вызов однополярной глобализации // Век глобализации. 2022. № 1(41). С. 29–42. DOI: [10.30884/vglob/2022.01.02](https://doi.org/10.30884/vglob/2022.01.02)

Февр Л. Бои за историю. М.: Наука, 1991.

Acharya A. The Myth of the “Civilization State”: Rising Powers and the Cultural Challenge to World Order // Ethics & International Affairs. 2020. Vol. 34. Is. 2. P. 139–156. DOI: [10.1017/S0892679420000192](https://doi.org/10.1017/S0892679420000192)

Alexander T. Unravelling Global Apartheid: An Overview of World Politics. Cambridge: Polity Press, 1996.

Alitto G. The Uniqueness of Chinese Civilization in World History. Singapore: Springer Nature Singapore, 2023.

Anthropology and Civilizational Analysis: Eurasian Explorations / ed. by J.P. Arnason, Ch. Hann. Albany: State University of New York Press, 2018.

- Ardıç N. Civilizational Discourse, the “Alliance of Civilizations” and Turkish Foreign Policy // *Insight Turkey*. 2014. Vol. 16. Is. 3. P. 101–122.
- Behera N.C. Globalization, Deglobalization and Knowledge Production // *International Affairs*. 2021. Vol. 97. Is. 5. P. 1579–1597. DOI: [10.1093/ia/iiab119](https://doi.org/10.1093/ia/iiab119)
- Bello W. *Deglobalization: Ideas for a New World Economy*. London: Zed Books, 2002.
- Benedikter R. What Is Re-Globalization? // *New Global Studies*. 2021. Vol. 15. Is. 1. P. 73–84. DOI: [10.1515/ngs-2020-0051](https://doi.org/10.1515/ngs-2020-0051)
- Benlahcene B. *The Socio-Intellectual Foundations of Malek Bennabi’s Approach to Civilization*. London — Washington: The international institute of Islamic thought, 2011.
- Bennabi M. *The Question of Culture*. London — Washington: The International Institute of Islamic World, 2003.
- Bennabi M. *Les conditions de la renaissance. Problème d’une civilisation*. Alger: Editions ANEP, 2005.
- Benveniste E. *Civilization: A Contribution to the History of the Word* // *Problems in General Linguistics* / transl. by M.E. Meek. Coral Gables, FL: University of Miami Press, 1971. P. 289–296.
- Bowden B. *The Empire of Civilization: The Evolution of an Imperial Idea*. Chicago and London: The University of Chicago Press, 2009.
- Buhari D. The Myth of Deglobalization: Definitional and Methodological Issues // *Globalization: Past, Present, Future* / ed. by M.B. Steger, R. Benedikter, H. Pechlaner, I. Kofler. Oakland: University of California Press, 2023. P. 74–89. DOI: [10.1525/9780520395770-007](https://doi.org/10.1525/9780520395770-007)
- Coker C. *The Rise of the Civilizational State*. Cambridge, U.K.: Polity, 2019.
- Durkheim E., Mauss M. Note on the Notion of Civilization // *Social Research*. 1971. Vol. 38. Is. 4. P. 808–813.
- Eisenstadt S. Multiple Modernities // *Daedalus*. 2000. Vol. 129. Is. 1. P. 1–29.
- Fanon F. *Black Skin, White Masks*. Markmann. New York: Grove, 1967.
- Fekete L. Civilisational Racism, Ethnonationalism and the Clash of Imperialisms in Ukraine // *Race & Class*. 2023. Vol. 64. Is. 4. P. 3–26. DOI: [10.1177/03063968231152093](https://doi.org/10.1177/03063968231152093)
- Gallien C. A Decolonial Turn in the Humanities // *Alif: Journal of Comparative Poetics*, 2020. Is. 40. P. 28–58.
- Huntington S. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. New York: Touchstone, 1997.
- Hardt M., Negri A. *Empire*. Cambridge: Harvard University Press, 2000.
- Haug S., Roychoudhury S. Civilizational Exceptionalism in International Affairs: Making Sense of Indian and Turkish Claims // *International Affairs*. 2023. Vol. 99. Is. 2. P. 531–549. DOI: [10.1093/ia/iiaac317](https://doi.org/10.1093/ia/iiaac317)
- Hira S. *Decolonizing the Mind. A Guide to Decolonial Theory and Practice*. Hague: Amrit Publishers, 2023.
- Jacques M. *When China Rules the World: The End of the Western World and the Birth of a New Global Order*. London: Penguin Books, 2009.
- Kim H., Li P., Lee Y. Observations of Deglobalization against Globalization and Impacts on Global Business // *International Trade, Politics and Development*. 2020. Vol. 4. Is. 2. P. 83–103. DOI: [10.1108/itpd-05-2020-0067](https://doi.org/10.1108/itpd-05-2020-0067)
- Kumar K. The Return of Civilization — and of Arnold Toynbee? // *Comparative Studies in Society and History*. 2014. Vol. 56. Is. 4. P. 815–843. DOI: [10.1017/S0010417514000413](https://doi.org/10.1017/S0010417514000413)
- Linklater A. *The Idea of Civilization and the Making of the Global Order*. Bristol: Bristol University Press, 2021.
- Mauss M. *Les Fonctions sociales du sacré. Oeuvres*. Paris: Editions de Minuit, 1968. Vol. 2.

- Meghji A. *Decolonizing Sociology: An Introduction*. New York: John Wiley&Sons, 2021.
- Novy A. The Political Trilemma of Contemporary Social-Ecological Transformation // *Globalizations*. 2022. Vol. 19. Is. 1. P. 59–80. DOI: [10.1080/14747731.2020.1850073](https://doi.org/10.1080/14747731.2020.1850073)
- Olivie I., Gracia M. Is This the End of Globalization (As We Know It) // *Globalizations*. 2020. Vol. 17. Is. 6. P. 990–1007. DOI: [10.1080/14747731.2020.1716923](https://doi.org/10.1080/14747731.2020.1716923)
- Palabıyık M.A Genealogy of the Concept of Civilization (Medeniyet) in Ottoman Political Thought: A Homegrown Perception? // *All Azimuth*. 2023. Vol. 12. No. 1. P. 129–146. DOI: [10.20991/allazimuth.1177305](https://doi.org/10.20991/allazimuth.1177305)
- Paul T.V. Globalization, Deglobalization and Reglobalization: Adapting Liberal International Order // *International Affairs*. 2021. Vol. 97. Is. 5. P. 1599–1620. DOI: [10.1093/ia/iab072](https://doi.org/10.1093/ia/iab072)
- Postcolonial Turn: Re-Imagining Anthropology and Africa / ed. by R. Devisch, F. Nyamnjoh. Bamenda: Langaa RPCIG, 2011.
- Radcliffe S. *Decolonizing Geography. An Introduction*. Cambridge: Polity Press, 2022.
- Re-Globalization. *New Frontiers of Political, Economic, and Social Globalization* / ed. by R. Benedikter, M. Gruber, I. Kofler. New York: Routledge, 2022.
- Rethinking Civilizational Analysis / ed. by Saïd Amir Arjomand, E.A. Tiryakian. London: SAGE Publications, 2004.
- Rückert H. *Lehrbuch der Weltgeschichte in organischer Darstellung*. Bd. 1–2. Leipzig: Weigel, 1857.
- Santos B. Beyond Abyssal Thinking: From Global Lines to Ecologies of Knowledges // *Review (Fernand Braudel Center)*. 2007. Vol. 30. Is. 1. P. 45–89.
- Santos B. *Epistemologies of the South: Justice against Epistemicide*. New York: Routledge, 2016.
- Spengler O. *Der Untergang des Abendlandes: Umriss einer Morphologie der Weltgeschichte*. München: C.H. Beck, 1980.
- Táíwò O. *Elite Capture: How the Powerful Took Over Identity Politics (and Everything Else)*. London: Pluto Press, 2022a.
- Táíwò O. *Against Decolonisation. Taking African Agency Seriously*. London: C. Hurst & Co, 2022b.
- Therborn G. States, Nations, and Civilizations // *Fudan Journal of the Humanities and Social Sciences*. 2021. Is. 14. P. 225–242. DOI: [10.17863/CAM.66847](https://doi.org/10.17863/CAM.66847)
- Toynbee A.A *Study of History*. Abridgement of vols. I–VI by D.C. Somervell. London: Oxford University Press, 1947.
- Tylor E. *Primitive Culture: Researches into the Development of Mythology, Philosophy, Religion, Language, Art, and Custom*. 2 vols. London: John Murray, 1891.
- Volodin A.G. India as a Civilizational State // *Herald of the Russian Academy of Sciences*. 2022. Vol. 92. Suppl. 9. P. S827–S837. DOI: [10.1134/S1019331622150102](https://doi.org/10.1134/S1019331622150102)
- Weber M. *Die Protestantische Ethik: Kritiken und Antikritiken*. Guetersloh: Guetersloher Verlagshaus, 1978.
- Wood D.A. *Epistemic Decolonization. A Critical Investigation into the Anticolonial Politics of Knowledge*. Cham: Palgrave Macmillan, 2020.
- Xia G. China as a “Civilization-State”: A Historical and Comparative Interpretation // *Procedia — Social and Behavioral Sciences*. 2014. Is. 140. P. 43–47. DOI: [10.1016/j.sbspro.2014.04.384](https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2014.04.384)
- Yu M. Escape from Civilization’s Predicaments // *Telos*. 2022. Is. 201. P. 51–61. DOI: [10.3817/1222201051](https://doi.org/10.3817/1222201051)
- Zhang W. *The China Wave. Rise of a Civilizational State*. Shanghai: World Century, 2012.

Zhang W. *The China Horizon: Glory and Dream of a Civilizational State*. Shanghai: Fudan University, China & Shanghai Academy of Social Sciences, 2016.

References:

- Acharya A. (2020) The Myth of the “Civilization State”: Rising Powers and the Cultural Challenge to World Order. *Ethics & International Affairs*. Vol. 34. Is. 2. P. 139–156. DOI: [10.1017/S0892679420000192](https://doi.org/10.1017/S0892679420000192)
- Alexander T. (1996) *Unravelling Global Apartheid: An Overview of World Politics*. Cambridge: Polity Press.
- Alitto G. (2023) *The Uniqueness of Chinese Civilization in World History*. Singapore: Springer Nature Singapore.
- Ardıç N. (2014) Civilizational Discourse, the “Alliance of Civilizations” and Turkish Foreign Policy. *Insight Turkey*. Vol. 16. Is. 3. P. 101–122.
- Arjomand S.A., Tiryakian E.A. (eds.) (2004) *Rethinking Civilizational Analysis*. London: SAGE Publications.
- Arnason J.P., Hann Ch. (eds.) (2018) *Anthropology and Civilizational Analysis: Eurasian Explorations*. Albany: State University of New York Press.
- Behera N. (2021) C. Globalization, Deglobalization and Knowledge Production. *International Affairs*. Vol. 97. Is. 5. P. 1579–1597. DOI: [10.1093/ia/ijab119](https://doi.org/10.1093/ia/ijab119)
- Bello W. (2022) *Deglobalization: Ideas for a New World Economy*. London: Zed Books.
- Benedikter R. (2021) What Is Re-Globalization? *New Global Studies*. Vol. 15. Is. 1. P. 73–84. DOI: [10.1515/ngs-2020-0051](https://doi.org/10.1515/ngs-2020-0051)
- Benedikter R., Gruber M., Kofler I. (eds.) (2022) *Re-Globalization. New Frontiers of Political, Economic, and Social Globalization*. New York: Routledge.
- Benlahcene B. (2011) *The Socio-Intellectual Foundations of Malek Bennabi’s Approach to Civilization*. London — Washington: The international institute of Islamic thought.
- Bennabi M. (2003) *The Question of Culture*. London — Washington: The International Institute of Islamic World.
- Bennabi M. (2005) *Les conditions de la renaissance. Problème d’une civilisation*. Alger: Editions ANEP.
- Benveniste E. (1971) Civilization: A Contribution to the History of the Word. In: Meek M.E. (transl.) *Problems in General Linguistics*. Coral Gables, FL: University of Miami Press. P. 289–296.
- Bowden B. (2009) *The Empire of Civilization: The Evolution of an Imperial Idea*. Chicago and London: The University of Chicago Press.
- Buhari D. (2023) The Myth of Deglobalization: Definitional and Methodological Issues. In: Steger M.B., Benedikter R., Pechlaner H., Kofler I. (eds.) *Globalization: Past, Present, Future*. Oakland: University of California Press. P. 74–89. DOI: [10.1525/9780520395770-007](https://doi.org/10.1525/9780520395770-007)
- Coker C. (2019) *The Rise of the Civilizational State*. Cambridge, U.K.: Polity.
- Danilevskiy N.Ya. (2008) *Rossiya i Evropa [Russia and Europe]*. Moscow: TERRA — Knizhnyy klub.
- Guizot F. (2007) *Histoire générale de la civilisation en Europe*. Mpscpw: Izdatel’skiy dom “Territoriya budushchego”.
- Devisch R., Nyamnjoh F. (eds.) (2011) *Postcolonial Turn: Re-Imagining Anthropology and Africa*. Bamenda: Langaa RPCIG.
- Durkheim E., Mauss M. (1971) Note on the Notion of Civilization. *Social Research*. Vol. 38. Is. 4. P. 808–813.
- Eisenstadt S. (2000) Multiple Modernities. *Daedalus*. Vol. 129. Is. 1. P. 1–29.
- Fanon F. (1967) *Black Skin, White Masks*. New York: Grove.

- Febvre L. (1991) *Combats pour l'histoire*. Moscow: Nauka.
- Fekete L. (2023) Civilisational Racism, Ethnonationalism and the Clash of Imperialisms in Ukraine. *Race & Class*. Vol. 64. Is. 4. P. 3–26. DOI: [10.1177/03063968231152093](https://doi.org/10.1177/03063968231152093)
- Gallien C. (2020) A Decolonial Turn in the Humanities. *Alif: Journal of Comparative Poetics*. Is. 40. P. 28–58.
- Huntington S. (1997) *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. New York: Touchstone.
- Hardt M., Negri A. (2000) *Empire*. Cambridge: Harvard University Press.
- Haug S., Roychoudhury S. (2023) Civilizational Exceptionalism in International Affairs: Making Sense of Indian and Turkish Claims. *International Affairs*. Vol. 99. Is. 2. P. 531–549. DOI: [10.1093/ia/iia317](https://doi.org/10.1093/ia/iia317)
- Hira S. (2023) *Decolonizing the Mind. A Guide to Decolonial Theory and Practice*. Hague: Amrit Publishers.
- Jacques M. (2009) *When China Rules the World: The End of the Western World and the Birth of a New Global Order*. London: Penguin Books.
- Kasantzev A.A., Sergeev V.M. (2020) The Crisis of US-centric Globalization: Causes, Trends and Scenarios of Development. *Vestnik MGIMO-Universiteta*. Vol. 13. No. 2. P. 40–69. DOI: [10.24833/2071-8160-2020-2-71-40-69](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2020-2-71-40-69)
- Kim H., Li P., Lee Y. (2020) Observations of Deglobalization against Globalization and Impacts on Global Business. *International Trade, Politics and Development*. Vol. 4. Is. 2. P. 83–103. DOI: [10.1108/itpd-05-2020-0067](https://doi.org/10.1108/itpd-05-2020-0067)
- Kislenko I.Y. (2022) On Colonial Episteme and Decolonial Sociology (Discussing the Canonization of W.E.B. Du Bois). *Sotsiologicheskiye issledovaniya*. No. 7. P. 3–14. DOI: [10.31857/S013216250021240-7](https://doi.org/10.31857/S013216250021240-7)
- Kumar K. (2014) The Return of Civilization — and of Arnold Toynbee. *Comparative Studies in Society and History*. Vol. 56. Is. 4. P. 815–843. DOI: [10.1017/S0010417514000413](https://doi.org/10.1017/S0010417514000413)
- Linklater A. (2021) *The Idea of Civilization and the Making of the Global Order*. Bristol: Bristol University Press.
- Mauss M. (1968) *Les Fonctions sociales du sacré. Oeuvres* Paris: Editions de Minuit. Vol. 2.
- Meghji A. (2021) *Decolonizing Sociology: An Introduction*. New York: John Wiley&Sons.
- Novy A. (2022) The Political Trilemma of Contemporary Social-Ecological Transformation. *Globalizations*. Vol. 19. Is. 1. P. 59–80. DOI: [10.1080/14747731.2020.1850073](https://doi.org/10.1080/14747731.2020.1850073)
- Olivié I., Gracia M. (2020) Is This the End of Globalization (As We Know It). *Globalizations*. Vol. 17. Is. 6. P. 990–1007. DOI: [10.1080/14747731.2020.1716923](https://doi.org/10.1080/14747731.2020.1716923)
- Palabıyık M. (2023) A Genealogy of the Concept of Civilization (Medeniyet) in Ottoman Political Thought: A Homegrown Perception? *All Azimuth*. Vol. 12. No. 1. P. 129–146. DOI: [10.20991/allazimuth.1177305](https://doi.org/10.20991/allazimuth.1177305)
- Paul T.V. (2021) Globalization, Deglobalization and Reglobalization: Adapting Liberal International Order. *International Affairs*. Vol. 97. Is. 5. P. 1599–1620. DOI: [10.1093/ia/iia072](https://doi.org/10.1093/ia/iia072)
- Radcliffe S. (2022) *Decolonizing Geography. An Introduction*. Cambridge: Polity Press.
- Rückert H. (1857) *Lehrbuch der Weltgeschichte in organischer Darstellung*. Bd. 1–2. Leipzig: Weigel.
- Santos B. (2007) Beyond Abyssal Thinking: From Global Lines to Ecologies of Knowledges. *Review (Fernand Braudel Center)*. Vol. 30. Is. 1. P. 45–89.
- Santos B. (2016) *Epistemologies of the South: Justice against Epistemicide*. New York: Routledge.
- Sergeev V.M., Kuzmin A.S., Nechayev V.D., Alekseyenkova E.S., Kazantsev A.A., Dozhnikov A.V., Evstifeyev R.V., Usmanov S.M., Chernyshov S.V., Fyodorova I.M., Khomutova O.Yu.,
- Spengler O. (1980) *Der Untergang des Abendlandes: Umriss einer Morphologie der Weltgeschichte*. München: C.H. Beck.

- Spiridonova V.I. (2022) Civilizational State' as a Challenge to Unipolar Globalization. *Vek globalizatsii*. No. 1(41). P. 29–42. DOI: [10.30884/vglob/2022.01.02](https://doi.org/10.30884/vglob/2022.01.02)
- Táíwò O. (2022a) *Elite Capture: How the Powerful Took Over Identity Politics (and Everything Else)*. London: Pluto Press.
- Táíwò O. (2022b) *Against Decolonisation. Taking African Agency Seriously*. London: C. Hurst & Co.
- Therborn G. (2021) States, Nations, and Civilizations. *Fudan Journal of the Humanities and Social Sciences*. Is. 14. P. 225–242. DOI: [10.17863/CAM.66847](https://doi.org/10.17863/CAM.66847)
- Toynbee A. (1947) *A Study of History. Abridgement of vols. I–VI by D.C. Somervell*. London: Oxford University Press.
- Tylor E. (1981) *Primitive Culture: Researches into the Development of Mythology, Philosophy, Religion, Language, Art, and Custom*. 2 vols. London: John Murray.
- Velizhev M.B. (2012) Tsivilizatsiya i sredniy klass [Civilization and middle class]. In: *Ponyatiya o Rossii: K istoricheskoy semantike imperskogo perioda. V 2-kh tomakh*. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye. Vol. 1. P. 250–292.
- Vinogradova S.A. (2007) The “Choir” of the Moscow “Gateway” and Scenarios of Its Development. *Polis. Politicheskoye issledovaniya*. No. 2. P. 44–62. DOI: [10.17976/jpps/2007.02.04](https://doi.org/10.17976/jpps/2007.02.04)
- Volodin A.G. (2022) India as a Civilizational State. *Herald of the Russian Academy of Sciences*. Vol. 92. Suppl. 9. P. S827–S837. DOI: [10.1134/S1019331622150102](https://doi.org/10.1134/S1019331622150102)
- Weber M. (1978) *Die Protestantische Ethik: Kritiken und Antikritiken*. Guetersloh: Guetersloher Verlagshaus.
- Wood D.A. (2020) *Epistemic Decolonization. A Critical Investigation into the Anticolonial Politics of Knowledge*. Cham: Palgrave Macmillan.
- Xia G. (2014) China as a “Civilization-State”: A Historical and Comparative Interpretation. *Procedia — Social and Behavioral Sciences*. Is. 140. P. 43–47. DOI: [10.1016/j.sbspro.2014.04.384](https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2014.04.384)
- Yu M. (2022) Escape from Civilization's Predicaments. *Telos*. Is. 201. P. 51–61. DOI: [10.3817/1222201051](https://doi.org/10.3817/1222201051)
- Zhang W. (2012) *The China Wave. Rise of a Civilizational State*. Shanghai: World Century.
- Zhang W. (2016) *The China Horizon: Glory and Dream of a Civilizational State*. Shanghai: Fudan University, China & Shanghai Academy of Social Sciences.

Дата поступления/Received: 20.04.2024

Человеческий капитал: экономическая природа и влияние искусственного интеллекта в контексте устойчивости в период трансформации цивилизации

Кудина Марианна Валерьевна

Доктор экономических наук, профессор, заместитель декана по научной работе, заведующая кафедрой экономики инновационного развития, научный руководитель Центра инновационного проектирования, профессор факультета управления МГУ-ППИ в г. Шэньчжэнь (КНР), SPIN-код РИНЦ: [5516-5825](#), ORCID: [0000-0003-3923-515X](#), Kudina@spa.msu.ru

Факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

Аннотация

Механизмы управления человеческим капиталом стремительно развиваются благодаря динамичному характеру социально-экономических изменений и появлению инновационных технологических решений. Переход к новому этапу развития цивилизации означает изменение отношения людей по поводу создания материальной основы и обеспечения существования. Большинство функций людей со временем будет переходить в фазу креативного созидания и управления этими отношениями, а не непосредственного участия в них. Эти тенденции усиливаются с развитием и повсеместным распространением искусственного интеллекта, которому человек начинает передавать все большее количество функций по обеспечению материальной базы собственного существования и развития. Меняется характер труда, а следовательно, и требования к человеческому капиталу. Исследование природы человеческого капитала как самовозрастающей стоимости и выявление внутренних законов инновационного развития позволяют построить систему управления человеческими ресурсами в контексте устойчивости через определение ядра этой системы, внутреннего импульса и механизма ее динамического развития. Что приобретает особое значение для нивелирования рисков и предотвращения негативных последствий новых вызовов современности. Трансформация современного общества может рассматриваться с этой точки зрения как переходный период к новому взгляду на человека и его отношения с окружающей средой, включая отношение человека к себе и собственному окружению (как личному, так и деловому), к природе, государству и миропорядку.

Ключевые слова

Человеческий капитал, самовозрастающая стоимость, цифровизация, искусственный интеллект, трансформация цивилизации, устойчивое развитие, инновационный процесс.

Для цитирования

Кудина М.В. Человеческий капитал: экономическая природа и влияние искусственного интеллекта в контексте устойчивости в период трансформации цивилизации // Государственное управление. Электронный вестник. 2024. №104(S). С. 34–48. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-104(S)-2024-34-48

Human Capital: Economic Nature and Influence of Artificial Intelligence in the Context of Sustainability during the Period of Civilization Transformation

Marianna V. Kudina

DSc (Economics), Professor, Deputy Dean for Research, Head of the Department of Economics of Innovative Development, Scientific Director of the Center for Innovative Design, Professor of the Faculty of Management, Shenzhen MSU-BIT University (PRC), ORCID: [0000-0003-3923-515X](#), Kudina@spa.msu.ru

School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

Abstract

Human capital management mechanisms are rapidly developing due to the dynamic nature of socio-economic changes and the emergence of innovative technological solutions. The transition to a new stage in the development of civilization means a change in people's attitude to creating a material basis and ensuring existence. Most of the functions of people will eventually move into the phase of creative creation and management of these relationships, rather than direct participation in them. These trends are intensifying with the development and widespread dissemination of artificial intelligence, to which people begin to transfer an increasing number of functions to ensure the material basis for their own existence and development. The nature of labor is changing, and, consequently, the requirements for human capital are changing. Studying the nature of human capital as a self-increasing value and identifying the internal laws of innovative development make it possible to build a human resource management system in the context of sustainability by identifying the core of this system, the internal impulse and the mechanism of its dynamic development. Which is of particular importance for leveling risks and preventing the negative consequences of new challenges of our time. The transformation of modern society can be considered from this point of view as a transition period to a new view at human and his/her relationship with the environment, including human's attitude to himself and his/her own environment (both personal and business), to nature, to the state and the world order.

Keywords

Human capital, self-increasing value, digitalization, artificial intelligence, civilization transformation, sustainable development, innovation process.

For citation

Kudina M.V. (2024) Human Capital: Economic Nature and Influence of Artificial Intelligence in the Context of Sustainability during the Period of Civilization Transformation. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 104(S). P. 34–48. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-104(S)-2024-34-48

Введение

Распространение новых технологий беспрецедентными темпами кардинально меняет представление о возможностях человека как участника различного вида отношений, его восприятие происходящих трансформаций, самоидентификации, принадлежности к той или иной цивилизации, культурному коду, духовным и нравственным ценностям. Важно отметить, что гуманитарным наукам повезло в этом смысле в большей степени, поскольку открытия в области естественных наук (физике, химии, биологии и т. д.) только на первый взгляд затрагивают специалистов именно в этой области. В конечном счете любой процесс в любой области знаний требует не только осознания законов, но и построения механизма управления системой, в основе которой лежит открытие. Вопрос о принадлежности экономики и менеджмента к естественным или гуманитарным наукам остается дискуссионным до сих пор. Хотя именно наличие внутренних законов развития позволяет выстраивать систему и механизмы управления ею, включая выявление тенденций, прогнозирование и моделирование, нивелирование рисков и негативных последствий. Управление необходимо для наиболее эффективного и рационального использования всех видов ресурсов, и прежде всего человеческого капитала. Это находит отражение в попытках ученых пересмотреть взгляды как на природу самого человека, его интеллектуальных способностей, потребностей, возможностей, ограничений и побудительных мотивов, так и на его физическое, психическое и эмоциональное состояние. Кроме того, меняются подходы к управлению общественными отношениями, в том числе по поводу производства материальных и нематериальных основ существования человечества. Поэтому, на наш взгляд, именно экономический подход к понятию «человеческие ресурсы» через категорию «капитал» как самовозрастающую стоимость позволяет раскрыть его внутреннюю природу и построить систему управления.

Человеческий капитал как предмет исследования

В научной среде продолжают дискуссии по поводу приемлемости и обоснованности использования термина «человеческий капитал». Благодаря работам лауреата премии по экономике имени Альфреда Нобеля «За вклад в экономическую теорию благосостояния» А. Сена [Sen 1997] (премия 1998 года) и его друга и сподвижника Махбуба уль-Хака [Mahbub ul Haq 1995], который разработал показатель социального благосостояния и, соответственно, концепцию индекса человеческого потенциала (1990) (до 2013 года — индекс человеческого развития), особое внимание стало уделяться этическим аспектам экономического роста. Ученые обратили внимание, что экономика «перешла от теории полезности к теории возможностей человека» [Сушенцова, Аникин 2023, 9]. А после работ Дж. Хекмана [Heckman et al. 2018] (нобелевский лауреат 2000 года) «человеческий потенциал стал связываться с развитием “внутренних способностей” человека, активизацией деятельностных аспектов его личности, агентности и самостоятельности» [Человеческий потенциал 2023, 7]. Далее авторы приводят аргументацию в пользу разделения понятий человеческого капитала (ЧК), отводя ему роль лишь на микроуровне, и человеческого потенциала (ЧП), рассматривая его как отдельное понятие. На наш взгляд, строже в научном смысле и логичнее использование именно понятия «человеческий капитал» по нескольким причинам. Во-первых, потенциал (от лат. potential — сила, мощь) подразумевает либо безграничность возможностей, либо, напротив, его обусловленность. Конечно, с развитием искусственного интеллекта (ИИ) мы сможем говорить о бесконечном расширении потенциала разума. Однако этот вопрос пока остается открытым, в том числе и с учетом этических нарративов. В этом смысле особого внимания заслуживает рассмотрение вопроса о мотивах и ценностных ориентирах. Во-вторых, потенциал в применении к человеку больше относится к врожденным талантам и

способностям. В-третьих, некоторые ученые считают, что понятие человеческого потенциала шире. Так, предлагается ЧК (уровень образования / знания и навыки, демографические показатели и здоровье) дополнить такими характеристиками, как, например, ценностные ориентиры и установки [Аникин 2017]. А ЧП следует рассматривать с учетом дополнительных характеристик, таких как мотивация, вовлеченность, проактивное поведение, стратегическое предвидение, эмоциональный интеллект, системное мышление, любознательность, коммуникабельность и т. д. [Сушенцова, Аникин 2023,19–21]. Можно согласиться с такой расширенной и, возможно, еще расширяемой в дальнейшем трактовкой, однако, на наш взгляд, именно термин «человеческий капитал» (в его расширенной трактовке) в большей степени отражает саму суть поведения человека и его участия в экономических процессах. Кроме того, сегодня невозможно отдельно рассматривать только эту сторону человеческой деятельности, поскольку как минимум человек представляет собой сложную систему, обладающую биологическими и социальными характеристиками, в которой тесно переплетены разум и эмоции, что оказывает влияние на его физическое и психологическое состояние и, как следствие, на его возможности управлять разумом (мотивами и выводами / умозаключениями), эмоциями и действиями. Мы предлагаем рассматривать потенциал как заложенную вероятность (возможность), а капитал — как реализованную возможность, безусловно, с учетом прогнозирования и оценки его будущего, то есть с закладыванием фундамента для реализации возможностей в будущем (по аналогии с дисконтированием — приведением будущих доходов (выгод) к настоящему моменту времени).

Попытки измерить эффективность управления человеком (человеческим ресурсом как потенциалом) востребованы и предпринимаются на всех уровнях. Понятие «капитал», на наш взгляд, в наибольшей степени отвечает этой задаче. Что же позволяет воспринимать человеческие ресурсы (реализованные возможности) как капитал? Капитал — это самовозрастающая стоимость (по К. Марксу), способная к накоплению [Marx 1867]. И в этом его главная суть. Капитал должен быть инвестирован в такие активы, которые позволят ему сохраниться (с учетом амортизации), принести добавленную стоимость, увеличиться, принести доход (или иную выгоду) и быть реинвестированным в систему (компанию, организацию, любой вид деятельности, человека). Это и означает капитализацию (самовозрастание). Именно эта сущность капитала позволяет применить это понятие и к человеку. Поняв природу ЧК, мы сможем эффективнее выстроить систему управления им.

Методология исследования

Логика исследования человеческого капитала, его экономической природы на современном этапе трансформации цивилизации может представляться следующей: от раскрытия сути трансформационного периода, связанного с осознанием места и роли человека-личности в современном обществе, до выявления основных принципов построения системы управления человеческим капиталом на всех уровнях, в которой человеческий капитал рассматривается в дуалистическом контексте как объект и субъект управления.

Следуя этой логике, важно опираться на понимание сути переходного периода человеческого развития, в центре которого становится лидер, выступающий главным актором управления. Некоторые ученые называют этот период ноотрансформацией [Бодрунов 2020].

Далее, важным, на наш взгляд, является раскрытие сути, экономической природы человеческого капитала как самовозрастающей стоимости через категории «капитализация» и «инвестироване» на основе сбалансированного формирования его активов.

Особое значение на современном этапе отводится инновационным процессам и осознанию их природы как «созидательного разрушения» [Шумпетер 2007]. Понимание внутренних законов инновационного процесса и осознание неизбежности сопротивления старой системы быстрому распространению новых технологий, а также естественности попадания в так называемую «долину смерти» [Merrifield 1995] и необходимости преодоления технологического разрыва позволят выстроить систему управления через осознанное взаимодействие главных участников (акторов) инновационных процессов и, соответственно, систему управления трансформационным периодом в целом.

Очевидно, что такие технологии, как ИИ, не просто оказывают существенное влияние на человека, в том числе на его высвобождение за счет замены ручного и умственного труда (свободное время, развитие способностей), а коренным образом меняют природу самого человека за счет развития новых навыков и компетенций, трансформации системы его ценностей и мотиваций. А именно в этом, на наш взгляд, суть цивилизационного подхода [Шпенглер 2003; Данилевский 2008; Никонов 2015; Никонов 2020].

Следующим важным аспектом построения системы управления является необходимость достижения устойчивости систем любого уровня. На наш взгляд, устойчивость достигается за счет укрепления ядра (центра и импульса системы — человека — через систему самомотивации) и сбалансированности (в том числе активов и инвестиций в человеческий капитал).

Управление ни одной системой невозможно без оценки рисков и механизмов их нивелирования. В контексте управления человеческим капиталом можно говорить о снижении рисков через диверсификацию, то есть распределение их между всеми участниками на основе коммуникации, предоставления и подтверждения достоверности сведений, договоренности, овладения универсальными знаниями для преодоления асимметрии информации, развития института доверия [Аузан 2019]. Снижение уровня рисков в целом положительно сказывается на психическом и эмоциональном состоянии человека, его уверенности в завтрашнем дне, а следовательно, способности мыслить стратегически, что должно найти отражение как в снижении сиюминутного потребительского спроса, так и в росте долгосрочных инвестиций. И, безусловно, главная цель построения системы управления человеческим капиталом в современных условиях — развитие личности, достижение у людей состояния счастья, гармонии с собой и внешним миром, физическое и психологическое здоровье. Только на основе такого качества человеческого капитала возможно построение быстроразвивающейся экономики на основе взаимосвязи фундаментальных и прикладных наук, формирования фундаментальных и гибких навыков, развития компетенций овладения новыми цифровыми технологиями, в том числе технологиями искусственного интеллекта. А это требует пересмотра узких трактовок таких понятий, как «человеческие ресурсы», «человеческий потенциал» и «человеческий капитал». Еще раз подчеркнем, что все эти термины имеют право на существование, но природа этого феномена лучше и нагляднее раскрывается при рассмотрении его в качестве самовозрастающей стоимости, капитала.

Трансформационный период

Ноэкономика как новый этап экономического развития — «это качественно новая, неэкономическая общественная система, на пути к которой снимаются все основные институты существующей экономики — частная собственность, деньги и т. п., а человек становится личностью, ориентированной на несимулятивные потребности, на саморазвитие» [На пути к ноэкономике 2020, 9]. Основываясь на этом определении, можно утверждать, что человечество находится на этапе перехода на новую ступень цивилизационного развития. Именно переходные периоды характеризуются

обострением внутренних противоречий, появлением новых вызовов и угроз, преодоление которых требует сконцентрированного внимания, осознанности и принятия ответственных решений по управлению этими процессами. Смысл современного периода трансформации цивилизации, на наш взгляд, и заключается в осознании человечеством своей роли как наблюдателя и управителя устойчивостью системы на основе понимания внутренних законов общественного развития, внутренних импульсов, построения механизмов управления этой системой и недопущения ее разбалансировки. Такой подход не означает отступления от экономической природы человеческого капитала. Напротив, именно он позволяет раскрыть его суть и внутренние импульсы (мотивы) и механизмы управления им.

Логичность использования термина ЧК как самовозрастающей стоимости и оценки ЧК с позиций инвестирования в него именно в период трансформации представляется наиболее аргументированной. Из этого следуют необходимость по-новому посмотреть на новые побудительные мотивы человеческой деятельности с учетом социальной и экологической ответственности.

Влияние цифровизации, открытие новых информационных технологий и распространение ИИ (Таблица 1) оказывают колоссальное воздействие как на отдельные цепочки создания стоимости, так и на отрасли, рынки, межотраслевые комплексы, национальные и глобальные экономические системы. Но прежде всего на самого человека.

Таблица 1. Прогнозы распространения искусственного интеллекта в мире¹

Наименование показателя	Объем (долл., %)
Объем рынка искусственного интеллекта к 2027 году	\$407 млрд
Темпы роста ИИ с 2023 по 2030 год	37,3% в год
Выручка глобального рынка ИИ в 2030 году	\$1,8 трлн
Прирост мирового ВВП благодаря ИИ в 2030 году	\$15,7 трлн
Прирост ВВП Китая придется на ИИ-отрасль в 2030 году	26%
Количество пользователей инструментов ИИ в 2024 году	314 млн
Объем интернет-контента, который будет создаваться при помощи искусственного интеллекта к 2026 году	90%
Количество мобильных пользователей, использующих голосовых помощников на базе искусственного интеллекта	97%
Количество пользователей, считающих, что искусственный интеллект тем или иным образом улучшит их жизнь	41%
Количество пользователей чат-ботов в мире	1,5 млрд

Скорость распространения новых, в том числе информационных и коммуникационных, технологий, сжатие инновационного цикла оказывают сильнейшее давление как на психологическое, так и на физическое состояние человека, меняя тем самым его способность к восприятию мира, установлению причинно-следственных связей и формированию новой системы мотивов и ценностей, включающую как отношение к себе и своему месту в мире, так к окружающим (и личным, и деловым партнерам), государству, миропорядку в целом.

В сущности инноваций как «созидательного разрушения» [Шумпетер 2007] заложена неизбежность внутреннего конфликта между старой и новой системами. Именно это свойство инноваций лежит в основе объяснения «инновационного разрыва» /«инновационного лага», который на микроуровне проявляется как недостижение точки окупаемости проекта (или «долины смерти» инновации, банкротства компании на стадии роста обычно при недостаточной оценке ценности новации для потребителя, недооценке уровня рисков и/или потенциальных и реальных инвесторов).

¹ Составлено автором по: Искусственный интеллект в цифрах и фактах // РБК. Тренды [Электронный ресурс]. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/657963559a79474dd4bc9b88?from=copy> (дата обращения 04.04.2024).

На макроуровне это может означать невозможность перехода на новый этап технологического развития и/или остановку его на этапе активного распространения без развития институтов доверия или невозможности переговоров между всеми участниками этих процессов для принятия согласованных решений. Именно это можно наблюдать на современном этапе развития цивилизации.

Решением этих противоречий может служить распространение идеи и концепции устойчивого развития SDG (Sustainable Development Goals — Цели устойчивого развития) и ESG-трансформации (Environmental, Social, Governance — экология, социальная политика и корпоративное управление). Однако и утверждение этого подхода требует, с одной стороны, понимания его внутренней противоречивости, исходя из объективных законов инновационного развития и неизбежного сопротивления существующей системе; с другой — необходимости осознания, оценки как существующих, так и потенциальных рисков (вызовов) и управления ими. Выходом, на наш взгляд, может быть осознание неизбежности внутренних естественных ограничений и осознанное управление этими процессами. Причем как на уровне человека или компании, так и на уровне государств и мирового сообщества. Тогда предстоит четко определить, что является ядром этой системы (и, соответственно, ее устойчивости), а что необходимо для ее гибкости и сбалансированного развития согласно законам динамизма и необходимости мотивации внутреннего импульса.

Очевидно, что импульс сохранения и развития исходит от самого человека и заложен в его природе. Именно поэтому он становится сегодня главным объектом исследований, изучения его потенциала (способностей, заложенных в генетическом коде, функциях мозга, управление эмоциями, потенциалом развития навыков, способности принимать решения и действовать и т. д.).

Управление человеческим капиталом как самовозрастающей стоимостью

Управление развитием ЧК — следующий этап исследования этих вопросов и разработки соответствующей системы и ее механизмов (в том числе воздействия на уже сформированный ЧК и формирование ЧК будущего). Здесь представляется необходимым разделение направлений исследований и разработки практических рекомендаций. Первое направление связано с разрешением существующих противоречий и управлением тем ЧК, который уже сформировался. Это важно, поскольку фактически управление осуществляется теми представителями человеческого сообщества, которые существуют сегодня, являясь своего рода результатом предшествующего развития и накопленных обществом знаний. И именно им необходимо понимание природы происходящих процессов и принятие решений сегодня.

Второе направление должно быть ориентировано на создание условий для формирования будущего ЧК. Именно здесь, на наш взгляд, уместно говорить о ЧП и всем том, что связано с системой образования, воспитания, подготовкой кадров для будущего. Безусловно, эти направления тесно связаны между собой. И главный принцип, который может лежать в основе построения модели управления будущим, — осознанность, смена мотивации для сохранения устойчивости системы на всех уровнях (уровень человека, бизнеса, государства, цивилизации, мировой системы) на основе фундаментальности и гибкости, то есть сочетания и взаимовлияния ценностных (этических, моральных) и поведенческих мотивов. В этом смысле особого интереса заслуживают вопросы, связанные с формированием личности (или личностного капитала²). Важно помнить также о том, что реализация ЧП, раскрытие личностных качеств требуют создания соответствующей среды, что также является делом и задачей человеческого сообщества. Определенное понимание важности

² Использование категории «личный капитал» позволяет, по мнению автора, в данном контексте сузить область исследования, оставив в стороне философские, психологические и другие трактовки категории «личность».

этих вопросов можно наблюдать у руководителей компаний, осуществляющих свою деятельность на базе построения экосистем, включающих облачные технологии и цифровые платформы³. Инновационная экосистема — сетевое сообщество участников, которые комбинируют свои ресурсы на взаимовыгодных условиях для достижения инновационного результата. Формирование национальной инновационной экосистемы означает создание условий для эффективного взаимодействия субъектов в процессе использования ресурсов с целью разработки и интенсивного распространения знаний и инноваций⁴.

Отдельного внимания, на наш взгляд, заслуживает вопрос об оценке человеческого капитала. И здесь мы можем провести аналогию с оценкой стоимости компании. Как известно, в теории корпоративных финансов есть понятия рыночной и фундаментальной стоимости [Кудина 2010]⁵. И если первая основывается на внешней оценке компании другими участниками фондового рынка, на которую влияют в том числе множество внешних факторов, то в основе фундаментальной стоимости компании лежит ее инвестиционная политика и грамотность формирования активов (в том числе соотношение оборотных и внеоборотных активов, материальных, нематериальных и финансовых и т. д.). Такой же подход может быть применен и к оценке ЧК. Ассоциативно это может рассматриваться как формирование гармонично развитой личности (физически, психологически, ментально) и вложение в этот процесс соответствующих ресурсов (материальных и нематериальных, в том числе энергии, времени, внимания). Целью будет формирование устойчивой саморазвивающейся личности, способной адаптироваться к влиянию внешних факторов, осознанно управляющей своими эмоциями, создающей мотивы и действующей исходя из согласования собственных интересов и интересов общества (которые, кстати, тоже становятся его собственными).

Вопросы, связанные с внешней оценкой, безусловно, важны и с точки зрения человека могут рассматриваться как поведенческие и коммуникативные навыки, в том числе для реализации потребностей в самовыражении и общественном признании. Но отправным пунктом все же является осознание человеком собственных способностей, потенциала для развития и самоуважения. Есть и обратная связь, поскольку нормы морали и нравственности вырабатываются обществом и закладываются через систему общественного договора (наказания за убийство, воровство и т. д.). Физическая невозможность обмана (в том числе закрепленная законом) усиливает институт доверия и создает основу для договорных отношений. Как говорят исследователи, не случайно технологии блокчейна получают все больше сторонников, поскольку в них заложена вся достоверная информация о совершенных транзакциях.

Логично подойти к рассмотрению человека с точки зрения его ресурсов, которые и обеспечивают расширение потенциала его возможностей. Потенциал человека становится безграничным, если он сумеет грамотно применять новейшие технологии и осознанно задавать рамки его распространения; возможности ограничены ресурсами, но современные технологии обработки знаний снимают и эти ограничения. Поэтому так важны наука и образование. Цифровизация и формирование нового индустриального общества 2.0 (НИО-2) предполагают трансформацию краеугольных камней концептуальной основы интеграционного треугольника «производство — наука — образование» [Бодрунов 2020, 130]. А также учета изменений характера взаимодействия на рынке труда и обратной зависимости работодателя от высококвалифицированного работника. Таким образом, востребованность знаний, навыков и квалификации становится побудительным мотивом для самого человека к накоплению знаний и развитию компетенций как ресурса.

³ Герман Греф: бизнес-экосистемы, перспективы развития крупных компаний // Яндекс [Электронный ресурс]. URL: <https://yandex.ru/video/preview/12058673285893341938> (дата обращения: 04.04.2024).

⁴ Кудина М.В. Инновационная экономика: теория и практика. М.: Издательство Московского университета, 2023.

⁵ См. также: Кудина М.В. Инновационная экономика: теория и практика. М.: Издательство Московского университета, 2023.

Главный ресурс человека — способность к познанию и превращению знаний в технологии — безграничен. Если рассматривать знания как источник новых ресурсов и возможностей человека, то здесь главная задача сводится к необходимости научиться искать, получать (извлекать), обрабатывать, анализировать и применять полученные знания. Если говорить об интуиции как неосознанной компетенции, то можно предположить синтез трех «и»: информация, пропущенная через интеллект, превращается в интуицию. Процесс, при котором явные знания превращаются в неявные, и означает приобретение компетенций, применяемых автоматически. Именно они отражают накопленный опыт, который помогает человеку принимать верные решения без долгого обдумывания. Не об этой ли интуиции говорил еще Шумпетер, характеризуя качества и мотивы предпринимателя-инноватора?! Появление новых способов доступа к знаниям и информации — нейросетей — создает новые опции. Разрабатываются более совершенные и универсальные способы доступа к знаниям. В условиях расширяющихся возможностей получения информации серьезным вопросом становится ее верификация (подтверждение достоверности), поскольку от этого зависит качество и эффективность принятых решений. Любое открытие находится на стыке знания и незнания. Сами по себе знания объективны, а знание как ресурс размножаемо, несокровенно, неиндивидуализируемо [Там же, 131]. Главный источник новых знаний возможен сегодня прежде всего на стыке наук и эффекта от синергии технологий (конвергенции наук). Для этого нужен системный подход и наличие универсальных знаний. Надо развивать способности и давать знание о том, как его извлекать и использовать, то есть необходимо осознание и расширение пространства осознанных знаний. Именно это должно быть заложено в систему воспитания и образования человека «новой эпохи», что поможет в формировании фундамента, ядра ЧК как условия его устойчивости.

Следующий важнейший параметр ресурсов человека — время. С одной стороны, новые информационные и коммуникационные технологии, ИИ позволяют высвободить время для человека, с другой — встает вопрос о его использовании. Новые технологии, в том числе цифровые, создают возможности снижения ресурсной нагрузки на биосферу в целом, но на человека нагрузка явно увеличивается. И здесь особую роль играет свобода воли человека, которая предполагает выбор мотивов, принятие решений и ответственности за них. Предполагается глубинное изменение подхода к понятию рациональности. Свобода — это познанная (или «осознанная», по Гегелю) необходимость. Человеку становится выгодно делать выбор в пользу общественных интересов, и он делает его осознанно, получая удовлетворение, понимая свою значимость для общества и для будущего цивилизации. Это становится его внутренним побудительным мотивом и позволяет раскрываться его талантам и способностям.

Вектор изменения и выбора приоритетов зависит от личности. Личность раскрывается в том, как человек мыслит, как чувствует и как поступает. Чтобы управлять системой, надо ментально выйти из нее, посмотреть со стороны, оценить как эффективную (или неэффективную) и настроить механизм ее функционирования. Как говорят ученые-физики, для управления материальным миром надо осознанно выйти за пределы материи. То же самое делает человек, когда осознанно управляет своей жизнью, временем, вниманием, энергией и другими ресурсами, как материальными (в том числе финансовыми), так и нематериальными. Ученые-нейробиологи предполагают, что такой выход из материи возможен либо в уходе от реальности (включая виртуальный мир), либо в творчестве как источнике знаний (где нет ни времени, ни пространства).

Если вернуться к вопросу о потребностях и мотивах, то своевременно будет вспомнить идею фундаментальной и рыночной стоимости компании. Если цель, основной мотив деятельности человека — заработать, а это неизбежно, пока существуют институты рыночной экономики, то будет наблюдаться ориентация на стимулирование любых потребностей. За человеком и обществом остается выбор потребностей, выбор мотивов своей деятельности. Если ориентироваться

на реализацию цели через деньги, то общество может уйти в другую крайность (что неоднократно подтверждалось возникновением «финансовых пузырей» и «пирамид»). Ориентир на финансовую сторону вопроса может привести к росту стоимости человеческого капитала (например, через покупку диплома или должности или повышение статуса только за счет внешних атрибутов), но будет ли это означать повышение внутренней фундаментальной стоимости ЧК — остается вопросом. Внешняя оценка может быть обманчива. Через общение, в процессе общения неизбежно будет проявляться внутреннее содержание человека. Именно поэтому общение зачастую рассматривается как фактор накопления и материальных ценностей в том числе. Но для полноценного доверительного общения, помимо приобретения коммуникативных навыков, нужен пересмотр всей системы ценностей. Не менее важным остается вопрос самооценки человека, о котором мы говорили выше, как основы внутренней, фундаментальной стоимости человеческого капитала.

Тезис о безграничности потребностей, на наш взгляд, в материальном мире несостоятелен, в духовном — безусловно. Вопрос о потребностях, решениях, действиях, поступках, деятельности, которые делают человека счастливым. Для поддержания физического, умственного и эмоционального (психического) здоровья человеку необходимо не так много. Потребности во многом воспитываются обществом. Самоконтроль необходим для сопоставления сиюминутных эмоций (удовольствий) и заботы о собственном будущем. Зачастую удовлетворение сиюминутных потребностей приводит к разрушению здоровья, что сродни ускоренной амортизации (обесценение) капитала, для возмещения которого потребуются дополнительные ресурсы. Инвестиции же в нематериальные активы способны в будущем приносить дополнительные доходы. В чем и заключается суть накопления капитала и самовозрастания стоимости. Меняется подход к рациональности и, соответственно, мотивам. Осознание возможности управлять собственными потребностями, эмоциями, мотивами и поступками создает новый стимул к саморазвитию и получению удовольствия именно от самореализации, достижения целей, успеха и гармоничного состояния.

Выживание или развитие — и то и другое предполагает создание новых стимулов. Выйти за рамки означает способность увидеть новые возможности и управлять собой для их использования. Это то, что необходимо именно сегодня, в эпоху трансформации цивилизации. Развитие способностей — это то, на что необходимо направить свободное время. Самообразовывающийся человек становится ядром новой системы цивилизации. Именно образование, университеты позволяют сформировать универсальность навыков и системный подход. Овладение новыми знаниями и технологиями бесполезно без понимания, где и зачем их можно применить. Мотивы поведения становятся внутренним импульсом функционирования системы, механизма ее динамического развития. Именно они определяют потребности человека, меняющие отношение к рациональности, — раньше нужда (для удовлетворения которой требовался интенсивный сначала физический, а затем и умственный труд), потом удовольствия (уход от реальности), теперь удовольствие от творческой деятельности, самовыражения и общественного признания. Критерии рациональности задают и границы поведения.

«Ноопотребности — потребности, определяемые критериями человеческого разума и культурными императивами, опирающиеся на рациональный уровень удовлетворения витальных потребностей и возрастание потребностей более высокого порядка» [Бодрунов 2020, 169]. На наш взгляд, пирамида Маслоу не теряет своей актуальности, несмотря на критику многих ученых [Там же, 155]. Сегодня меняется вектор ее осознания и управления потребностями «сверху вниз». Человек, исходя из собственных целей, решает, как он будет удовлетворять потребности низшего порядка, сколько времени, сил и денег он будет тратить на еду, одежду, жилье, а сколько — на обучение, саморазвитие и т. д. А следовательно, для чего он живет и работает и как распоряжается временем и доходами.

Влияние искусственного интеллекта на человеческий капитал

Цифровые технологии позволяют расширить инструментарий и функциональные возможности механизмов управления человеческим капиталом в сфере государственного управления, науки и бизнеса. Диджитализация является новым этапом развития системы HR-менеджмента, а формирующиеся digital-технологии должны вывести работу HR-специалистов на новый уровень. Согласно AI Index⁶, в опросе 2022 года 78% китайских респондентов согласились с утверждением, что продукты и услуги, использующие ИИ, имеют больше преимуществ, чем недостатков. После китайских респондентов наиболее позитивно относятся к продуктам ИИ респонденты из Саудовской Аравии (76%) и Индии (71%). Интересно, что только 35% опрошенных американцев (один из самых низких показателей среди стран, участвовавших в опросе) согласились с этим утверждением⁷.

Если проанализировать тенденции в отношении бизнеса к ИИ, то можно отметить неизбежность трансформации не только самого производства, но и подхода к трудовым ресурсам. По мере того как предприятия вступают в сферу ИИ, многие из них уже разработали определенную стратегию ИИ. Этому способствуют такие факторы, как повышение доступности, сокращение расходов за счет автоматизация и растущая интеграция ИИ в бизнес-приложения. Глобально ИТ-специалисты предприятий выделяют доступные инструменты, способствуют росту распространенности ИИ-навыков и решений, ориентированных на ИИ, как ключевым изменениям в отрасли.

Однако такие проблемы, как ограниченность знаний, слишком сложные данные и этические проблемы, препятствуют внедрению новых технологий. В контексте генеративного ИИ возникают дополнительные препятствия, в том числе конфиденциальность данных и проблемы доверия/прозрачности⁸. Более 75% потребителей контента обеспокоены опасностью распространения дезинформации с помощью ИИ⁹. С внедрением цифровых систем управления человеческим капиталом конфиденциальные данные подвергаются различным киберугрозам, которые связаны с несанкционированным доступом к информации. Не случайно в ноябре 2023 года 28 государств подписали Декларацию Блетчли — первое международное соглашение, направленное на устранение угроз, исходящих от ИИ¹⁰. Правительственные решения для обеспечения безопасности в области ИИ призваны дополнять политику безопасности компаний, занимающихся передовыми технологиями ИИ. Предполагается, что их необходимо будет регулярно обновлять, учитывая новый характер этих технологий¹¹.

⁶ AI Index — это независимая инициатива Стэнфордского института человеко-ориентированного искусственного интеллекта (HAI), возглавляемая Руководящим комитетом AI Index, междисциплинарной группой экспертов из академических кругов и промышленности. Ежегодный отчет отслеживает, сопоставляет, анализирует и визуализирует данные, относящиеся к искусственному интеллекту, что позволяет лицам, принимающим решения, предпринимать значимые действия для ответственного и этичного развития ИИ с учетом интересов людей.

⁷ AI Index Report 2024 // ICT Moscow [Электронный ресурс] URL: <https://ict.moscow/research/ai-index-2024/?amp&&am p&ysclid=lxpv3gocx1124461753> (дата обращения: 15.05.2024).

⁸ 2024 Глобальный индекс внедрения искусственного интеллекта IBM // Искусственный интеллект Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://ai.gov.ru/knowledgebase/vnedrenie-ii/2024_globalnyy_indeks_vnedreniya_iskusstvennogo_intellekta_ibm_korporativnyy_otchet_ibm_global_ai_adoption_index_enterprise_report_ibm/?ysclid=lu88ir3mvt774176420 (дата обращения: 06.05.2024); Индекс готовности приоритетных отраслей экономики Российской Федерации к внедрению искусственного интеллекта. Аналитический доклад // Искусственный интеллект Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://ai.gov.ru/knowledgebase/vnedrenie-ii/2024_indeks_gotovnosti_prioritetnyh_otrasley_ekonomiki_rossiyskoy_federacii_k_vnedreniyu_iskusstvennogo_intellekta_ncrrii/ (дата обращения: 04.05.2024).

⁹ Искусственный интеллект в цифрах и фактах // РБК. Тренды [Электронный ресурс]. URL: https://trends.rbc.ru/trends/in_dustry/657963559a79474dd4bc9b88?from=copy (дата обращения: 04.04.2024).

¹⁰ Декларацию по безопасному применению искусственного интеллекта приняли 28 стран // ТАСС [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/19172749> (дата обращения: 15.05.2024). В числе подписавших: Австралия, Бразилия, Великобритания, Германия, Евросоюз, Израиль, Индия, Индонезия, Ирландия, Испания, Италия, Канада, Кения, Китай, Нигерия, Нидерланды, ОАЭ, Республика Корея, Руанда, Саудовская Аравия, Сингапур, США, Турция, Украина, Филиппины, Франция, Чили, Швейцария, Япония.

¹¹ AI Safety Summit 2023 // Gov.uk [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gov.uk/government/topical-events/ai-safety-summit-2023> (дата обращения: 14.03.2024).

Поэтому чрезвычайно важно постоянно повышать уровень информационной безопасности для защиты личных данных и результатов интеллектуальной деятельности от кибератак. Если технологически (физически) невозможен обман, формируется доверие [Tapscott 1994; Tapscott, Williams 2006; Tapscott, Tapscott 2016; Тапскотт 2017]. Невозможность обмана становится элементом воспитания. Технологические решения, обеспечивающие надежную верификацию информации, позволяют снизить необходимость в специальных методах контроля. Это ведет к снижению транзакционных издержек, поскольку истина подтверждается многократным повторением.

«Ноопроизводство — знаниеинтенсивное производство, сводящее к минимуму непосредственное участие человека и ориентирующееся на удовлетворение ноопотребностей, создание условий для приоритетного развития условий возвышения человека в сфере знания и культуры» [Бодрунов 2020, 155]. Данные РБК о применении ИИ в бизнесе подтверждают мнения о вытеснении человека из сферы производства (Таблица 2).

Таблица 2. Применение ИИ в бизнесе в 2024 году¹²

Наименование показателя	Доля предприятий / руководителей (в%)
Предприятия, планирующие использование API и модели генеративного искусственного интеллекта, а также ИИ-приложения к 2026 году	более 80 %
Владельцы бизнеса, считающие, что ChatGPT поможет их компаниям	97 %
Транснациональные корпорации, уверенные, что интеграция искусственного интеллекта будет способствовать росту их бизнеса на высококонкурентном рынке	87%
Руководители, считающие, что ИИ-автоматизацию можно применить к любому бизнес-решению	80%
Мировые компании, активно использующие ИИ	35%
Компании, использующие или планирующие внедрять чат-ботов для общения с клиентами	73%
Предприятия, добившиеся измеримых результатов от использования ИИ в бизнес-операциях	92%
Организации, планирующие увеличить инвестиции в ИИ	40%
Предприятия, ожидающие, что ИИ улучшит их операции и взаимодействие с клиентами	64%
Компании, планирующие осуществлять взаимодействие с клиентами с помощью ИИ к 2025 году	95%

При этом 75% руководителей опасаются, что неспособность внедрить ИИ может привести к закрытию их бизнеса уже в 2024 году, а 56% компаний называют неточность работы моделей главным риском при внедрении ИИ¹³. Очевидно, что споры о возможном вытеснении искусственным интеллектом интеллекта естественного, то есть человека, становятся все более распространенными. Поэтому многие ученые считают, что преодоление точки конгруэнтности возможно только при тесном взаимодействии человека и ИИ и их балансе [Акаев, Садовничий 2023], что возможно лишь в случае перехода человечества на новую ступень осознанности своего существования, когда личность становится единственным актором, способным управлять устойчивостью системы.

«Возрастание личности — непосредственная цель производства в ноообществе, заключающаяся в развитии человеческих качеств и расширении культурного пространства человека, регулируемая выработанными культурными ценностями» [Бодрунов 2020, 155].

«Личностный потенциал как стержень личности есть то в ней, благодаря чему она способна функционировать как автономный субъект, не следуя исключительно внутренним импульсам или

¹² Составлено автором по: Искусственный интеллект в цифрах и фактах // РБК. Тренды [Электронный ресурс]. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/657963559a79474dd4bc9b88?from=copy> (дата обращения: 04.04.2024).

¹³ Искусственный интеллект в цифрах и фактах // РБК. Тренды [Электронный ресурс]. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/657963559a79474dd4bc9b88?from=copy> (дата обращения: 04.04.2024).

давлениям внешней среды, прокладывая свой не прямой путь в изменчивом мире, руководствуясь своими целями и смыслами — функция саморегуляции» [Леонтьев 2023, 50]. Критерии успеха внешние, а жизнеспособность — это способность гибко изменяться, реализуя собственную мотивацию. Личный потенциал (ЛП) — это структура, которая управляет переключением энергии, ресурсы внимания и психической энергии и способность управлять ими. Важна способность быть инвестором в собственные ресурсы (активы) ЛП как метаресурс, способность управлять другими ресурсами, интегральная характеристика инвестиционных способностей и стратегий.

Цифровые технологии позволяют оптимизировать задачи, связанные с непрерывным обучением, адаптацией, формированием необходимых профессиональных навыков, системы норм и правил поведения, обеспечивающих повышение эффективности деятельности человека (Таблица 3). Использование интеллектуальных систем анализа данных и других цифровых технологических решений (цифровые платформы, облачные технологии, системы идентификации, аутентификации и авторизации, виртуальные помощники, чат-боты, мобильные технологии и веб-приложения) позволяет лучше понять возможности и перспективы формирования и развития человеческого капитала.

Таблица 3. Влияние искусственного интеллекта на рынок труда¹⁴

Наименование показателя	Количество или доля
Количество респондентов, опасаящихся, что ИИ может привести к потере рабочих мест в ближайшем будущем	77%
Количество работников по всему миру, которых может вытеснить искусственный интеллект по мере своего развития	300 млн
Количество людей, которым придется сменить профессию уже к 2030 году	от 75 млн до 375 млн человек
Количество увольнений работников низкооплачиваемых профессий в США к 2030 году из-за автоматизации их обязанностей	В 14 раз чаще
Количество рабочих мест, созданных ИИ к 2025 году	97 млн
Уровень производительности труда к 2035 году в 16 отраслях, включая обрабатывающую промышленность, благодаря внедрению технологий ИИ	до 40%
Доля компаний, внедряющих технологии искусственного интеллекта из-за нехватки человеческих ресурсов для автоматизации рутинных задач	30%
Средняя зарплата инженера в сфере ИИ в год	около \$160 тыс.
Доля компаний, обеспокоенных наличием у их сотрудников необходимых технических навыков для эффективного использования ИИ	35%
Доля компаний, инвестирующих в обучение и внедряющих другие стимулы для более быстрого освоения сотрудниками навыков работы с ИИ	37%
Доля сотрудников, планирующих использовать ИИ в своей работе	61%
Продолжительность рабочей недели по мере развития ИИ (по мнению основателя Microsoft Билла Гейтса)	3 дня

Из представленных в Таблице 3 данных видно, насколько существенным преобразующим фактором становится искусственный интеллект. Влияние цифровой трансформации в целом на рынок труда можно охарактеризовать следующими тенденциями: асимметричность спроса и предложения на рынке труда, «экономика свободного заработка», цифровые платформы, развитие социальных сетей, автоматизация и роботизация, рост продолжительности жизни, урбанизация, появление новых профессий, сокращение занятости в традиционном секторе, дефицит когнитивных, социальных и поведенческих навыков высокого порядка на рынке труда.

Тем не менее новые технологии, по сути, формируют институты доверия, которые рожают возможности совместных действий и разделения рисков.

¹⁴ Составлено автором по: Искусственный интеллект в цифрах и фактах // РБК. Тренды [Электронный ресурс]. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/657963559a79474dd4bc9b88?from=copy> (дата обращения: 04.04.2024).

Заключение

Смысл современного периода трансформации цивилизации заключается в осознании человечеством своей роли как наблюдателя и управителя устойчивостью системы на основе понимания внутренних законов общественного развития, внутренних импульсов, построения механизмов управления этой системой и недопущения ее разбалансировки.

Изменения характера трудовой деятельности и рынка труда, связанные с внедрением искусственного интеллекта, цифровых технологий, требуют разработки новой концепции формирования человеческого капитала на разных уровнях, механизмов ее внедрения в повседневную практику, освоения новых технологий информационной безопасности, инструментов анализа и хеджирования рисков, приобретения новых компетенций для повышения эффективности всей системы управления человеческим капиталом страны.

Осознание природы человека через экономическую категорию человеческого капитала позволяет пересмотреть отношение к человеку как активному участнику процесса управления на всех уровнях, от управления самим собой, выбора мотивов и ценностей, самоидентификации до влияния на процессы в обществе и мире в целом. Капитализация человеческого капитала осуществляется через накопление, сбалансированное инвестирование и реинвестирование в такие активы, как физическое здоровье, умственные способности, эмоциональный интеллект, этическое поведение и ценности, внутренняя гармония и устойчивость, знания и навыки, саморазвитие и т. д. Теория фундаментальной стоимости может распространяться и на человеческий капитал, моделируя его внутреннюю самооценку и самоуважение, тогда как рыночная оценка может быть прообразом оценки другими участниками во взаимодействии с внешним миром. Изменение потребностей и отношение к внутренним и внешним ресурсам позволяет построить модель современного человека как личности и лидера, способного к развитию и сохраняющего внутреннюю устойчивость. Устойчивость системы достигается на основе сбалансированности, укрепления ядра (центра и импульса системы — человека — через систему самомотивации) и снижения рисков через диверсификацию — коммуникации, достоверность сведений, договоренности, овладение универсальными знаниями для преодоления асимметрии информации. Эти же механизмы могут быть спроецированы на систему общественного устройства в целом.

Инновационный процесс означает серьезные технологические сдвиги в глобальном масштабе, что приводит к неизбежности борьбы за лидерство. Инновационное развитие как созидательное разрушение предполагает противостояние со стороны устоявшейся модели. Преодоление конфликтов за лидерство и за будущее планеты (в том числе за экологическое здоровье) возможно только через осознанность и скоординированность действий и управления на разных уровнях. Для этого необходима осознанность прихода новой реальности. Принципиально важным становится качество потребляемых благ и межличностного общения, основанного на достоверной информации и доверии. Контракты Коуза, направленные на снижение транзакционных издержек, в свое время позволили значительно сократить затраты, в том числе времени, регулировать оппортунистическое поведение акторов на основе собственных интересов. Сегодня пришло время надежной верификации информации и защищенности данных. Здесь не обойтись без государства, которое способно обеспечить создание соответствующих институтов.

Список литературы:

Акаев А.А., Садовничий В.А. Математические модели для прогнозирования большого цифрового цикла развития мировой экономики (2020–2050 гг.). М.: Изд-во Московского университета, 2023.

Аникин В.А. Человеческий капитал: становление концепции и основные трактовки // Экономическая социология. 2017. Т. 18. № 4. С. 120–156. DOI: [10.17323/1726-3247-2017-4-120-156](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2017-4-120-156)

- Аузан А.А. Цифровая экономика как экономика: институциональные тренды // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2019. № 6. С. 12–19.
- Бодрунов С.Д. Ноономика: траектория глобальной трансформации. М.: ИНИР; Культурная революция, 2020.
- Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: Институт русской цивилизации, 2008.
- Кудина М.В. Теория стоимости компании. М.: ИД «ФОРУМ», «ИНФРА-М», 2010.
- Леонтьев Д.А. Личностный потенциал как составляющая человеческого потенциала // Человеческий потенциал: современные трактовки и результаты исследований / под науч. ред. Л.Н. Овчаровой, В.А. Аникина, П.С. Сорокина. М.: ВЦИОМ, 2023. С. 50–65.
- На пути к ноономике: человек, технологии и общество в пространстве ассоциированного производства и потребления / под ред. А.В. Бузгалина, А.И. Колганова. М.: ИНИР им. С.Ю. Витте, 2020.
- Никонов В.А. Код цивилизации. Что ждет Россию в мире будущего. М.: Издательство «Э», 2015.
- Никонов В.А. Код цивилизации. М.: ООО «Русское слово», 2020.
- Сушенцова М.С., Аникин В.А. Эволюция концепции человеческого потенциала в экономической науке // Человеческий потенциал: современные трактовки и результаты исследований / под науч. ред. Л.Н. Овчаровой, В.А. Аникина, П.С. Сорокина. М.: ВЦИОМ, 2023. С. 9–25.
- Тапскотт Д. *Технология блокчейн*: то, что движет финансовой революцией сегодня. М.: Эксмо, 2017.
- Человеческий потенциал: современные трактовки и результаты исследований / под науч. ред. Л.Н. Овчаровой, В.А. Аникина, П.С. Сорокина. М.: ВЦИОМ, 2023.
- Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. М.: Айрис-пресс, 2003.
- Шумпетер Й. Теория экономического развития. М.: Эксмо, 2007.
- Heckman J.J., Humphries J.E., Vermendi G. Returns to Education: The Causal Effects of Education on Earnings, Health, and Smoking // *Journal of Political Economy*. 2018. Vol. 126. P. 197–246. DOI: [10.1086/698760](https://doi.org/10.1086/698760)
- Mahbub ul Haq. *Reflections on Human Development*. New York: Oxford Press, 1995.
- Marx K. *Das Kapital: Kritik der politischen Oekonomie*. Vol. 1: Der Produktionsprozess des Kapitals. Hamburg: Verlag von Otto Meissner, 1867.
- Merrifield B.D. *Obsolescence of Core Competencies versus Corporate Renewal* // *Technology Management*. 1995. Vol. 2. Is. 2. P. 73–83.
- Sen A. *Resources, Values and Development*. Cambridge (Massachusetts), London: Harvard University Press, 1997.
- Tapscott D. *The Digital Economy: Promise and Peril in the Age of Networked Intelligence*. New York: McGraw-Hill, 1994.
- Tapscott D., Tapscott A. *Blockchain Revolution: How the Technology behind Bitcoin is Changing Money, Business, and the World*. New York: Penguin, 2016.
- Tapscott D., Williams D. *Wikinomics: How Mass Collaboration Changes Everything*. New York: Portfolio, 2006.

References:

- Akaev A.A., Sadovnichy V.A. (2023) *Matematicheskiye modeli dlya prognozirovaniya bol'shogo tsifrovogo tsikla razvitiya mirovoy ekonomiki (2020–2050 gg.)* [Mathematical models for forecasting the large digital cycle of development of the world economy (2020–2050)]. Moscow: Izd-vo Moskovskogo universiteta.
- Anikin V.A. (2017) Human Capital: Genesis of Basic Concepts And Interpretations. *Ekonomicheskaya sotsiologiya*. Vol. 18. No. 4. P. 120–156. DOI: [10.17323/1726-3247-2017-4-120-156](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2017-4-120-156)

- Auzan A.A. (2019) Digital Economy as an Economy: Institutional Trends. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6: Ekonomika*. No. 6. P. 12–19.
- Bodrunov S.D. (2020) *Noonomika: trayektoriya global'noy transformatsii* [Noonomics: The trajectory of global transformation]. Moscow: INIR; Kul'turnaya revolyutsiya.
- Buzgalin A.V., Kolganov A.I. (eds.) (2020) *Na puti k noonomike: chelovek, tekhnologii i obshchestvo v prostranstve assotsirovannogo proizvodstva i potrebleniya* [On the way to the economy: Man, technology and society in the space of associated production and consumption]. Moscow: INIR im. S.Yu. Vitte.
- Danilevsky N.Ya. (2008) *Rossiya i Evropa* [Russia and Europe]. Moscow: Institut russkoy tsivilizatsii.
- Heckman J.J., Humphries J.E., Vermendi G. (2018) Returns to Education: The Causal Effects of Education on Earnings, Health, and Smoking. *Journal of Political Economy*. Vol. 126. P. 197–246. DOI: [10.1086/698760](https://doi.org/10.1086/698760)
- Kudina M.V. (2010) *Teoriya stoimosti kompanii* [The theory of company value]. Moscow: ID «FORUM», «INFRA-M».
- Leontyev D.A. (2023) Lichnostnyy potentsial kak sostavlyayushchaya chelovecheskogo potentsiala [Personal potential as a component of human potential]. In: Ovcharov L.N., Anikin V.A., Sorokin P.S. (eds.) *Chelovecheskiy potentsial: sovremennyye traktovki i rezul'taty issledovaniy*. Moscow: VTsIOM. P. 50–65.
- Mahbub ul Haq (1995) *Reflections on Human Development*. New York: Oxford Press.
- Marx K. (1867) *Das Kapital: Kritik der politischen Oekonomie*. Vol. 1: Der Produktionsprozess des Kapitals. Hamburg: Verlag von Otto Meissner.
- Merrifield B.D. (1995) Obsolescence of Core Competencies versus Corporate Renewal. *Technology Management*. Vol. 2. Is. 2. P. 73–83.
- Nikonov V.A. (2015) *Kod tsivilizatsii. Chto zhdet Rossiyu v mire budushchego* [The code of civilization. What awaits Russia in the world of the future]. Moscow: Izdatel'stvo "E".
- Nikonov V.A. (2020) *Kod tsivilizatsii* [The code of civilization]. Moscow: OOO «Russkoye slovo».
- Ovcharov L.N., Anikin V.A., Sorokin P.S. (eds.) (2023) *Chelovecheskiy potentsial: sovremennyye traktovki i rezul'taty issledovaniy* [Human potential: Modern interpretations and research results]. Moscow: VTsIOM.
- Sen A. (1997) *Resources, Values and Development*. Cambridge (Massachusetts), London: Harvard University Press.
- Shumpeter J. (2007) *Theorie der wirtschaftlichen Entwicklung*. Moscow: Eksmo.
- Spengler O. (2003) *Der Untergang des Abendlandes*. Moscow: Ayris-press.
- Sushentsova M.S., Anikin V.A. (2023) Evolyutsiya kontseptsii chelovecheskogo potentsiala v ekonomicheskoy nauke [Evolution of the concept of human potential in economic science]. In: Ovcharov L.N., Anikin V.A., Sorokin P.S. (eds.) *Chelovecheskiy potentsial: sovremennyye traktovki i rezul'taty issledovaniy*. Moscow: VTsIOM. P. 9–25.
- Tapscott D. (1994) *The Digital Economy: Promise and Peril in the Age of Networked Intelligence*. New York: McGraw-Hill.
- Tapscott D. (2017) *Blockchain Technology*. Moscow: Eksmo.
- Tapscott D., Tapscott A. (2016) *Blockchain Revolution: How the Technology behind Bitcoin is Changing Money, Business, and the World*. New York: Penguin.
- Tapscott D., Williams D. (2006) *Wikinomics: How Mass Collaboration Changes Everything*. New York: Portfolio.

Дата поступления/Received: 25.05.2024

О факторах роста интереса арабских стран к евразийскому геополитическому пространству

Матвеев Игорь Александрович

Кандидат исторических наук, доцент, SPIN-код РИНЦ: [2933-1143](https://elibrary.ru/2933-1143), ORCID: [0000-0002-4611-5669](https://orcid.org/0000-0002-4611-5669), matveev.i@my.mgimo.ru

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, РФ.

Аннотация

В связи с динамичным развитием разноплановых контактов между Россией и арабским миром в условиях неуклонно увеличивающегося политического и экономического интереса арабских стран¹ к евразийскому геополитическому пространству особую важность приобретает адекватная оценка причин и запаса прочности подобного роста, что позволило бы хеджировать политические и деловые риски, прогнозируя сценарии развития событий, а главное, купировать возможные вызовы и проблемы. От того, насколько устойчивой, в том числе к санкционному давлению Запада, окажется новая парадигма отношений между Россией и арабскими странами, зависит успешная реализация утвержденной 31 марта 2023 г. Концепции внешней политики Российской Федерации в среднесрочной и долгосрочной перспективах. Это в полной мере коррелируется с российскими усилиями по продвижению интеграционных процессов в Евразии, прежде всего в формате Шанхайской организации сотрудничества, а также за пределами данного пространства с привлечением крупных евразийских стран (Индии, Китая) и неевразийских «восходящих держав» (Бразилии, ЮАР) на площадке БРИКС. Содержащийся в статье комплексный анализ факторов интереса арабских стран к евразийскому пространству, который дополняет имеющиеся фрагментарные отечественные и зарубежные исследования, призван сформировать перечень аргументов в пользу доказательства гипотезы о стратегическом, а не сугубо тактическом характере заинтересованности арабских элит в сотрудничестве с Россией и другими государствами Евразии. Такие аргументы касаются и общности восприятия нынешнего исторического перехода от однополярного мира к многополярному.

Ключевые слова

Евразия, Россия, арабский мир, Концепция внешней политики РФ, многополярный мир, суверенизация внешней политики, интеграция, Шанхайская организация сотрудничества, БРИКС.

Для цитирования

Матвеев И.А. О факторах роста интереса арабских стран к евразийскому геополитическому пространству // Государственное управление. Электронный вестник. 2024. № 104(S). С. 49–61. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-104(S)-2024-49-61

Drivers of Arab Countries' Growing Interest to the Eurasian Geopolitical Space

Igor A. Matveev

PhD, Associate Professor, ORCID: [0000-0002-4611-5669](https://orcid.org/0000-0002-4611-5669), matveev.i@my.mgimo.ru

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation.

Abstract

Facing the dynamic development of diversified contacts between Russia and the Arab world amidst the steadily increasing political and economic interest of Arab countries² in the Eurasian geopolitical space, an adequate assessment of the causes and the strength potential of such growth has acquired particular importance. This enables us to hedge both political and business risks by predicting scenarios for the future development, and, which is even more important, to address effectively challenges and problems. The successful implementation of the Foreign Policy Concept of the Russian Federation approved on March 31, 2023 in the medium and long terms depends on the survivability of the new paradigm of relations between Russia and the Arab countries, regardless of the anti-Russia Western sanctions. This fully correlates with Russian efforts to promote integration processes in Eurasia, primarily under the within the framework of the Shanghai Cooperation Organization as well as outside Eurasia with the involvement of big Eurasian states (India, China) and the non-Eurasian “rising powers” (Brazil, South Africa, etc.) on the BRICS platform. The comprehensive analysis of the factors which have been stimulating the interest of the Arab countries in Eurasia, complementing the already existing sporadic domestic and foreign studies, is intended to form a list of arguments in favor of proving the hypothesis of the strategic, rather than purely tactical nature of the intentions of Arab elites to cooperate with Russia and other Eurasian states. Such arguments imply among other things the common perception by Russia and the Arabs of the current historical transition from the unipolar to a multipolar world.

Keywords

Eurasia, Russia, Arab world, Foreign Policy Concept of the Russian Federation, multipolar world, sovereignization of foreign policy, integration, Shanghai Cooperation Organization, BRICS.

For citation

Matveev I.A. (2024) Drivers of Arab Countries' Growing Interest to the Eurasian Geopolitical Space. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 104(S). P. 49–61. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-104(S)-2024-49-61

¹ Под арабским миром и арабскими странами в данной статье понимаются 22 государства — члена Лиги арабских государств.
² In this article, the notions of the Arab world and Arab countries encompass the territories of 22 member states of the League of Arab States.

Введение

Участвуя в формировании и реализации новой парадигмы отношений России с арабским миром в русле утвержденной в 2023 году Концепции внешней политики Российской Федерации (КВП), которая, в частности, предусматривает поддержку Сирии, углубление партнерства с Саудовской Аравией и Египтом, линию на формирование на Ближнем Востоке и в Северной Африке устойчивой архитектуры региональной безопасности на основе консолидации потенциалов всех государств и межгосударственных объединений регионов, включая Лигу арабских государств (ЛАГ) и Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ)³, российские дипломаты, ученые, эксперты, представители делового сообщества все чаще задаются вопросом относительно запаса прочности российско-арабских отношений.

Хеджирование возникающих в этой связи политических и экономических рисков требует четкого понимания причин и мотивов роста интереса арабских элит к России, их отказа поддержать западные санкции. Продиктованы ли дружественные жесты арабских лидеров в адрес Москвы (например, подчеркнута теплый прием, оказанный Президенту РФ В.В. Путину в ходе блиц-визитов 6 декабря 2023 г. в ОАЭ и Саудовскую Аравию) сугубо «восточным прагматизмом», либо за ними скрывается нечто большее. Важным обстоятельством является тот факт, что нынешний этап активного развития российско-арабских отношений пришелся на переход от однополярного к многополярному миру. И Россию, и арабов интересует его будущее облик и архитектура в свете нарождающихся центров силы и региональных держав на различных геополитических пространствах. Особое место среди последних занимает Евразия, уникальность которой заключается в том, что здесь располагаются сразу три незападных «полюса влияния» в лице России, Китая и Индии. Данное обстоятельство объясняет актуальность темы настоящей статьи.

Цель исследования заключается в определении политических, экономических и идейных скреп интереса стран ЛАГ к геополитическому пространству Евразии путем соотнесения дискурсов реализма и «либерализма»⁴ во внешней политике. Исходя из того, что в первом случае во главу угла, как известно, ставятся уникальные для каждого государства национальные интересы, тогда как во втором — общие ценности и подходы к международным отношениям. Тем самым автором статьи предпринята попытка доказать научную гипотезу о том, что стремление арабских элит наладить отношения с Евразией и Россией как ее важнейшей частью носит не краткосрочный (тактический), а долговременный (стратегический) характер, базируется не только на соображениях реальной политики (*realpolitik*⁵), но и общности идейных представлений и императивов во внешней политике (национализм, интеграционизм, ирредентизм, антиглобализм). Что в XXI веке в полной мере согласуется с процессами суверенизации политики государств Глобального Юга на фоне вызванной усталостью от западного диктата волны противодействия неокOLONIALИЗМУ в борьбе за сохранение

³ Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 г. № 229. Пункты 56.1 и 56.2 // Президент России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49090> (дата обращения: 17.02.2024).

⁴ В данной статье рассматривается дискурс либерализма, поскольку государства, в чем стоит согласиться с А.Ю. Мельвилем, в своих действиях руководствуются самыми различными соображениями: от решений, продиктованных идеальными (вплоть до моралистических по форме) мотивами до таких, которые принимаются под давлением жестоких факторов «реальной политики» [Мельвиль 2002, 331]. Для примера можно сослаться на проекты арабской интеграции, включая создание в 1958–1961 гг. Объединенной Арабской Республики в составе Египта и Сирии в русле «романтических» идей арабского национализма. Слово «либерализм» взято в этой статье в кавычки, поскольку в классической трактовке либерализм, как отмечает тот же А.Ю. Мельвиль, подразумевает чисто западные нарративы основополагающих либеральных принципов — индивидуальной свободы, индивидуализма как экономического, политического и морального принципа, демократии, прав человека, правовых основ международных отношений. Тогда как автор статьи, пусть в концептуально сходной парадигме, рассматривает не западные, а не-западные ценностные ориентиры и мотивы национальных государств Евразии и арабского мира.

⁵ Термин введен в оборот в 1853 году немецким историком и общественным деятелем Людвигом Августом фон Рохау в книге «Основы реальной политики в применении к государственному устройству Германии» [von Rochau 1853] и обозначает преимущество действий сообразно фактическим условиям над идеями, идеологиями, соображениями этики и морали.

национальной идентичности (арабск. хавийя) и исламской цивилизации, за устойчивое развитие и более справедливое разделение труда в мировой экономике.

Для достижения цели необходимо решить следующие задачи:

- описать географические векторы внешней политики и внешнеэкономической деятельности (ВЭД) арабских стран в Евразии и их субстантивное наполнение;
- сделать обзор интеграционных и ирредентистских устремлений арабских стран для иллюстрирования исторической близости концептов Арабского и Русского миров;
- идентифицировать современные вызовы (в том числе общие) на пространствах арабского мира и Евразии в области политики и национальной безопасности, экономики (продовольственной и технологической безопасности) и общественных отношений;
- проанализировать стимулы роста интереса арабских стран к интеграционным объединениям на евразийском пространстве или с участием евразийских держав, а также к развитию двусторонних отношений с евразийскими центрами силы (Россией, Китаем) и государствами в географических регионах Евразии, таких как Центральная Азия;
- обрисовать интерес в арабских странах к изучению конфликтов на евразийском пространстве, их взаимозависимостей и влияния на мегарегион Ближнего Востока и Северной Африки (БВСА);
- сделать аргументированные выводы, подтверждающие правомерность гипотезы о стратегическом характере заинтересованности арабских элит в развитии отношений с государствами Евразии, что выходит за пределы парадигмы меняющихся союзов (changing alliances).

Обзор источников и литературы

Логично, что в странах ЛАГ и ССГАПЗ выходят географические карты Евразии на арабском языке и научные труды по отдельным аспектам, связанным с Евразией. Так, в работе «Новая Евразия и ее влияние на стратегическое мышление в России: мотивы и границы вмешательства на Украине и в Сирии»⁶ анализируется политика РФ в контексте украинского и сирийского кризисов. Что вполне коррелируется с российскими исследованиями, такими как рабочая тетрадь И.А. Матвеева⁷. Доклад Джалала Кхашибя «Современная геополитика России: теоретические устремления и ограничения в реализации», подготовленный в 2018 году для Исследовательского и консультационного центра «Идрак» (учрежден в 2014 году в Сирии), сопоставляет теорию и практику во внешней политике РФ в привязке к концепции «Новой Евразии»⁸. Есть и фрагментарные работы на Западе, например статья эксперта Гентского университета (Бельгия) Бруно Де Кордые с попыткой охарактеризовать принципы инвестиционного сотрудничества Исламского банка развития с государствами Центральной Азии (ЦА) и Закавказья под углом дихотомии общей идентичности — экономического прагматизма [Де Кордые 2014].

Таким образом, попытка автора комплексно, а не по отдельности рассмотреть факторы роста интереса арабских стран к Евразии составляет новизну настоящей статьи.

⁶ Зарниз А. аль-Урасийя аль-джадида ва таасируха фи аль-фикр аль-истратиджий ар-русий: давафияу ат-тадакхуль фи Украина ва Сурия ва худудуху [Новая Евразия и ее влияние на стратегическое мышление в России: мотивы и границы вмешательства на Украине и в Сирии]. Абу-Даби: Центр стратегических исследований ОАЭ, 2022.

⁷ Матвеев И.А. Политэкономическая модель урегулирования ситуации в Сирии в контексте украинского конфликта. М.: Российский совет по международным делам, 2022.

⁸ Кхашиб Дж. аль-Джеоболитик ар-Русийя аль-хадиса ва аль-муасыра: туммуху ан-назарийя ва худуду ат-тадбик [Современная геополитика России: теоретические устремления и ограничения в реализации]. Алеппо: Исследовательский и консультационный центр «Идрак», 2018.

Общие вызовы для государств Евразии и стран арабского мира

Рассмотрение факторов роста интереса арабских стран к Евразии с точки зрения реализма следует начать со сравнительного анализа политических процессов, которые развернулись на евразийском пространстве и в арабском мире на рубеже тысячелетий с целью показать наличие ряда общих вызовов и угроз.

После распада СССР постсоветские страны Евразии (Россия; Украина и Молдова в Восточной Европе; Азербайджан, Армения и Грузия в Закавказье; Таджикистан и Кыргызстан в Центральной Азии) в 1990-е годы вступили в полосу внутренней нестабильности, которая во многих случаях быстро переросла в зоны конфронтаций (приднестровский, карабахский, абхазский, юго-осетинский, таджикский конфликты).

При этом и Евразия, и БВСА унаследовали от Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений замороженные конфликты вокруг Тайваня и Кашмира, многолетний израильско-палестинский конфликт, противостояние Ирана с Западом и Саудовской Аравией, на которое наложилось религиозное соперничество между мусульманами-суннитами и шиитами, конфронтация Алжира с Марокко в контексте западно-сахарского конфликта, глубоко разделенные общества (ГРО) в Ираке, Йемене, Ливане, Сомали⁹. Обусловленный ликвидацией мирового лагеря социализма идейный вакуум и кризис левых идеологий спровоцировали радикализацию и политизацию ислама с появлением таких негосударственных акторов (НГА), как террористическая «Аль-Каида» (впоследствии и ИГИЛ)¹⁰. Прекращение советской военной помощи в 1990-е годы еще больше дестабилизировало внутреннюю обстановку в Афганистане и Йемене, оставив один на один с враждебным Западом авторитарный режим С. Хусейна в Ираке, где в условиях ГРО резко усилился курдский сепаратизм, и режим М. Каддафи в Ливии. Сомали распалось на части, раздираемые гражданской войной, превратившись в «несостоявшееся государство» (failed state).

Первое и второе десятилетия XXI века ознаменовались новыми множественными и во многом синхронными по времени витками напряженности в Евразии и арабском мире. С подачи и при поддержке Запада произошли «цветные революции» в Грузии (2003 г.), на Украине (2004, 2013–2014 гг.), в Киргизии (2005, 2010, 2020 гг.), Армении (2018 г.). Арабские страны после «революции кедров» в Ливане (2005 г.) столкнулись с мощной волной протестов в 2011 году, которая, охватив обширное пространство БВСА от Магриба до Персидского залива, получила название «арабской весны». Думается, прав А.В. Манойло, утверждая, что именно применение западными представителями технологий «управляемого хаоса» для дирижирования «арабской улицей» внесло лепту в «цветные революции» «арабской весны» [Манойло 2013, 30]. В некоторых государствах это привело к свержению режимов в результате народных бунтов (Тунис), при содействии местных военных (Египет) и НГА (Йемен) или при прямом иностранном вмешательстве (Ливия). В других случаях власть устояла (Алжир, Бахрейн), в том числе благодаря поддержке внешних союзников (Сирия).

В 2010–2020-е годы обнаружилась опасная тенденция к реэскалации конфликтов на пространствах Евразии и БВСА, отличительными чертами которой стало появление на волне «арабской весны» цепочки внутренних вооруженных конфликтов (Ливия, Сирия, Йемен), а с другой стороны, обратное перерастание замороженных конфликтов в «горячие» (Вторая Карабахская война 2020 г., вынужденная российская СВО на Украине с 24 февраля 2022 г., война в Газе с 7 октября 2023 г.).

⁹ Основателем теории ГРО, предполагающей наличие в обществе бинарных противоречий на этнической, религиозной и другой почве, является британский исследователь Адриан Гелке [Guelke 2004]. В России эту теорию применительно к обществам Ближнего Востока развивает академик В.В. Наумкин. К ГРО он относит такие арабские страны, как Сирия, Ирак, Ливия, Йемен, Бахрейн, Ливан, а также неарабский Афганистан [Наумкин 2015, 67].

¹⁰ Террористические организации «Аль-Каида» и ИГИЛ запрещены в РФ.

К.М. Труевцев, на наш взгляд, оправданно относил все эти события ко второй волне турбулентности, признавая первой волной «арабскую весну» 2011 года [Труевцев 2020, 212].

На основе изложенного следует вывод о наличии для стран Евразии и арабского мира общего вызова, а именно региональной конфликтогенности, с которой связаны угрозы терроризма и экстремизма. Опасность этих угроз увеличивается в условиях процесса глобализации торговых потоков и логистических цепочек, пролегающих через Евразию и БВСА (китайская инициатива «Один пояс, один путь», альтернативный проект Индия — Ближний Восток — Европа, транспортный коридор Север — Юг).

Серьезным экономическим вызовом для целого ряда государств Евразии и БВСА остаются внешние санкции, которые зачастую вводятся Западом в обход СБ ООН. Наряду с конфликтами и кризисами они подрывают технологический суверенитет и продовольственную безопасность стран, против которых применяются, сдерживая их устойчивое развитие и повышая волатильность глобальных и региональных рынков (текущий пример — негативное влияние украинского кризиса).

Сейчас санкции активно применяются против России, Ирака (в 1990–2003 гг. до свержения С. Хусейна), Ирана, Йемена (хуситов), КНДР, Ливана (Хизбаллы), Ливии, Мьянмы, Сирии, Сомали и Судана, ограниченно против КНР¹¹, что консолидирует страны-объекты санкций в плане двустороннего сближения и формирования партнерств (между Россией и Ираном/ КНДР/ Сирией и др.), межгосударственной интеграции и дипломатической координации, например, в ООН.

Географические векторы внешней политики и ВЭД арабских стран в Евразии

Прежде чем приступить к рассмотрению направлений интереса арабских стран к Евразии в сфере внешней политики и экономики, используя метод двумерного анализа (обзор пространственного и функционального охватов повестки сотрудничества), имеет смысл обозначить географические пределы Евразии для цели настоящего исследования. В качестве базовой основы используется «линия Брандта», которая была представлена в 1980 году Независимой комиссией по вопросам международного развития (Independent Commission on International Development Issues) и получила название в честь главы этой комиссии, бывшего канцлера ФРГ Вилли Брандта¹². Эта линия, как справедливо отмечает И.Ю. Кисленко, стала визуальной репрезентацией разделения мира по уровню ВВП разных стран на экономически богатый Север и менее благополучный Юг [Кисленко 2020, 119].

Вместе с тем для решения задач этой статьи в Евразии следует в качестве объекта интереса арабских стран выделить евразийское геополитическое пространство, куда входят Россия и страны Глобального Юга: 26 из 57 государств — членов Организации исламского сотрудничества (ОИС), включая 12 стран ЛАГ в Азии, Армению, Бутан, Вьетнам, Грузию, Индию, Иран, Индонезию, Камбоджу, Китай, КНДР, Лаос, Монголию, Мьянму, Непал, Таиланд, Филиппины, у которых есть сходное восприятие современного мира как переживающего переход от однополярного мира к многополярному, а также стремление к суверенизации внешней политики и ВЭД. Субъектом интереса к Евразии выступают все страны ЛАГ в Азии и Африке. Таким образом, за рамками исследования остаются причисляемые к Глобальному Северу государства Европы, включая 27 членов ЕС. Здесь действует иная парадигма сотрудничества, основанная не на равноправии и многополярности, а на схеме «глобальный центр — периферия»¹³, когда постиндустриальный Глобальный Север/ Запад,

¹¹ Санкции: все что нужно знать о санкциях, их субъектах, объектах и предметах // Российский совет по международным делам [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/sanctions> (дата обращения: 17.02.2024).

¹² North — South: A Programme for Survival. ICIDI Report // UNESDOC [Электронный ресурс]. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000039496> (дата обращения: 17.02.2024).

¹³ Модель «центр — периферия» (core-periphery model) — алгоритм взаимодействия центральных и периферийных районов в процессе развития. Разработана в 1966 году американским географом Дж. Фридманном [Friedmann 1966].

включая его азиатские форпосты (Израиль, Сингапур, Тайвань, Южная Корея, Япония), выступает поставщиком технологий и дорогостоящей продукции, а Глобальный Юг — в лучшем случае их реципиентом и «младшим» инвестором на Западе, а традиционно — источником сырья и дешевой рабочей силы, производителем массовых товаров.

Основными региональными и страновыми объектами, определяющими интерес арабских стран к Евразии с точки зрения географического охвата, являются большие державы и в их лице нарождающиеся полюсы мирового влияния (Россия, Китай, Индия), а также мегарегионы Юго-Восточной Азии (ЮВА), где расположены 10 государств Глобального Юга (плюс Сингапур), и Центральной Азии, которая объединяет Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан (Таблица 1).

Таблица 1. Региональные и страновые объекты интереса арабских стран в Евразии (статистические параметры)¹⁴

Страна/регион	Размер территории (км ²)/ место в Евразии (мире)	Численность населения (чел.)/ местов Евразии (мире)	Размер экономики (номинальный ВВП)/ место в Евразии (мире)	Мощь ВС/ место в Евразии (мире)	Ядерный потенциал/ место в Евразии (мире)
Россия	17 233 900/1 (1)	146 149 770/6 (9)	1 862 470/4 (11)	1 (2)	1 (1)
Китай	9 598 962/2 (3)	1 467 310 112/1 (1)	17 700 899/1 (2)	2 (3)	2 (5)
ЮВА (10 стран)	4 494 614 3 (—)	692 686 959/3 (—)	3 366 730 3 (—)	—	—
ЦА (5 стран)	4 006 553/4 (—)	78 765 404/11 (—)	456 003/6 (—)	—	—
Индия	3 287 263/5 (7)	1 445 788 250/2 (2)	3 732 224/2 (5)	3 (4)	4 (7)
Иран	1 648 000/7 (17)	87 890 128/10 (18)	366 438/16 (42)	7 (14)	—
Пакистан	803 940/9 (34)	238 299 342/4 (5)	340 636/17 (46)	5 (9)	3 (6)
Турция	780 580/10 (36)	89 853 870/9 (17)	1 154 600/5 (17)	4 (8)	—

Внешняя торговля и ВЭД как драйверы интереса арабских стран к Евразии

Арабским элитам и деловым кругам, прежде всего аравийских монархий с их амбициозными стремлениями построить «экономику XXI века», импонируют передовые технологический и военный потенциалы России, характерные для Глобального Севера, но и присущая евразийскому Не-Западу¹⁵ парадигма равноправных отношений с Глобальным Югом. Россия, в свою очередь, находясь под санкциями, заинтересована в поиске новых рынков сбыта для своих товаров и услуг и источников инвестиций. Отражением встречного интереса является интенсивный дипломатический трафик, в том числе встречи глав государств и правительств. Примером служат переговоры президентов РФ и ОАЭ 16 июня 2023 г. на полях XXVI Петербургского международного экономического форума (где ОАЭ имели статус страны-гостя) и ответный блиц-визит В.В. Путина в Абу-Даби 6 декабря.

Египет, а также Алжир и другие государства Магриба¹⁶ привлекают российские возможности в сфере энергетики (строительство египетской АЭС Ад-Дабаа) и в плане обеспечения продовольственной безопасности на фоне украинского кризиса. Что создает предпосылки

¹⁴ Источники: Список стран и зависимых территорий по площади // Знание [Электронный ресурс]. URL: https://znanierussia.ru/articles/Список_стран_и_зависимых_территорий_по_площади (дата обращения: 17.02.2024); Population of the world and countries // Countrymeters.info [Электронный ресурс]. URL: <https://countrymeters.info/en> (дата обращения: 11.02.2024); World Economic Outlook database: October 2023. Report // International Monetary Fund [Электронный ресурс]. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2023/October> (дата обращения: 17.02.2024). Статистические данные приводятся без учета ВВП Гонконга и Макао, принадлежащих КНР; 2024 Military Strength Ranking // The GlobalFirepower [Электронный ресурс]. URL: <https://www.globalfirepower.com/countries-listing.php> (дата обращения: 17.02.2024); The Status of Nuclear Forces (estimated, as of January 2023) // Hiroshima for Global Resource [Электронный ресурс]. URL: <https://hiroshimaforpeace.com/en/nuclearweapon2023/> (дата обращения: 17.02.2024).

¹⁵ Геополитический термин «Не-Запад» применительно к России активно используется отечественными политологами, в том числе в контексте теории международных отношений [Алексеева 2017, 217].

¹⁶ В регион Магриба (перев. с арабск. — западная часть) входят Алжир, Мавритания, Марокко, Ливия, Тунис, а также частично признанная Сахарская Арабская Демократическая Республика.

для налаживания взаимовыгодного сотрудничества, объективно придавая арабо-российскому «вектору интереса» в Евразии двусторонний характер.

Применительно к Китаю, Индии и государствам ЮВА страны ЛАГ ставят во главу угла торговлю сырьевыми и промышленными товарами, хотя товарооборот, как видно из Таблицы 2 (данные ресурса WITS за 2021 год), пока что по большей части носит несбалансированный характер в пользу держав Евразии, явный в случае Китая и России и менее выраженный с Индией и Индонезией. При этом, несмотря на наличие потенциала роста, к числу главных торговых партнеров Египта, ОАЭ и Саудовской Аравии можно сейчас отнести лишь Китай и в определенной степени Индию.

Таблица 2. Общая статистика внешней торговли между арабскими и евразийскими странами¹⁷

Страна Евразии/ арабская страна	Египет	ОАЭ	Саудовская Аравия
Индия:			
<i>объем товарооборота (млрд ам. долл.)</i>	4,80	44,85	17,21
<i>сальдо торгового баланса (млрд ам. долл.)</i>	0,14 в пользу Индии	3,10 в пользу ОАЭ	1,06 в пользу Индии
<i>доля евразийской страны в экспорте/ импорте арабской страны (%)</i>	5,72/3,35	5,64/6,01	3,19/5,29
Индонезия:			
<i>объем товарооборота (млрд ам. долл.)</i>	1,28	3,12	3,53
<i>сальдо торгового баланса (млрд ам. долл.)</i>	1,07 в пользу Индонезии	1,85 в пользу Индонезии	0,34 в пользу Индонезии
<i>доля евразийской страны в экспорте/ импорте арабской страны (%)</i>	0,26/1,60	0,15/0,71	0,56/1,27
Китай:			
<i>объем товарооборота (млрд ам. долл.)</i>	11,30	60,87	41,19
<i>сальдо торгового баланса (млрд ам. долл.)</i>	8,72 в пользу Китая	42,73 в пользу Китая	19,28 в пользу Китая
<i>доля евразийской страны в экспорте/ импорте арабской страны (%)</i>	3,16/13,57	2,13/14,90	3,83/19,80
Россия:			
<i>объем товарооборота (млрд ам. долл.)</i>	2,88	5,16	1,52
<i>сальдо торгового баланса (млрд ам. долл.)</i>	2,08 в пользу России	2,26 в пользу России	1,36 в пользу России
<i>доля евразийской страны в экспорте/ импорте арабской страны (%)</i>	0,99/3,36	0,34/1,70	0,03/0,94

Функциональное содержание векторов интереса арабских стран к Евразии

Лапидарно рассмотрев ряд аспектов внешней торговли (собственно ее обзор не входит в задачи статьи), стоит перейти к другим слагаемым векторов интереса арабов к Евразии и евразийским государствам. Речь идет как о политических диалогах и участии стран ЛАГ в интеграции на пространстве Евразии и в объединениях с членством ведущих евразийских держав, так и о сферах экономики, связанных с инвестициями, технологическим суверенитетом и продовольственной безопасностью.

При помощи контент-анализа и метода визуализации данных все эти элементы можно резюмировать в виде таблицы (Таблица 3) с использованием примеров пяти государств ЛАГ, расположенных в различных субрегионах БВСА и обладающих отличными друг от друга моделями экономик. На основе двумерного критерия выбраны Алжир (крупнейшая держава Магриба с моноэкспортом углеводородов), Египет (самая густонаселенная страна БВСА и Африки с диверсифицированной экономикой и развитым военно-промышленным комплексом), Ирак

¹⁷ Источник: World Integrated Trade Solutions // World Bank [Электронный ресурс]. URL: <https://wits.worldbank.org/countrystats.aspx?lang=en> (дата обращения: 17.02.2024). Показатели округлены автором до сотых. Более поздние данные отсутствуют.

(некапиталоизбыточная экономика с моноэкспортом нефти), ОАЭ (технологический лидер в арабском мире, капиталоемкая экономика с растущей диверсификацией) и Саудовская Аравия (капиталоемкая сырьевая экономика с попытками диверсификации). В качестве визави выступают Россия, Китай и Индия как евразийские державы-лидеры с точки зрения своих внешнеполитических, экономических, военных и технологических возможностей и потенциалов.

Таблица 3. Области и индикаторы интереса арабских стран к Евразии (без учета внешней торговли)¹⁸

Страна	Политика	Инвестиции	Технологии	Продовольственная безопасность
Алжир	Поданы заявки на вступление в БРИКС (объединение с участием евразийских держав) и на статус наблюдателя в ШОС.	В июле 2023 г. в Пекине в ходе визита президента Алжира Абдельмаджида Теббуна достигнута договоренность о выделении 36 млрд ам. долл. китайских инвестиций на проекты в сфере технологий, умной экономики, транспорта и сельского хозяйства.		4-е место по импорту российской пшеницы (2023); на сумму 699 млн ам. долл. (2022)
Египет	Член БРИКС; имеет статус партнера по диалогу в ШОС.	В 2016 г. в Каире заключен пакет из 21 соглашения с Китаем, который предусматривал инвестиции из КНР на 15 млрд долл. За 2017-2022 гг. эти капиталовложения выросли на 317%.	С 2016 г. в Египте «Росатомом» запущен проект АЭС Ад-Дабаа. В 2014 г. в Пекине подписано соглашение с Китаем о «стратегическом партнерстве» в сфере обороны, технологий, контртерроризма и кибербезопасности.	2-е место по импорту российской пшеницы (2023); на сумму 2 221 млн ам. долл.
Ирак	Подана заявка на статус наблюдателя в ШОС.	Вехой в развитии экономического сотрудничества с Китаем стал визит в Пекин в сентябре 2019 г. делегации во главе с премьер-министром Ирака Адилем Абдул-Махди (тогда было подписано 8 соглашений); импульс развитию связей с РФ придал визит в Москву 10-11 октября 2023 г. нынешнего премьер-министра Ирака Мухаммеда ас-Судани, который принял участие в форуме «Российская энергетическая неделя».		
ОАЭ	Член БРИКС; имеет статус партнера по диалогу в ШОС; предлагает свое посредничество в контексте украинского кризиса.	Прямые китайские инвестиции в ОАЭ выросли с 6,3 млрд долл. в 2020 г. до почти 11,9 млрд долл. в 2022 г.	26 октября 2021 г. Россия и ОАЭ подписали межправсоглашение о сотрудничестве в исследовании и использовании космоса в мирных целях.	Индия в 2022 г. заняла 1-е место по экспорту агропродукции и продовольствия в ОАЭ на сумму 2,68 млрд долл.
КСА	Принятие посредничества Китая по нормализации отношений с Ираном; имеет статус партнера по диалогу в ШОС.	12 декабря 2023 г. на китайско-саудовской конференции по инвестициям в Пекине подписано 60 соглашений на 25 млрд долл.	На высшем и высоком уровне с 2016 г. активно обсуждаются вопросы подключения КНР к саудовской программе диверсификации экономики Vision 2030 (вехой стал визит в КСА Председателя КНР Си Цзиньпина 7-8 декабря 2022 г.	Россия в 2022 г. поставила в КСА рекордные 1,8 млн т пшеницы (всего стоимость агроэкспорта достигла 1 млрд долл., включая поставки мясной продукции).

Как видно из таблицы, арабские страны проявляют интерес к интеграции в рамках Шанхайской организации сотрудничества: Бахрейн, Египет, Катар, Кувейт, ОАЭ и Саудовская Аравия являются партнерами по диалогу с ШОС (6 из 14 государств с таким статусом). С 1 января 2024 г. Египет и ОАЭ вступили в БРИКС, а Алжир ранее подал заявку на вступление. Рабочими механизмами выступают Стратегический диалог Россия — ССАГПЗ (6-я встреча прошла 6–10 июля 2023 г. в Москве)

¹⁸ Источники: The Growth of Chinese Influence in Egypt: Signs and Consequences // The Washington Institute for Near East Policy [Электронный ресурс]. URL: <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/growth-chinese-influence-egypt-signs-and-consequences> (дата обращения: 17.02.2024); China to Invest \$36 Billion Across Multiple Sectors in Algeria, Ennahar TV Reports // Reuters [Электронный ресурс] URL: <https://jp.reuters.com/article/idUSL1N3960JC/> (дата обращения: 17.02.2024); UAE and China Explore Strengthening of Cooperation in Trade, Investment, Energy, Manufacturing, Technology, Health & Transportation // UAE Ministry of Economy [Электронный ресурс]. URL: <https://www.moec.gov.ae/en/-/uae-and-china-explore-strengthening-of-cooperation-in-trade-investment-energy-manufacturing-technology-health-transportation> (дата обращения: 17.02.2024); India Exports to United Arab Emirates // Trading Economics [Электронный ресурс]. URL: <https://tradingeconomics.com/india/exports/united-arab-emirates> (дата обращения: 17.02.2024); Saudi-China Investment Event Witnesses Deals Worth \$25bn // Arab News [Электронный ресурс]. URL: <https://www.arabnews.com/node/2424676/business-economy> (дата обращения: 17.02.2024).

и Группа стратегического видения «Россия — исламский мир» (19 мая 2023 г. состоялось ее заседание на полях XIV Международного экономического форума «Россия — исламский мир KAZANFORUM»).

Вектор интереса стран ЛАГ к Центральной Азии является скорее односторонним, притом что арабские страны, и в первую очередь ССАГПЗ, выступают донором, а государства ЦА — реципиентом помощи. На фоне скромных объемов товарооборота, которые, по статистике WITS, исчисляются миллионами/ десятками миллионов ам долл., рычагами для распространения арабского влияния стали инвестиции, услуги исламского банкинга и страхования.

В этой связи стоит внимательно присмотреться к такому примеру в реализации центральноазиатского вектора в политике исламских и арабских стран, как деятельность Исламского банка развития (ИБР), в капитале которого доминируют монархии ССАГПЗ, во всех пяти государствах ЦА с преимущественно мусульманским населением плюс в Азербайджане в Закавказье¹⁹, о которой рассказывает Б. де Кордые. Резонно задаваясь вопросом, являются ли операции банка в Южной Евразии сотрудничеством на общей почве идентичности (первый тезис), или же каналом для инвестирования капиталов Персидского залива (второй тезис), он сам выбирает первое утверждение, ссылаясь на стремление властей Азербайджана после распада СССР восстановить связи с более широким исламским миром, помимо побуждений голого практицизма [Де Кордые 2014, 66, 69]. Что стыкуется с дихотомией «реализм — либерализм», рассматриваемой в данной статье на примере факторов интереса арабских стран к Евразии.

Наряду с ЦА, при финансовой и концептуальной поддержке со стороны монархий ССАГПЗ основанная на принципах и нормах шариата исламская финансовая индустрия (ИФИ), куда вместе с банковским сектором входят рынок ценных бумаг и система страхования, пришла в Россию. 4 августа 2023 г. был принят федеральный закон об экспериментальном запуске в отдельных субъектах РФ партнерского финансирования, то есть исламского банкинга²⁰, который на тот момент уже получил распространение в Башкортостане, Дагестане, Нижегородской области, Татарстане и Чечне²¹.

Помимо зоны Персидского залива, структуры ИФИ давно и успешно работают на пространстве Евразии в ЮВА (Малайзия, Индонезия), Иране и Индии. По статистике пекинского центра финансовой аналитики The Asian Banker за 2021 год, в десятке крупнейших исламских банков мира по два банка представляли Саудовскую Аравию, ОАЭ, Малайзию и Катар²². Страна-лидерами по размеру активов ИФИ были Иран (1235 млрд ам. долл.), Саудовская Аравия (896 млрд долл.), Малайзия (650 млрд долл.), ОАЭ (252 млрд долл.) и Катар (186 млрд долл.), а в список государств с наибольшим числом исламских банков входили Малайзия (17 банков), Индонезия (9), Бангладеш (7) и Бахрейн (7)²³.

Индикатором взаимного интереса государств ССАГПЗ и ЦА является растущая дипломатическая активность, которая включает в себя визиты на высшем уровне: 5–8 июня 2023 г. эмир Катара Тамим бин Хамад Аль Тани посетил Узбекистан, Кыргызстан, Казахстан и Таджикистан; 13–14 февраля 2024 г. состоялся первый в истории визит в Доху Президента Казахстана К-Ж. К. Токаева. В его ходе стороны подписали свыше 10 соглашений и меморандумов; Астана заявила о готовности нарастить экспорт в Катар по 60 несырьевым позициям на сумму

¹⁹ ИБР учрежден в 1973 году, то есть сразу после начала нефтяного бума, министрами финансов государств — членов Организации исламской конференции (с 2011 года — Организация исламского сотрудничества, ОИС); штаб-квартира ОИС расположена в саудовском городе Джидда.

²⁰ Законопроект № 198584-8 // Система обеспечения законодательной деятельности [Электронный ресурс]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/198584-8> (дата обращения: 17.02.2024).

²¹ Матвеев И.А. Поможет ли исламский бандинг России выстоять против санкций Запада? // Российский совет по международным делам [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/pomozhet-li-islamskiy-banking-rossii-vystoyat-protiv-sanktsiy-zapada/> (дата обращения: 17.02.2024).

²² The Largest Banks Rankings // The Asian Banker [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theasianbanker.com/ab500/2018-2019/largest-islamic-banks> (дата обращения: 17.02.2024).

²³ Там же.

250 млн долл.²⁴ Подобные подвижки позволяют надеяться, что в обозримой перспективе вектор ЛАГ — ЦА приобретет двусторонний характер.

Об общности ценностей евразийских и арабских стран

Невзирая на глубокие культурно-исторические различия между Россией, Китаем и Индией, с одной стороны, и арабо-исламской цивилизацией²⁵, с другой, в связи с чем российские официальные лица и эксперты все чаще говорят о феномене «государство-цивилизация» (civilizational state), причисляя к таковым Россию, Индию, Иран и Китай²⁶, при детальном рассмотрении оказывается, что евразийские и арабские страны разделяют общие ценности. Их анализ позволяет подсветить факторы роста интереса арабских стран к Евразии через призму дискурса «либерализма».

Так, понятия Русского мира с ролью России как обширной евразийской державы, которая сплотила русский и другие народы²⁷, и Китайского мира (Sinosphere, Sinic world), объединяющего страны Восточной Азии с культурным влиянием Китая, по ряду критериев можно сопоставить с Арабским миром, или «арабской родиной» (арабск. аль-ватан аль-арабий). К ним относятся следующие:

- великодержавное прошлое с многовековыми периодами совместного проживания народов в составе крупных государств, лидировавших в различные периоды истории человечества (средневековье, новое время; Китай также в древности, а Россия в новейшее время). Конкретно речь идет о Российской империи, а затем СССР, империях Цинь и Цин в Китае, арабских халифатах и сменившей их Османской империи;
- лингвистический аспект — наличие языка межнационального общения, будь то русский, вэньянь (классический письменный) и путунхуа (официальный) в Китае, арабский аль-фусха (литературный, язык Корана), во времена Османской империи — османский язык со значительными арабскими заимствованиями;
- социально-культурный и социально-психологический критерий — общая принадлежность к мировой религии (религиям): христианство и ислам в России, буддизм в Китае, ислам у арабов; обусловленные великим прошлым национальное самосознание и чувство патриотизма; на «арабской улице» до сих пор разделяют людей на сограждан (мы — алжирцы, египтяне, сирийцы и т.д.), арабов (всех жителей «арабской родины») и прочих — иностранцев (аджаниб).

Несмотря на идейные споры о том, представляет ли «арабская родина» единое культурно-языковое (не говоря о политическом) пространство, на котором проживает единая арабская нация (аль-умма аль-арабийя), или же оно является многосоставным с несколькими нациями (аравийской, египетской, магрибинской, сирийской)²⁸, ключевой детерминантой созвучности подходов той же

²⁴ Визит Токаева в Катар: подписано более десяти соглашений и меморандумов // Мир 24 [Электронный ресурс]. URL: <https://mir24.tv/news/16580674/vizit-tokaeva-v-katar-podpisano-bolee-desyati-soglashenii-i-memorandumov> (дата обращения: 17.02.2024).

²⁵ Термин «арабо-исламская цивилизация» часто встречается в отечественных научных трудах [Кирмасов 2012, 186].

²⁶ О России как государстве-цивилизации говорил В.В. Путин, выступая на пленарной сессии XX Ежегодного заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай» 5 октября 2023 г. в Сочи: Владимир Путин принял участие в XX Ежегодном заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай». Стенограмма пленарной сессии // Международный дискуссионный клуб «Валдай» [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.valdaiclub.com/events/posts/articles/vladimir-putin-prinyal-uchastie-v-xx-ezhegodnom-zasedanii-kluba-valda/> (дата обращения: 17.02.2024); особое положение России как самобытного государства-цивилизации отражено в редакции КВП РФ 2023 г. Отечественные эксперты выделяют в числе характеристик государства-цивилизации единство исторического и территориального пространства, общность исторической памяти/ социально-исторического опыта; высокоразвитый литературный язык, который выступает в качестве средства межнационального общения (lingua franca) для абсолютного большинства населения соответствующего государства [Володин 2022, 106].

²⁷ Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 г. № 229 // Президент России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49090> (дата обращения: 17.02.2024).

²⁸ Странники панарабского национализма воспринимают единую арабскую сущность (аль-Уруба) в виде дихотомии панарабской (кауми) и страновой (кутрий) идентичностей [аль-Кавакиби 2014]. Апологеты странового национализма говорят о многонациональном арабском мире с присущей каждой из наций уникальной повесткой [Абу Амша 1998, 144].

России и арабских стран к восприятию себя и окружающего мира остается нарратив «принадлежности к великой исторической Общности». В подтверждение можно сопоставить в историческом разрезе российский и арабский опыт (Таблица 4).

Таблица 4. Идеологии, лозунги и объединительные шаги на пространствах Евразии и «арабской родины»²⁹

Критерий	Россия	Арабский мир
Идеологии и концепции		
Новое время (конец XIX – начало XX в.)	Панславизм	Арабизм
Новейшее время (вторая половина XX в.)	Советский интернационализм (после отказа от идеи мировой революции)	Баасизм (арабское социалистическое возрождение), насеризм (арабский национализм — идеи лидера Египта Г-А. Насера); третий путь — концепция прямой народной демократии (джамахирийя) ливийского лидера М. Каддафи
Новейшее время (начало XXI в.)	Суверенная демократия; неоевразийство — «четвертый путь» А.Г. Дугина; Россия как государство-цивилизация	Искусственная архаизация ислама — салафизм и ваххабизм с призывами к возврату к «золотому веку ислама» времен средневековых халифатов
Лозунги	«Союз нерушимый республик свободных сплотила навеки Великая Русь!» Модернизация без вестернизации	Лозунги баасистов и насеристов: Единство, свобода, социализм (Вахда, Хурийя, Иштиракийя); Арабская нация — едина, ее миссия — бессмертна (Умма Арабийя вахида, зат рисаля халида); лозунг ИГИЛ ³⁰ : Сохраниться и расшириться (Бакия ва татамаддад)
Объединительные шаги	Создание СССР (1922–1991); интеграция на постсоветском пространстве: СНГ (с 1991), ОДКБ (с 1992), Евразийский экономический союз (с 2014, до этого — в 2001–2014 — Евразийское экономическое сообщество)	Создание Лиги арабских государств (1945); нереализованные проекты Великой Сирии и «Благодатного полумесяца» (1943–1958); проекты межгосударственного объединения: Объединенная Арабская Республика (1958–1961), Федерация арабских республик (1972–1977), концепция арабской солидарности (ат-тадамун аль-арабий); создание субрегиональных объединений: ССАГПЗ (1981), Союз Арабского Магриба (1989)

Характерно, что общность взглядов находит отражение не только в идеях и лозунгах, но и в политической практике. Пример — длительное присутствие сирийских войск в соседнем Ливане (1976–2005) в соответствии с принципом «безопасность выше суверенитета» — в рамках ирредентистской доктрины, которую в самом Ливане назвали «доктриной Асада» [Пакрадуни 1987, 73] (в честь президента Сирии Х. Асада), а на Западе — «великосирийской доктриной» [Ma'oz 1994, 101]. По той же логике саудовские и эмиратские силовики в марте 2011 года подавили протесты «арабской весны» в Бахрейне.

Заключение

Факторы, вызывающие устойчивый рост интереса арабских стран к евразийскому геополитическому пространству в целом и отношениям с Россией, Китаем и Индией в частности носят разноплановый и долговременный характер, укладываясь в парадигмы реализма и «либерализма» в международных отношениях. У ведущих держав Евразии и БВСА сложилось отличное от Запада восприятие нынешнего исторического момента как неизбежного и магистрального перехода от однополярного мира к многополярному.

Государства Евразии и арабского мира сталкиваются с одинаковыми вызовами и угрозами в области национальной безопасности, экономики и социальных отношений, вызванными

²⁹ Составлено автором.

³⁰ Террористическая организация, запрещенная в РФ.

глобализацией и связанной с ней западной политикой глобализма и несправедливым разделением труда в мировой экономике. Налицо стремление России и стран Глобального Юга в Евразии и регионе БВСА к укреплению независимости, самостоятельной роли на международной арене, экономического и технологического суверенитета, что включает в себя меры по обеспечению национальной идентичности, информационной и культурной безопасности.

Неподдельный интерес арабов к Евразии с учетом встречной заинтересованности открывает широкие горизонты для активизации политдиалога, торгово-экономического, инвестиционного и технологического сотрудничества между Россией, Китаем, Индией, государствами ЮВА и ЦА и арабскими странами с подключением к арабо-евразийским проектам неевразийских «восходящих держав», таких как Бразилия и ЮАР.

Для российской стороны важно, что в странах ЛАГ, невзирая на западное давление, с пониманием восприняли СВО на Украине не только из соображений прагматизма, но и потому что рассматривают ее в качестве вынужденной меры в ответ на отказ Запада признать принцип неделимости безопасности, на чем настаивала Москва. Все это создает реальные возможности для реализации касающихся Евразии, БВСА и исламского мира положений КВП РФ.

Список литературы:

Алексеева Т.А. «Запад» и «Не Запад» в пространстве теории международных отношений // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. № 2. С. 217–232. DOI: [10.22363/2313-0660-2017-17-2-217-232](https://doi.org/10.22363/2313-0660-2017-17-2-217-232)

Володин А.Г. Индия как «государство-цивилизация» // Общественные науки и современность. 2022. № 6. С. 106–124. DOI: [10.31857/S0869049922060089](https://doi.org/10.31857/S0869049922060089)

Де Кордые Б. Операции исламского банка развития в Южной Евразии: что это — сотрудничество на общей почве идентичности или канал для инвестирования капиталов Персидского залива? // Центральная Азия и Кавказ. 2014. Т. 17. № 3. С. 63–74.

Кирмасов Б.А. Исторические аспекты формирования культурных традиций арабо-исламской цивилизации // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 3. С. 186–192.

Кисленко И.Ю. О роли понятий «глобальный Север — Юг» в глобальной социологии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2020. Т. 13. № 2. С. 116–128. DOI: [10.21638/spbu12.2020.201](https://doi.org/10.21638/spbu12.2020.201)

Манойло А.В. Специфика цветных революций «Арабской весны» // Известия Уральского Федерального университета. Серия 3: Общественные науки. 2013. Т. 3. № 3. С. 30–36.

Мельвиль А.Ю. Либеральная внешнеполитическая альтернатива для России? // Внешняя политика и безопасность современной России, 1991–2002. Хрестоматия. В 4 т. М.: РОССПЭН, 2002. Т. 1. С. 330–339.

Наумкин В.В. Глубоко разделенные общества Ближнего и Среднего Востока: конфликтность, насилие, внешнее вмешательство // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2015. Т. 7. № 1. С. 66–96.

Пакрадуни К. Неудавшийся мир: мандат Ильяса Саркиса (1976–1982). М.: Прогресс, 1987.

Труевцев К.М. Глобализация и арабский мир: до и после двух волн турбулентности. М.: Институт востоковедения РАН, 2020.

Friedmann J. Regional Development Policy: A Case Study of Venezuela. Cambridge, MA, USA: MIT Press, 1966.

Guelke A. Introduction: Advancing Peace in Deeply Divided Societies // Democracy and Ethnic Conflict: Advancing Peace in Deeply Divided Societies / ed. by A. Guelke. London: Palgrave Macmillan, 2004. P. 1–4. DOI: [10.1057/9780230523258_1](https://doi.org/10.1057/9780230523258_1)

Ma'oz M. Jordan in Asad's Greater Syria Strategy // Jordan in the Middle East, 1948–1988: The Making of the Pivotal State / ed. by J. Nevo, I. Pappé. London — New York: Routledge, 1994. P. 95–102.

Von Rochau L.A. *Grundsätze der Realpolitik angewendet auf die staatlichen Zustände Deutschlands*. Stuttgart: K. Göpel, 1853.

Абу Амша А. Лузум ма йальзам [Нужные императивы] // Мафахим каумийя иджтимаыйя [Сборник: Национал-социальные идеи]. Ч. 1. Дамаск: Алеф – Баа, 1998.

Аль-Кавакйби А. Умм аль-Кура [Мать деревень]. Каир: Дар аль-Китаб аль-Масри аль-Любнани, 2014.

References:

Abu Amsha A. (1998) *Luzum ma ya'zam* [Pending imperatives (in Arabic)]. *Mafakhim kaumiyya idzhtimay-ayya* [Collected papers: National-Social Ideas]. Part 1. Damascus: Alef – Baa.

Alekseeva T.A. (2017) “The West” and “Non-West” in the Space of International Relations Theory. *Vestnik RUDN. Seriya: Mezhdunarodnyye otnosheniya*. Vol. 17. No. 2. P. 217–232. DOI: [10.22363/2313-0660-2017-17-2-217-232](https://doi.org/10.22363/2313-0660-2017-17-2-217-232)

Al-Kawakibi A. (2014) *Umm al'-Kura* [Mother of All Villages]. Cairo: Dar al'-Kitab al'-Masri al'-Lyubnani.

De Cordier B. Operatsii islamskogo banka razvitiya v Yuzhnoy Evrazii: chto eto — sotrudnichestvo na obshchey pochve identichnosti ili kanal dlya investirovaniya kapitalov Persidskogo zaliva? [Operations of the Islamic development bank in Southern Eurasia: What is it, cooperation on a common basis of identity or a channel for investing capital from the Persian Gulf?]. *Tsentrāl'naya Aziya i Kavkaz*. Vol. 17. No. 3. P. 63–74.

Friedmann J. (1966) *Regional Development Policy: A Case Study of Venezuela*. Cambridge, MA, USA: MIT Press.

Guelke A. (2004) Introduction: Advancing Peace in Deeply Divided Societies. In: Guelke A. (ed.) *Democracy and Ethnic Conflict: Advancing Peace in Deeply Divided Societies*. London: Palgrave Macmillan. P. 1–4. DOI: [10.1057/9780230523258_1](https://doi.org/10.1057/9780230523258_1)

Kirmasov B.A. (2012) The Historical Aspects of the Formation of Arabic and Islamic Civilization's Cultural Traditions. *Znaniye. Ponimaniye. Umeniye*. No. 3. P. 186–192.

Kislenko I.Yu. (2020) On the Role of the “Global North —South” Notions in Global Sociology. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sotsiologiya*. Vol. 13. No. 2. P. 116–128. DOI: [10.21638/spbu12.2020.201](https://doi.org/10.21638/spbu12.2020.201)

Ma'oz M. (1994) Jordan in Asad's Greater Syria Strategy. In: Nevo J., Pappé I. (eds.) *Jordan in the Middle East, 1948–1988: The Making of the Pivotal State*. London —New York: Routledge. P. 95–102.

Manoilo A.V. (2013) Managing the Color Revolutions of the Arab Spring. *Izvestiya Ural'skogo Federal'nogo universiteta. Seriya 3: Obshchestvennyye nauki*. Vol. 3. No. 3. P. 30–36.

Melville A.Y. (2002) Liberal'naya vneshnepoliticheskaya al'ternativa dlya Rossii? [A liberal foreign policy alternative for Russia?]. *Vneshnyaya politika i bezopasnost' sovremennoy Rossii, 1991–2002*. Textbook in 4 vol. Moscow: ROSSPEN. Vol. 1. P. 330–339.

Naumkin V.V. (2015) Deeply Divided Societies in the Middle East: Conflict, Violence, and Foreign Intervention. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 25. Mezhdunarodnyye otnosheniya i mirovaya politika*. Vol. 7. No. 1. P. 66–96.

Pakradouni K. (1987) *La Paix Manquee: Le Mandat D'Elias Sarkis (1976–1982)*. Moscow: PROGRESS.

Truyevtsev K.M. (2020) *Globalizatsiya i arabskiy mir: do i posle dvukh voln turbulentnosti* [Globalization and the Arab world: Before and after the two waves of turbulence]. Moscow: Institut vostokovedeniya RAN.

Volodin A. (2022) India as a Civilizational State. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*. No. 6. P. 106–124. DOI: [10.31857/S0869049922060089](https://doi.org/10.31857/S0869049922060089)

Von Rochau L.A. (1853) *Grundsätze der Realpolitik angewendet auf die staatlichen Zustände Deutschlands*. Stuttgart: K. Göpel.

Дата поступления/Received: 28.03.2024

Цивилизационный подход в экономических исследованиях

Миловидов Владимир Дмитриевич

Доктор экономических наук, доцент, заместитель директора по научной работе ИМЭМО РАН, SPIN-код РИНЦ: [9170-0290](https://orcid.org/0000-0003-2892-7775),
ORCID: [0000-0003-2892-7775](https://orcid.org/0000-0003-2892-7775), vmilovidov@hotmail.com

МГИМО МИД России, Москва; Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук, Москва, РФ.

Аннотация

В предлагаемой статье представлен взгляд автора на то, как развивался и в чем состоял цивилизационный подход к анализу экономических процессов в различных, преимущественно русскоязычных, литературных источниках XIX века. Автор признает, что объем источников, содержащих свидетельства такого подхода, необъятен, поэтому фокусируется на тех, которые считает наиболее важными и показательными для оценки вклада российской науки в развитие такой методологии экономического анализа, а также современной концепции гуманитарной экономики, которой были посвящены отдельные более ранние работы автора. По мнению автора, цивилизационный подход уже на ранних стадиях экономических исследований помогал вывить нематериальные, культурно-психологические и моральные аспекты экономического поведения и формирования экономических институтов. Большинство исследований влияния цивилизационного развития на экономику грешат определенной одновекторностью, то есть выстроены в логике иерархичного мироустройства: цивилизованные нации находятся на вершине пирамиды развития, а нецивилизованные, варварские нации располагаются где-то у ее основания. Цивилизационный подход позволяет отказаться от ставшего шаблонным экономизма, основанного на исключительном признании примата материальных факторов общественного развития. Кроме этого, по мнению автора, появляется возможность поставить вопрос о корректности концепции многополярности, которая уже не может во всех деталях описать формирование нового мироустройства. Цивилизационный подход дает шанс по-новому оценить процессы глобализации и фрагментации не как антагонистических процессов, а как взаимно обусловленных. В целом будущее развитие многоцивилизационного миропорядка и его бесконфликтность во многом будут определяться готовностью представителей прежде всего западной цивилизации признать необходимость постепенного отказа от парадигмы универсальности условий общественного развития в пользу парадигмы самобытности нравов, уникальности экономической структуры и поведения, важности самобытности для экономического развития.

Ключевые слова

Цивилизация, цивилизационный подход, экономика, экономический рост, многополярность, многоцивилизационность, гуманитарная экономика, глобализация, фрагментация.

Для цитирования

Миловидов В.Д. Цивилизационный подход в экономических исследованиях // Государственное управление. Электронный вестник. 2024. № 104(S). С. 62–78. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-104(S)-2024-62-78

Civilization Approach in Economic Researches

Vladimir D. Milovidov

DSc (Economics), Associate Professor, Deputy Director for Scientific Work of IMEMO RAS, ORCID: [0000-0003-2892-7775](https://orcid.org/0000-0003-2892-7775),
vmilovidov@hotmail.com

MGIMO University, Moscow; Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

Abstract

The proposed article presents the author's view on how the civilizational approach to the analysis of economic processes developed and what it consisted of in various predominantly Russian-language literary sources of the 19th century. The author recognizes that the volume of sources containing evidence of such an approach is immense, so he focuses on those that he considers the most important and indicative for assessing the contribution of Russian science to the development of such a methodology of economic analysis, as well as the modern concept of human economy, to which some of the author's earlier works were devoted. In the author's opinion, the civilization approach already at the early stages of economic research helped to bring out non-material, cultural-psychological and moral aspects of economic behavior and formation of economic institutions. Most studies of the impact of civilizational development on the economy demonstrate a certain one-directionality, that is, they are built in the logic of a hierarchical world order: civilized nations are at the top of the pyramid of development, and uncivilized, barbaric nations are located somewhere at its base. The civilizational approach allows us to abandon the "economism", which has become a template, based on the exclusive recognition of the primacy of material factors of social development. In addition, in the author's opinion, there is an opportunity to raise the question of the correctness of the multipolarity concept, which can no longer describe in detail the formation of a new world order. The civilizational approach gives a chance to assess the processes of globalization and fragmentation in a new way, not as antagonistic processes, but as mutually conditioned. In general, the future development of a multi-civilizational world order and its conflict-free nature will be largely determined by the willingness of representatives of primarily Western civilization to recognize the need to gradually abandon the paradigm of universality of social development conditions in favor of manners identity paradigm, uniqueness of economic structure and behavior, and the importance of identity for economic development.

Keywords

Civilization, civilization approach, economy, economic growth, multipolarity, multicivilizational, human economy, globalization, fragmentation.

For citation

Milovidov V.D. (2024) Civilization Approach in Economic Researches. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 104(S). P. 62–78. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-104(S)-2024-62-78

Введение

Экономика и как практическая хозяйственная деятельность, и как область научных знаний теснейшим образом связана с общим развитием человеческого общества, его материальной и духовной культуры. Это, несомненно, явление цивилизационное, то есть принадлежащее к совокупности системообразующих параметров и характеристик цивилизации, которая при всем разнообразии существующих определений может быть рассмотрена как делящаяся в истории социокультурная общность наций и государств [Никонов 2021, 14–15]. Такой подход позволяет не только обратить внимание на связь хозяйственной деятельности человека с другими параметрами цивилизации, например пространственными, культурными, языковыми, религиозными, психологическими, но также найти их проекцию в ней самой, то есть выявить причинно-следственные связи экономических процессов, событий и явлений, обусловленные психологией, чувствами, нравственными установками людей, выйдя за рамки анализа сугубо материально обоснованных мотиваций того или иного хозяйственного акта.

Русский экономист А.И. Бутовский в своей работе 1847 года «Опыт о народном богатстве или о началах политической экономии» называл политическую экономию наукой нравственной [Бутовский 1847]. При этом он выделял пять категорий или побуждений человеческой деятельности, таких как полезное, правое, доброе, изящное и истинное. Политэкономия, по его мнению, должна развивать идею полезного, а вместе с другими нравственными науками излагать направления свободно-разумной деятельности человека, обогащать человека познаниями и руководить им в жизни, в его отношениях с природой и обществом, а также провозглашать законы его сил и познаний [Там же, III–IV].

Стремление рассматривать хозяйственную деятельность как феномен нравственного порядка, что ярко проявляется в русской экономической литературе XIX века, уходит корнями глубоко в историю интеллектуальных поисков ответа на вопрос о движущих силах человеческого развития, о соотношении нравственных и порочных начинаний, частного и общественного интересов, ответственности и свободы действий, денежных и духовных ценностей. Совокупность сложившихся устойчивых представлений о предпочтительных вариантах ответов на эти вопросы формирует идейный базис цивилизации, мировоззренческие установки соответствующего ей поколения людей и их экономические мотивации.

В предлагаемой статье представлен взгляд автора на то, как развивался и в чем состоял цивилизационный подход к анализу экономических процессов в различных, преимущественно русскоязычных, литературных источниках XIX века. Автор признает, что объем источников, содержащих свидетельства такого подхода, необъятен, поэтому фокусируется на тех, которые считает наиболее важными и показательными для оценки вклада российской науки в развитие такой методологии экономического анализа, а также современной концепции гуманитарной экономики, которой были посвящены отдельные более ранние работы автора [Миловидов 2013а; Миловидов 2013b; Миловидов 2014].

Век железный

Путеводной нитью в начале исследования цивилизационного подхода к анализу хозяйственной деятельности могли бы послужить произведения А.С. Пушкина, являвшегося одним из наиболее образованных людей своего времени и прекрасно осведомленного о многовековых интеллектуальных изысканиях в самых различных областях знания. Российский экономист А.В. Аникин в 1989 году проделал значительную работу, предложив опыт изучения социально-экономических мотивов произведений великого поэта [Аникин 1989]. В своей книге он привлекает

внимание к целому ряду произведений А.С. Пушкина, из которых особенно можно выделить три: «Скупой рыцарь» (1830 г.), «Пиковая дама» (1833 г.) и стихотворение-диалог «Разговор книгопродавца с поэтом» (1824 г.), от которого и хотелось бы оттолкнуться.

«Наш век — торгаш; в сей век железный без денег и свободы нет»¹, — так характеризует книготорговец время, в которое поэту выпало жить и творить. Жажда денег, «злата, злата, злата» — вот, что движет его современниками, которых книгопродавец призывает «копить злато до конца». Жажда золота в железный век — почему? Скорее всего, в этой фразе мы находим отголоски известной древнегреческой легенды о пяти поколениях или пяти веках, которая была изложена древнегреческим рапсодом Гесиодом в поэме «Работы и дни» (в других переводах «Труды и дни»), написанной им примерно в VII–VIII вв. до н. э. Гесиод говорит: «Ныне убо род существует железный: ни днем не прекращаются труды и печали, ни ночью»². Представителям железного поколения присущи распри, насилие, клятвопреступления, зависть, ненависть, корысть даже в отношениях с самыми близкими родственниками. На протяжении всей поэмы автор взывает к совести своего брата, который, судя по всему, лишил его собственности на основании решения подкупленных судей: «Давно между нами наследство разделено; но многое другое ты грабежом унес, весьма прославляя царей, пожирающих подарки и которые как хотят, так и судят»³. Пушкин вполне мог быть знаком с произведением древнегреческого поэта, хотя бы потому, например, что одно из первых российских изданий поэмы в переводе П.И. Голенищева-Кутузова вышло в 1807 г.

Образ железного века — это в некотором роде образ цивилизации с присущими ей чертами, характеристиками и параметрами, которые на протяжении всей поэмы проступают сквозь поэтический язык Гесиода. Его поэма — наставление о том, как в условиях жестокого и корыстного железного века жить и вести хозяйство в союзе с совестью. Предыдущие четыре поколения: золотое, серебряное, медное и поколение героев, — также вполне могут быть определены как сменяющие друг друга цивилизации. Каждому поколению-цивилизации присущи свой тип людей, род их занятий, образ жизни и ведения хозяйства и даже особенности их ухода из жизни и последующего преобразования. Причем последнее обстоятельство имеет, пожалуй, наибольшее значение. По Гесиоду, смена поколений не предполагает какой-либо преемственности, передачи навыков, типов поведения, традиций следующему поколению. Старое исчезает, уступая место принципиально другому, новому.

Мотив гибели прежней цивилизации и рождения другой, идущей ей на смену, прослеживается в произведениях Пушкина «Скупой рыцарь» и «Пиковая дама». В первом он создает образы старого барона-скряги и его молодого сына-транжиры. Как отмечает А.В. Аникин, мир скупого рыцаря — старый феодальный мир, мир паталогической страсти к накопительству, тезаврации, мир ростовщичества, ему чужды капиталовложения, предпринимательство, риск [Аникин 1989, 113]. Такой тип поведения барона мешает прогрессу, а потому он обречен на гибель. Другое дело — сын барона, который становится потенциальным обладателем ресурсов, столь необходимых формирующемуся веку буржуа: расточительство одного становится источником обогащения и приумножения капиталов другого. Итог печален: ссора отца и сына, смерть барона, с которым уходит в небытие старое поколение-цивилизация.

Не менее трагична и судьба Германа, героя «Пиковой дамы». Аникин и в этой работе прослеживает столкновение эпох: «исчезнувшего французского восемнадцатого века» и века денег и алчности, к которому, казалось бы, принадлежит и главный герой. Будучи человеком расчетливым, живущим исключительно на жалованье, полагающимся на умение и трудолюбие, Германн в качестве средства своего обогащения выбирает совершенно иной, иррациональный способ — магию, секрет

¹ Пушкин А.С. Сочинения в трех томах. М.: Художественная литература, 1985–1986. Т. 1. С. 315.

² Гесиод. Работы и дни. Теогония. Щит Геракла. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. С. 95.

³ Там же. С. 83.

трех карт, якобы известный старой графине. Это позволяет Аникину сделать вывод о том, что поведение Германна проникнуто духом старого дворянского мира. По его словам, например, тяга к деньгам героев Достоевского более «буржуазная» [Там же, 111].

В данном контексте небезынтересно обратиться к работе Ю.Г. Жуковского, русского экономиста, литератора, управляющего Государственным банком Российской Империи, «XIX век и его нравственная культура», изданной в 1909 году. В ней он использует образы и сравнения, которые отсылают нас к сюжету «Пиковой дамы». Однако процесс исторического развития для Жуковского — это не изолированные, последовательные отрезки цивилизации и эпох, где начало следующего возможно только после прекращения предыдущего, это делящаяся магистральная линия, предполагающая преемственность, устойчивость определенных характеристик человеческого поведения. Один тип поведения переходит в другой, не исчезая при этом полностью, но зачастую меняя свою цивилизационную значимость и место в системе нравственных ценностей. Он приводит пример со спекуляцией, которая порицаема в современном ему обществе, замечая, что «было действительно время, когда спекуляция, по сравнению с грабежом и насилием, которые она заменила, была благом» [Жуковский 1909, 60].

То, что отживает, и то, что приходит ему на смену, контрастируют, но не исключают друг друга, в системе ценностей разных эпох и в зависимости от ситуаций они меняются местами сообразно изменению внешних условий. Жуковский фактически заново формулирует дилемму Германна: трудиться или использовать магию. У Пушкина она не имеет решения и сводит героя с ума. У Жуковского это лишь вопрос выбора: «Тот, кто не мог грабить, ни брать колдовством, прибежал к средствам другого рода — к обмену... Тому, кто не мог ни грабить, ни торговать, ни кудесничать, оставалось одно: это достигать увеличения средств сбережением на счет лишения себя необходимого» [Там же, 109]. Германн выбрал колдовство, но прогадал.

Согласно концепции развития нравственной культуры Жуковского, и колдовство, и торговля, и грабежи — результаты поисков невидимой, но существующей магистральной линии развития. Это постоянные отклонения от нее «ввиду того неведения истинного порядка, к которому нас может только мало-помалу привести историческая эволюция» [Там же, 114]. Это случайный выбор, интуитивный, связанный с психологией, которая, в логике Жуковского, — важнейший фактор, определяющий перипетии общественного развития. Примечательно, что здесь он обращается к образу колоды карт, как бы исподволь трактуя пушкинский сюжет: «Прототипом судьбы человечества служит колода карт: здесь есть фигуры; начинайте выбирать одну карту за другой, и они станут выходить в полном беспорядке; но повторяя то же много раз, вы убедитесь, что число вышедших королей или дам будет относиться к числу вышедших двоек, как число тех же фигур относится между собою в составе колоды. Колода карт — это внешняя и личная внутренняя природа человека; в них заложены известные условия, которые и предопределяют и то направление, в котором должно совершаться его развитие, и те результаты, которых он может достигнуть» [Там же].

Возвращаясь к герою Пушкина, мы можем сказать, что именно в разладе между внутренней и внешней природой человека и состояла трагедия героя «Пиковой дамы». Однако это была трагедия человека, но не трагедия поступательного развития общества. Точно также старая эпоха не умерла со смертью барона-скряги. В этих трагедиях не было столкновения антагонистических цивилизаций. Именно в этом состоит отличие цивилизационного подхода Жуковского к общественному развитию от того драматически прерывистого процесса, который мы видели у Гесиода и отчасти у Пушкина. Это отличие определяется иной точкой обзора: конец XIX века позволяет совершенно по-новому оценивать блага и недостатки железного века, растянувшегося на многие сотни лет.

Здесь можно привести рассуждения известного историка хозяйственной деятельности, русского экономиста И.М. Кулишера о том, как менялся смысл слова «финансы» в зависимости от разных эпох. По его мнению, XVI–XVII века были временем ростовщичества, финансистов, богоненавистников, святотатцев, душегубов, финансовых операций и грабежей. Под стать времени определялось и значение термина «финансы», якобы родственного словам *fenax* (греч.) — лгун, обманщик; *fenikazein* (нем.) — опутать, обойти, обмануть; *finding* (нем.) — хитрый, лукавый, ловкий; *finden* (нем.) и *veinsen* (нем.) — ростовщические, лицемерные, вероломные операции. Но в средние века финансы имели более безобидный смысл: *finis*, *fine*, *finare* (фр.) — окончание, завершение, уплаты, разрешение дела, платеж по договору, обязательный, принудительный платеж [Кулишер 1919, 6–7]. Однако в итоге терминологически финансы все больше, по мнению Кулишера, стали ассоциироваться с управлением государственной казной. Он отмечает, что «пережитки старых времен и нравов» еще дают о себе знать и в XIX веке, «лишний раз подтверждая старую истину, что культура во всех областях развивается медленно и постепенно, что пройденное пространство не сразу закрепляется и оказывается вне сферы огня прежних врагов», но терминология постепенно приравнивается к жизни [Там же, 10–11]. То есть, говоря словами Ю.Г. Жуковского, управление государственными финансами, установленная законом система налогов и платежей становятся благом по сравнению с грабительским ростовщичеством прошлых веков, когда монаршая казна освобождалась от долгов либо посредством войн, либо уничтожения кредиторов, а также с различными спекулятивными проектами, «панаммами», порицаемыми и в прошлом, и в настоящем. Однако при этом Ю.Г. Жуковский утверждает: «В наступивший период можем увидеть только продолжение той же борьбы в более уже мягкой форме, борьбы и угнетения не путем грубого насилия, а капитала; борьбы, которая, давая, конечно, себя чувствовать своим угнетением лица иным способом, оставляет, однако, за ним уже формальную свободу» [Жуковский 1909, 117].

Означает ли все это, что смена технологий, образа жизни, рост многообразия материальных ценностей, доступных для человека, при сохранении доминирующих нравственно-психологических факторов поведения людей не меняют хронологические рамки той или иной цивилизации, в данном случае растянувшейся во времени железного века, притом что как раз изменение расстановки нравственных акцентов определяет смену и способов, и инструментов достижения целей, то есть меняет экономическое сознание и культуру? С точки зрения цивилизационного подхода именно нравственно-психологическая, культурная, поведенческая составляющие, а не институциональная или операционная определяют цивилизационный прогресс хозяйственной деятельности человека.

Глобальная цивилизация

Многотысячелетняя «живучесть» образа железного века может определяться как минимум двумя объективными факторами: во-первых, универсальностью экономических институтов и приемов ведения хозяйственных операций (прототипы современных банков и других финансовых институтов, государственного и частного долга, кредита, финансовых операций, денег, ценных бумаг зародились в глубокой древности и в самых разных регионах мира) [Goldsmith 1987]; во-вторых, тем, что на всем историческом интервале развития экономики и экономической науки основной фокус и практиков, и ученых был сосредоточен на европейской фактуре. В конечном счете все экономические представления, экономическая культура, присущие ей ценности буквально выросли из произведений Адама Смита и укоренились в своих незыблемых парадигмах именно как элемент европейской, а позднее и более общей западной цивилизации, узурпировавшей право на глобальное доминирование.

На протяжении длительного времени концепция цивилизации формировалась в рамках западной научной мысли, как, собственно, и экономические взгляды и доктрины. В этом контексте любопытна статистика использования слов «civilization», «economics» и «цивилизация», «экономика» в англоязычных и русскоязычных книгах из коллекции Google, которую предоставляет ресурс Google Ngram Viewer (Рисунок 1).

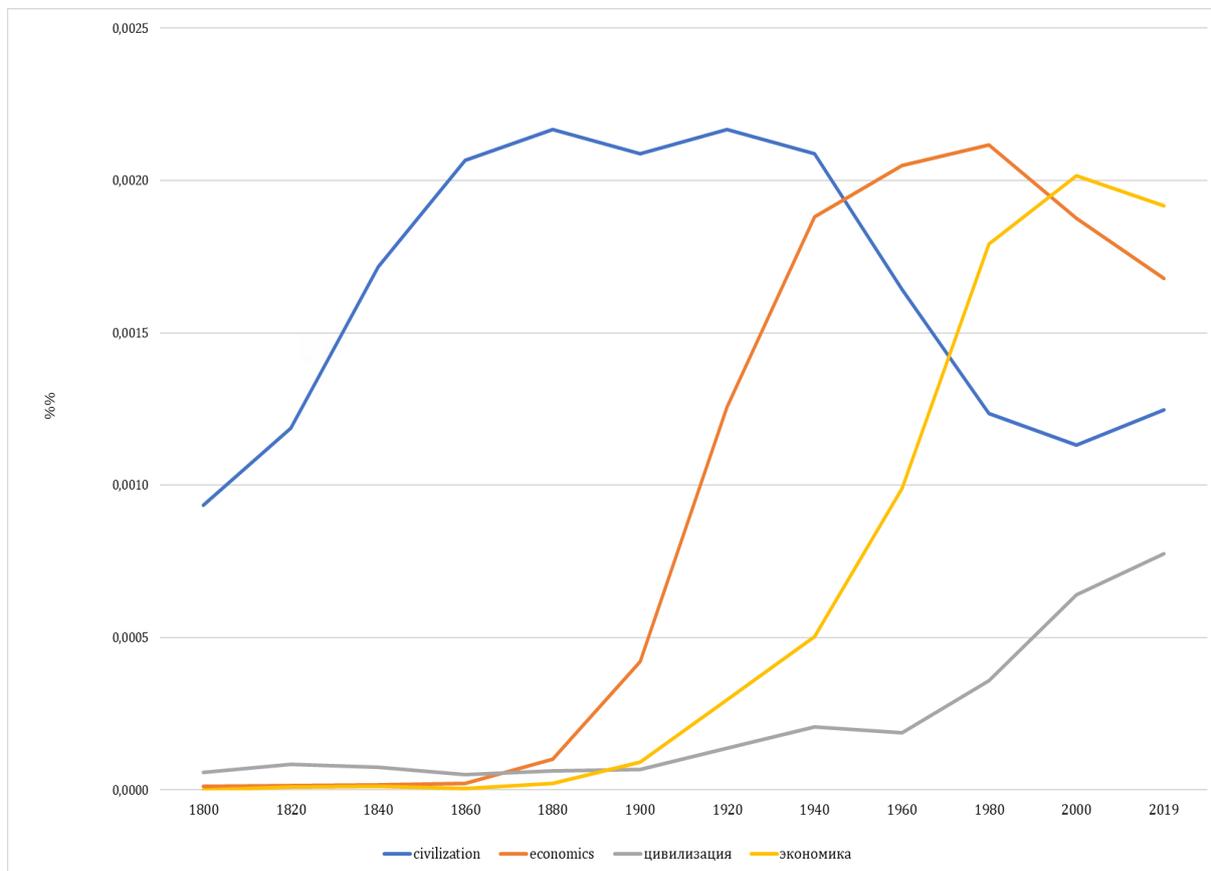

Рисунок 1. Частота использования терминов «цивилизация» и «экономика» в русскоязычной литературе и терминов «civilization» и «economics» в англоязычной литературе, в %% в 1800–2019 гг. (20-летние сглаженные средние)⁴

Как видно на представленном рисунке, на протяжении всего XIX века и первой половины XX века использование термина «civilization» в англоязычной литературе доминировало. Гораздо менее выраженную картину мы наблюдаем в России, хотя преобладающее внимание к термину «цивилизация» просматривается и здесь. В англоязычной литературе использование термина «economics» растет экспоненциально с 1880 г., а в русскоязычной — с 1900 г. Причем в России внимание к экономическим вопросам сразу начинает преобладать, в то время как в англоязычной литературе оно еще 60–70 лет лишь «догоняет» популярность термина «civilization». Такой «прагматизм» русскоязычной литературы XIX – начала XX вв. может отчасти объясняться влиянием западных взглядов на феномен цивилизации и, как следствие, заимствованием их российскими авторами при проведении актуальных экономических исследований, многие из которых носили прикладной характер. Так, русский экономист академик И.И. Янжул вообще относил экономику, и в частности финансы, к так называемым административным наукам, имеющим своим предметом «физические условия государственной жизни» [Янжул 1895, 1]. То есть на протяжении длительного времени научная мысль в России скорее следовала за развитием западных доктринальных конструкций. С 60-х годов XX в. внимание к вопросам развития цивилизации в русскоязычной литературе

⁴ Составлено автором с использованием сервиса [Google Ngram Viewer](https://www.google.com/ngram/).

усиливается, а с 2000 года происходит практически параллельное возрастание внимания к вопросам цивилизационного развития и в русскоязычной, и англоязычной литературе.

Этот вывод отчасти подтверждается статистикой использования терминов «западная цивилизация», «европейская цивилизация», «русская цивилизация» в русскоязычной литературе и соответствующих терминов «Western civilization», «European civilization» в англоязычной литературе в 1800–2019 гг. (Рисунок 2).

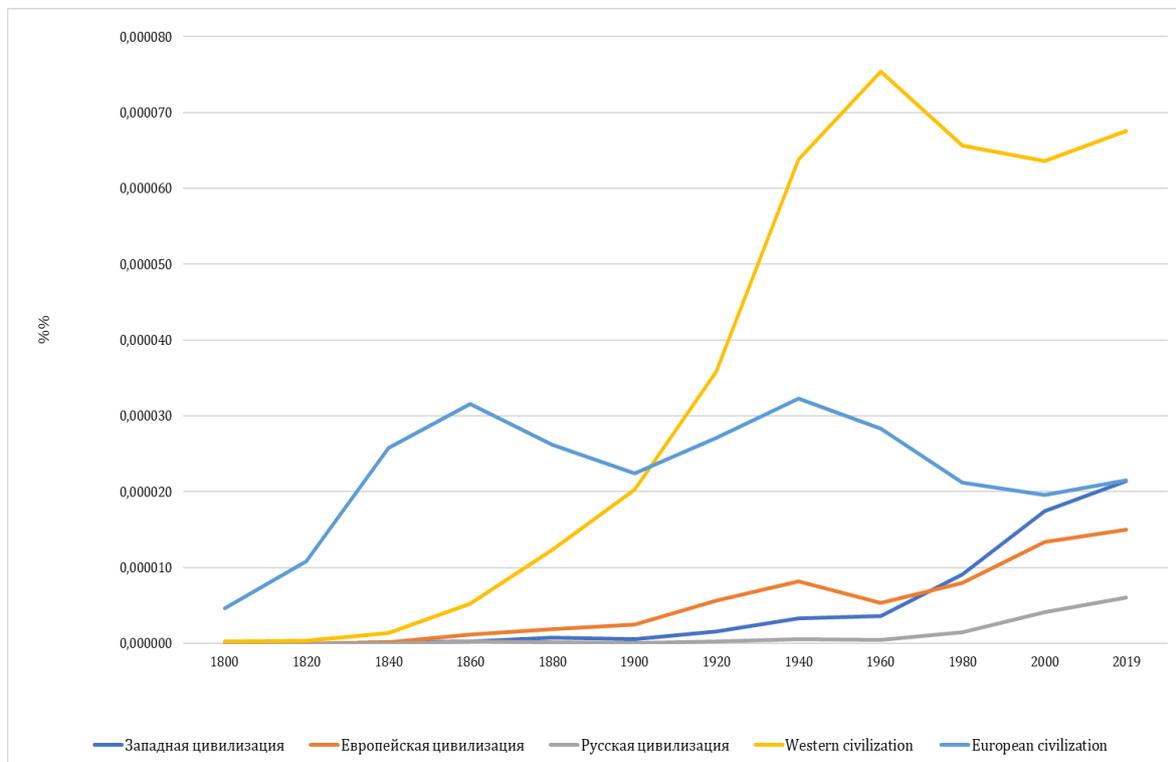

Рисунок 2. Частота использования терминов «западная цивилизация», «европейская цивилизация», «русская цивилизация» в русскоязычной литературе и терминов «Western civilization», «European civilization» в англоязычной литературе, в %% в 1800–2019 гг. (20-летние сглаженные средние)⁵

Фактически на протяжении более полутора столетий основной формой цивилизации, которая рассматривалась в русскоязычной литературе, была европейская цивилизация, лишь с середины 60-х годов XX века ее место занимает более глобалистский термин «западная цивилизация». В англоязычной литературе смена акцентов происходит на более чем полстолетия раньше — в начале 1900-х годов. То есть начинается формирование некоторого общего видения интегральной западной цивилизации, которая в последующем противопоставляется всему «незападному». Этот термин отчасти предвосхищает появление термина «глобализация», который устойчиво распространяется и в англоязычной, и в русскоязычной литературе с 80-х годов XX века. Осознание же самостоятельности русской цивилизации и рост внимания к ней начинаются примерно с 1960-х годов.

Вместе с тем, несмотря на относительно редкое использование термина «цивилизация» в русскоязычной литературе в начале XIX века, именно в этот период вырабатывается его научное понимание и место в системе научных категорий и концепций. В 1815 г. выходит книга русского экономиста академика А.К. Шторха, посвященная основам экономической теории, — «Курс политической экономии, или изложение начал, обуславливающих народное благосостояние». В этом фундаментальном труде автор предложил включить в предмет политической экономии, наряду с теорией народного богатства, и теорию цивилизации [Шторх 2008].

⁵ Составлено автором с использованием сервиса [Google Ngram Viewer](https://www.google.com/ngram/).

По его определению, «теория цивилизации имеет своим предметом познание законов, в соответствии с которыми производятся, накапливаются и потребляются внутренние блага, составные части или элементы цивилизации внутри страны» [Там же, 606]. В логике Шторха, в отличие от материальных, внешних благ, которые «обычно именуется богатством», внутренние блага не материальны, они находятся внутри самого человека, являются его «нравственной собственностью». Классификация внутренних благ включает физические блага — здоровье, силу, ловкость, искусства механические; умственные — разум, знание, вкус, науки, свободные искусства; нравственные — общительность, нравственные и религиозные чувствования, свободу, собственность [Там же, 81]. Другой возможный срез совокупности внутренних благ — их деление на блага первичные и вторичные. Первые включают: здоровье человека, его умение, просвещение, вкус, нравы, культ. Вторые являются необходимым условием для существования первых, это безопасность и досуг [Там же, 608–609].

Определяя особенности элементов цивилизации, внутренних благ, Шторх делает крайне важное замечание, имеющее отношение к выстраиванию процесса цивилизационного развития. Он отмечает, что, в отличие от материального богатства, которое потребляется полностью и вновь воспроизводится, внутренние блага не только более долговечны, но большая их часть способна «становиться все более и более полезной по мере их частичного употребления» [Там же, 613]. Внутренние блага могут накапливаться, но главное — «они в состоянии преобразовываться в капиталы, которые можно употребить на воспроизводство тех благ, что подвержены разрушению либо в ходе потребления, либо в результате смерти их обладателей» [Там же, 613]. При этом, считал Шторх, внутренние блага, в силу своей долговечности, накапливаются легче, чем материальные блага. Тем самым Шторх, по сути, формулирует идею монетизации нематериальных благ, их превращения в ресурс экономического развития. Таким образом, получается, что цивилизация обладает мощным внутренним источником для самовоспроизводства и воспроизводства входящих в нее элементов, внутренних благ. А это необходимое условие для воспроизводства внешних благ, материального богатства. Эта идея намного предвосхитила свое время.

В работе Шторх ссылается на Адама Смита как создателя «цивилизационной» политической экономии. Спустя более чем 200 лет с момента выхода книги Шторха американский экономист Вернон Смит, по сути, возвращается к теме деления экономической науки на материальную и нематериальную составляющие, указывая на то, что работы Адама Смита позволяют увидеть в единстве два мира, в которых «одновременно живет человек»: мир личностей и межличностного общения (personal social world) и обезличенный экономический мир (impersonal economic world) [Smith 2019, 1–3]. Науку, изучающую проблемы человека, существующего сразу в этих двух мирах, он называет «гуманомикой» (humanomics), как бы противопоставляя ее традиционной политической экономии.

Синонимом «гуманомики» можно считать другой термин, появившийся в научной литературе, — «гуманитарная экономика» (human economy). Английские антропологи Кейт Харт и Крис Ханн определяют ее как систему благополучного существования и удовлетворения человеческих потребностей, выходящих за узкие рамки сугубо рыночных ценностей и включающих в себя образование (по Шторху, просвещение), безопасность, здоровье и благоприятную окружающую среду (Шторх также указывает на отношения людей с окружающей средой), а также достоинство, значение и роль которых для человека не могут быть сведены только к количеству долларов, потраченных на душу населения [Hann, Hart 2011, 8]. Аналогичная идея содержится в более ранней работе английского экономиста и философа Эдварда Хадаса, который доказывает, что экономическая сторона человеческой природы не может быть изолирована от других ее сторон [Hadas 2007].

Переключкой сквозь века с работой Шторха можно также назвать слова чешского экономиста Томаса Седлачека: «Экономика, какой мы знаем ее сегодня, является культурным феноменом, продуктом цивилизации» [Sedlacek 2011, 3]. По его словам, экономика отличается от продуктов материального мира (богатства, по Шторху), она фактически нематериальна, возникла бессознательно, спонтанно, неконтролируемо, незапланированно, не по нажатию кнопки кондуктора [Ibid., 4].

В настоящее время подобных подходов к анализу экономических процессов становится все больше и больше. Отсылка к ним, конечно, не означает, что все упомянутые авторы знакомы с работой Шторха. Скорее всего, нет. Важно другое, искра цивилизационного подхода к экономике распространилась сегодня в научной литературе так же, возможно, спонтанно и независимо от предыдущих идей и умозаключений, как повсеместно возникла и сформировалась экономика и экономические институты.

Однако вопрос первичности и вторичности во взаимосвязанной паре процессов цивилизационного и экономического развития пока не имеет однозначного ответа. Да и у Шторха схема взаимосвязи достаточно сложная, предполагающая обратный эффект. Это своего рода петля обратной связи (feedback loop). Внутренние блага, отмечает Шторх, по природе присущи человеку, однако далеко не все и не сразу могут использовать врожденные ценности для преобразования окружающего мира, что связано с двумя факторами: а) «не каждое человеческое существо восприимчиво к силам природы» [Шторх 2008, 614]; б) нематериальный труд, способствующий развитию внутренних благ, то есть основа цивилизации, «требует наличия не только работника, но чаще всего инструментов и машин» [Там же, 615]. То есть, прежде чем внутренние блага начнут развиваться и стимулировать еще большее развитие богатства, должен пройти некоторый период первоначального накопления последнего, сопровождающегося разделением и специализацией труда. До этого оно «возрастает лишь в результате совершенствования производства и за счет экономии».

Важно заметить, что рассуждения Шторха о связи цивилизации и национального богатства объективно подводят к выводу об уровнях развития цивилизации. Причем цивилизованность может быть как абсолютной, так и относительной по аналогии с тем, как выделяются абсолютные и относительные богатства [Там же, 137–138, 648–649]. Абсолютное богатства, как и абсолютная цивилизованность, — характеристика одного человека или народа вне связи с другими людьми и народами, вне процесса его использования, накопления, приумножения. Относительное богатство всегда находится в движении, оно синоним капитала, его можно ссудить или взять займы. Точно так же и относительная цивилизованность: она предполагает интеграцию нации в систему мировых отношений. Причем такая нация способна воспроизводить внутренние блага, необходимые ей в том числе «в силу поддерживаемых ею внешних сношений и внутренних связей» [Там же, 649]. В итоге Шторх предлагает разделить все нации по уровню цивилизованности на три класса: 1) цивилизованные нации, 2) варварские нации, 3) нации, находящиеся на границе между цивилизацией и варварством [Там же, 649]. В тексте Шторх дает понять, что скорее относит Россию к цивилизованной нации, «мы европейцы» он пишет от первого лица, хотя при этом отмечает недостатки российской цивилизованности.

Однако даже цивилизованным нациям есть чему поучиться друг у друга. Так, Шторх прославляет сельскохозяйственный труд, развитый в России и дающий ей цивилизационные преимущества перед странами, где развита промышленность и ремесла, которым характерно более высокая специализация труда, что сказывается, по его мнению, на здоровье и умственных способностях населения этих стран. Но главное состоит в том, что цивилизованные нации, по сути, те, которые соответствуют некоторому глобальному уровню цивилизованности, определяемому

уровнем развития материальных и нематериальных благ. Варварские нации этому общему уровню не соответствуют, поэтому должны искать покровительство, привлекать материальный и нематериальный капиталы из цивилизованных наций.

Читая произведение Шторха, поражаешься, насколько многие его рассуждения звучат современно и актуально, затрагивают самые острые вопросы мирового развития. Работа Шторха безусловно заслуживает изучения с современных позиций. При этом следует обратить особое внимание на третью группу наций, которые он называет независимыми. Эти нации в состоянии обойтись без внешней поддержки, покровительства и инвестиций в развитие производства как материальных, так и нематериальных, внутренних благ, но также пока не претендуют на то, чтобы питать своими благами другие народы [Там же, 649]. Однако в работе Шторха не следует искать ответа на вопрос о том, могут ли «независимые» и уж тем более варварские нации сформировать новые критерии цивилизованности, представить миру новую модель роста благосостояния и материального богатства с опорой на суверенные внутренние блага. Хотя такая возможность им не отвергается. Но вот обратный процесс из цивилизованности к варварству прописан им более четко. Он приводит пример Греции, превратившейся, по его словам, в варварскую нацию, несмотря на все прошлые достижения в области производства внутренних нематериальных благ, которые во многом заимствовали новые цивилизованные нации [Там же, 668]. Да и современные Шторху цивилизованные нации обладают многочисленными особенностями и отличиями.

Многоцивилизационность

Большинство исследований влияния цивилизационного развития на экономику грешат определенной одновекторностью, то есть выстроены в логике иерархичного мироустройства: цивилизованные нации находятся на вершине пирамиды развития, а нецивилизированные, варварские нации располагаются где-то у ее основания. Это отчасти является следствием эволюции взглядов на географические рамки цивилизованности — европейская цивилизация, западная цивилизация, глобализация, стержнем которой является все та же западная цивилизация. Понятия «богатый Север» и «бедный Юг», «Запад — Восток» — производные этого взгляда. До некоторой степени иерархический взгляд сохраняется и в логике определения «центров силы» и «многополярности», которое вольно или невольно подразумевает наличие некоторой доминирующей страны или группы стран, вокруг которых формируется тот или иной геополитический полюс. Такой подход появился задолго до того, как концепция цивилизации сформировалась. Он подразумевал сохраняющееся до сих пор противопоставление цивилизованных народов, преимущественно западных, нецивилизированным, незападным народам. Термины «цивилизированные народы» и «нецивилизированные народы» или схожие с ними по смыслу можно легко найти как в многочисленных западных источниках, так и в работах русских экономистов и государственных деятелей, писавших на экономические и финансовые темы, например А.К. Шторха, Н.С. Мордвинова, Е.Ф. Канкрин [Мордвинов 1816; Канкрин 1894]. Одно из наиболее ранних и ярких, сильно укоренившихся в западном сознании свидетельств этому — «Записки о Московии»⁶ С. Герберштейна, изданные в середине XVI века.

Герберштейн явно не симпатизирует жителям Московии, противопоставляя их поведение и культуру более близкой к европейской цивилизации культуре жителей таких западных русских городов, как Псков и Новгород. Псковитяне, по его словам, честны, искренни и простодушны, немногословны «для обмана покупателя», «носят прическу не по русскому, а по польскому обычаю», но их просвещенные и утонченные обычаи сменяются под неблагоприятным воздействием московитов, которые «гораздо хитрее и лукавее всех прочих»⁷. То же самое, по его словам, происходит и

⁶ Герберштейн С. Записки о Московии: В 2 т. М. Памятники исторической мысли, 2008.

⁷ Там же. С. 299, 349.

в Новгородской области: «Народ там был очень обходительный и честный, но ныне крайне испорчен, чему, вне сомнения, виной московская зараза, занесенная туда заезжими москвитами»⁸. При характеристике экономического поведения Герберштейн использует слово «mores» (лат.) — нравы, поведение, привычка, как бы подчеркивая определенную связку непосредственно экономических отношений с устоявшейся культурой поведения. Изучение экономики, экономических отношений для него равносильно изучению нравов Московии. То есть мы вполне можем говорить о его видении «цивилизации москвитов».

Другой европеец, католический миссионер Юрий Крижанич в XVII веке также обращается к нравам и обычаям, которые он встречает в России. Однако его взгляд гораздо более фундаментальный и комплиментарный. В своей работе «Политика» он формулирует три основные слагаемые власти: производство благ; сила, которая подразумевает наличие в государстве естественных природных богатств, земель (твердынь), а также созданных человеком средств защиты государства (в определенном смысле это перекликается с более поздними рассуждения Шторха о безопасности как внутреннем вторичном ресурсе); мудрость, включающая науки, умения, язык, до некоторой степени и образ жизни, например культуру одеваться⁹. В предложенной Крижаничем системе координат экономика (или экономия) как наука, которая «учит управлять домом или челядью», является частью науки о нравственности — этики, а та, в свою очередь, интегрирована в философию как слагаемый элемент «мирской мудрости». Причем он отдельно выделяет «идиозетику» как науку о личной нравственности, из чего можно сделать вывод, что экономика — это наука об общественной хозяйственной нравственности, об общественно-справедливом ведении хозяйства¹⁰. Примечательно, что именно в контексте мудрости Крижанич, по сути, обращается к цивилизационному развитию Руси. Эта важная и наибольшая часть его книги, которая в чем-то созвучна изложению норм хозяйственной жизни у Гесиода. Последний, обращаясь к своему брату, приводя нравоучительные греческие легенды, дает рекомендации, как вести хозяйство нравственно, сообразно с принципами справедливости. Так и Крижанич, выпячивая недостатки устройства жизни России, проводит мысль о том, как улучшить ее, сделав россиян поистине «цивилизированной нацией».

Ссылаясь на многочисленные примеры негативного, пренебрежительного и предвзятого отношения к русским, Крижанич подчеркивает их явную несимметричность и нескрываемую предвзятость. Для европейских народов все славянские племена: русские, поляки, чехи, болгары, сербы и хорваты, — находятся на более низкой ступени развития. Однако именно русские и венгры, по словам Крижанича, считаются варварами. При этом, как справедливо отмечает автор, сами европейские народы «превосходят нас в жестокости, в лживости, в ересь и во всяких пороках и сквернах», а русские, подчеркивает Крижанич, «никогда не видали таких насилий, обманов, хитростей, клятвопреступлений, распущенности и излишеств», какие присущи европейцам¹¹. Причины тому — невежество, лень и глупость, которые Крижанич выявляет в образе жизни на Руси и пытается искоренить своими записками и рекомендациями.

Варварство в логике европейской научной мысли — особый вид цивилизации, требующей покровительства, внешнего управления. Получается, что экономика в этом смысле представляется средством достижения целей — привнесенная западная экономическая нравственность теоретически должна изменить варварскую экономическую безнравственность. Шторх как раз и рекомендовал «экспортировать» внутренние блага цивилизованными нациями в варварские или менее цивилизованные государства. Эта идея экономического переустройства и облагораживания

⁸ Там же. С. 345.

⁹ Крижанич Ю. Политика. М.: Альма-Матер, 2023.

¹⁰ Там же. С. 169–170.

¹¹ Там же. С. 187.

цивилизаций-варваров остается весьма живучей. Причем Россия практически постоянно воспринимается именно как объект, требующий особого внимания на предмет облагораживания, хотя и обладает мощными ресурсами и многими преимуществами перед западной цивилизацией. В этой связи показательна градация цивилизаций у Ф. Броделя, признанного исследователя экономической культуры. В своей книге «Грамматика цивилизаций» в перечне цивилизаций за пределами Европы он отводит России особое место — «другая Европа» [Бродель 2014]. Этого места вне исторического контекста удостаиваются и Московия, и Россия, и СССР. Однако у Броделя образ варварской цивилизации сменяется образом нации, оказавшейся способной «одним прыжком преодолеть целый исторический этап», то есть фактически превратиться в высокоразвитую индустриальную державу. Она пример для подражания другим слаборазвитым государствам [Там же, 500], но при этом она все равно остается особой, другой для европейца цивилизацией.

Книга Броделя написана в начале 60-х годов, поэтому и характеристика событий в ней имеет свою историческую окраску. Однако уже в то время Бродель, наряду с оценками русской цивилизации, ясно представлял себе реалистичность исламской цивилизации, рисовал Африку как зарождающуюся новую цивилизацию, «особый культурный мир в стадии становления», прогнозировал возвышение китайской цивилизации, способной стать лидером Третьего мира [Там же, 131, 156, 167, 226]. В Азиатско-тихоокеанском регионе Бродель также усматривает черты особой цивилизационной общности и одновременной оригинальности государств, то есть сочетание единства и фрагментарности [Там же, 262–263]. Таким образом, в своей книге он обрисовал контуры будущего многоцивилизационного мира. Его выводы не бесспорны, но с позиций нашего времени вполне представляются пророческими. Движущей силой, которая способствовала развитию зачатков тех цивилизаций, о которых писал Бродель 60 лет назад, стала именно экономика, причем опирающаяся как на национальную самобытность и независимость, так и на созданные после Второй мировой войны институты глобального управления.

Антропологи Ханн и Харт подчеркивают, что перспективы для развития новой «гуманитарной экономики» больше не могут ассоциироваться только с Западом, «фокус мирового сообщества сегодня, кажется, смещается, несомненно, назад туда, где проживает большая часть населения — в Азию» [Hann, Hart 2011, 174]. Это движение хозяйственной жизни на Восток и ее обогащение национальными и культурными особенностями проживающих в этой части света народов иллюстрируется таким индикатором пространственного развития, как центр экономической гравитации, представляющим собой условную географическую точку, в которой уравниваются ВВП стран мира или иные экономические индикаторы развития. На Рисунке 3 представлено пространственное смещение в период с 1960 по 2022 гг. центра экономической гравитации, рассчитанного на основе годовых значений ВВП 200 стран мира в текущих ценах и долларах США.

Рисунок 3. Смещение географического местоположения центра экономической гравитации с 1960 по 2022 гг.¹²

Как наглядно видно на рисунке, географическое местоположение центра экономической гравитации по ВВП существенно сдвинулось не только на Восток, но и на Юг, что свидетельствует о росте удельного веса стран, прежде всего расположенных в Азии. По прогнозам, данная траектория смещения центра экономической гравитации сохранится еще долгое время. Важным условием для этого станет дальнейшее увеличение к 2040 году удельного веса ВВП стран Азии в глобальном ВВП до 50%, а совокупного потребления в странах Азии — до 40% от мирового уровня¹³. Другой фактор — рост включенности стран Азии в международную торговлю, а также, что крайне важно, рост внутрирегиональных товарных и инвестиционных потоков в этом регионе.

В страновом разрезе смещение центра экономической гравитации определяется развитием целого ряда региональных экономик-цивилизаций. Китай давно признан одним из лидеров цивилизационного развития в Азии. Наряду с ним все больше внимание привлекает развитие индонезийской цивилизации. Страна обладает высокими шансами к 2030 году войти в пятерку крупнейших стран мира по ВВП, рассчитанному по паритету покупательной способности (ППП). Географическая протяженность островной территории Индонезии равна более 5300 км, что равносильно расстоянию от Ирландии до столицы Туркменистана Ашхабада. Значительным потенциалом цивилизационного развития обладает Индия, которая уже занимает третье место в мире по объему ВВП по ППП. Однако при этом развитие азиатских цивилизаций и все большая включенность стран Азии в мировую экономику происходит в достаточно сложном взаимодействии с развитием местных культурных и национальных традиций, сохранением цивилизационной самобытности. Это касается и стран Ближнего Востока (исламской цивилизации), а также Латинской Америки. Некоторые символы западной цивилизации проникают и в эти страны, но зачастую сложно приживаются на иной культурной почве. Это можно проследить на примере индекса Биг Мака, иллюстрирующего паритет покупательной способности различных стран, а также индексов глобализации, рассчитываемых швейцарским институтом KOF (KOF Swiss Economic Institute) (Таблица 1).

¹² Рассчитано автором на основе: GDP (current US\$) // World Bank Data [Электронный ресурс]. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD> (дата обращения: 12.03.2024).

¹³ The Chinese century is well under way // The Economist [Электронный ресурс]. URL: <https://www.economist.com/graphic-detail/2018/10/27/the-chinese-century-is-well-under-way> (дата обращения: 12.03.2024); Asia Future is Now // McKinsey [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mckinsey.com/~media/mckinsey/featured%20insights/asia%20pacific/asias%20future%20is%20now/asias-future-is-now-final.pdf> (дата обращения: 12.03.2024).

Таблица 1. Индекс Биг Мака и индексы глобализации в 2023 г.¹⁴

	Европа	Ближний Восток	Латинская Америка	АТР	Южная Азия
Экономическая глобализация (Э)	73	59,8	54,58	60,68	39,5
Политическая глобализация (П)	73,99	66,3	54,55	49,22	61,34
Социальная глобализация (С), в том числе:	77,69	63,06	68,11	66,2	49,98
<i>межличностная глобализация</i>	<i>74,26</i>	<i>58,58</i>	<i>67,09</i>	<i>60,1</i>	<i>42,38</i>
<i>информационная глобализация</i>	<i>83,62</i>	<i>76,24</i>	<i>78,88</i>	<i>77,06</i>	<i>66,62</i>
<i>культурная глобализация</i>	<i>74,95</i>	<i>53,75</i>	<i>56,28</i>	<i>58,43</i>	<i>40,88</i>
Среднее значение индексов (Э, П, С)	74,89	63,05	59,08	58,70	50,27
Индекс Биг Мака (переоценка (+) или недооценка (-) национальной валюты) (по состоянию на июль 2023 г.)	-28,74	-29,68	-34,19	-43,54	-46,46
Цена Биг Мака в долл. США по текущему курсу национальной валюты (по состоянию на июль 2023 г.)	4,11	4,06	3,8	3,26	3,09

В таблице прослеживается закономерность: чем выше уровень глобализации региона, тем меньше «недооценка» региональных валют по отношению к доллару США и тем выше в этом регионе цена на Биг Мак в долларах по официальному курсу. По данным на июль 2023 г., в самих США цена на Биг Мак составляла 5,77 долл. Если следовать логике представленных данных, то наиболее самобытными регионами и расположенными там странами можно считать Южную Азию (это прежде всего Индия), а также Азиатско-тихоокеанский регион (АТР). Результаты Европы объясняются сохраняющейся самобытностью восточно-европейских стран. В «старых» европейских странах сравнительные цены на Биг Мак, как правило, идентичны, а в ряде случаев выше цены на американском рынке.

Индекс Биг Мака — лишь один количественный индикатор, позволяющий измерить цивилизационные различия стран современного мира. Выявление и конструирование других количественных показателей — задача отдельных исследований. Автор, например, ранее предпринял попытку выявить различия в степени распространения вируса COVID-19 в зависимости от цивилизационной самобытности стран Европы и Латинской Америки [Milovidov 2021]. При этом следует отметить, что сама идея измерения нравственных и культурных различий и их влияния на процессы национального развития имеет глубокие корни, в том числе, что особенно примечательно, в российской научной литературе. Здесь следует вновь обратиться к наследию Ю.Г. Жуковского, который допускал «выражение количественного отношения» нравственных явлений [Жуковский 1909, 105]. В области нравственных знаний, отмечал он, также «велся счет явлениям; существовала статистика и бухгалтерия, и сводились балансы активным и пассивным статьям». Говоря современным языком, уже формировались зачатки количественных методов изучения нравственных и психологических факторов экономического поведения. Именно в неразвитости количественных методов анализа нравственных явлений Жуковский усматривал причины того, что исследователи общественных отношений «не могли иметь ни верной картины общежития, ни настоящей науки об обществе» [Там же, 105].

Современный цивилизационный подход к экономике, то есть подход, предполагающий исследование экономических процессов в тесной увязке с культурными, эмоциональными,

¹⁴ Источник: Our Big Mac index shows how burger prices are changing // The Economist [Электронный ресурс]. URL: <https://www.economist.com/big-mac-index> (дата обращения: 12.03.2024); KOF Globalisation Index // KOF [Электронный ресурс]. URL: <https://kof.ethz.ch/en/forecasts-and-indicators/indicators/kof-globalisation-index.html> (дата обращения: 12.03.2024).

психологическими, нравственными и прочими гуманитарными факторами общественного развития, требует более смелого подхода к количественному анализу, казалось бы, неизмеряемых и нематериальных процессов и явлений. Это важно еще и потому, что все явственнее проступают черты многоцивилизационного мироустройства, в котором тенденции глобализации все больше переплетаются и обогащаются процессами усиления национальной самобытности, в том числе стремлением к упрочению экономического, технологического и политического суверенитета. Чем сложнее система, тем более искусственных методов исследования она требует. Поэтому традиционные рамки прагматичной экономической науки становятся слишком узкими, чтобы найти в этих границах ответы на все актуальные вопросы мирохозяйственного развития.

Выводы

Подводя итог сказанному, следует обозначить методологическую базу последующих исследований, которая формируется благодаря использованию цивилизационного подхода к анализу экономических процессов и экономического развития.

Цивилизационный подход позволяет отказаться от ставшего шаблонным экономизма, основанного на исключительном признании примата материальных факторов общественного развития (марксистский экономизм — примат средств производства, кейнсианский и неоклассический экономизм — примат финансово-инвестиционных факторов и рационального поведения, институциональный экономизм — примат институтов над идеями).

Кроме этого, появляется возможность поставить вопрос о корректности концепции многополярности, которая уже не может во всех деталях описать формирование нового мироустройства. Концепция многополярности при всей ее ценности выстроена в логике иерархичности мироустройства, а цивилизационный подход диктует логику горизонтально распределенного мироустройства, мира как сети.

Цивилизационный подход допускает сотрудничество и конфликт цивилизаций, их объединение, что во многом определяется готовностью представителей прежде всего западной цивилизации признать необходимость постепенного отказа от парадигмы универсальности условий общественного развития в пользу парадигмы самобытности нравов, уникальности экономической структуры и поведения, важности самобытности для экономического развития. Чем будет более выражена такая готовность, в том числе в конкретных действиях, тем вероятнее снижение мировой конфликтности и повышение вероятности сотрудничества цивилизаций.

Наконец, цивилизационный подход дает шанс по-новому оценить процессы глобализации и фрагментации не как антагонистических процессов, а как взаимно обусловленных. Глобализация — это развитие связей между суверенными, уникальными и самобытными цивилизациями с учетом их специфики и интересов. При этом самобытность не является признаком изоляционизма, не противоречит открытости и интеграции в мирохозяйственные связи.

Список литературы:

- Аникин А.В. Муза и мамона. Социально-экономические мотивы у Пушкина. М.: Мысль, 1989.
- Бродель Ф. Грамматика цивилизаций. М.: Весь мир, 2014.
- Бутовский А.И. Опыт о народном богатстве или о началах политической экономии. СПб.: Типография Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1847. Т. 1.
- Жуковский Ю.Г. XIX век и его нравственная культура. СПб.: Типография В.О. Киршбаума, 1909.
- Канкрин Е.Ф. Очерки политической экономии и финансии. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1894.

- Кулишер И.М. Очерки финансовой науки. Петроград: Книгоиздательство «Наука и Школа», 1919.
- Миловидов В.Д. Философия финансового рынка. М.: Магистр, 2013.
- Миловидов В.Д. К истокам гуманитарной экономики // *Мировая экономика и международные отношения*. 2013. № 7. С. 3–11.
- Миловидов В.Д. Подсознательные финансы: все ли на финансовом рынке определяет сознание? // *Мировая экономика и международные отношения*. 2014. № 1. С. 32–41.
- Мордвинов Н.С. Рассуждения о могущих последовать пользах от учреждения частных по губерниям банков. СПб.: Тип. Императорского воспитательного дома, 1816.
- Никонов В.А. Российская цивилизация. М.: Просвещение, 2021.
- Шторх А. Курс политической экономии, или изложение начал, обуславливающих народное благосостояние. Размышления о природе национального дохода. М.: Издательский дом «Экономическая газета», 2008.
- Янжул И.И. Основные начала финансовой науки: Учение о государственных доходах. СПб.: Типография И. Стасюлевича, 1895.
- Goldsmith R.W. *Premodern Financial Systems. A Historical Comparative Study*. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.
- Hadas E. *Human Goods and Economic Evil. A Moral Approach to Dismal Science*. Wilmington: ISI Books, 2007.
- Hann C., Hart K. *Economic Anthropology. History, Ethnography, Critique*. Cambridge: Polity Press, 2011.
- Milovidov V. *Pandemic in the Network Society: Network Readiness Increases Population Vulnerability to COVID-19 in Less Developed Countries* // *Acta Oeconomica*. 2021. Vol. 71. Is. S1. P. 187–203.
- Sedlacek T. *Economics of Good and Evil. The Quest for Economic Meaning from Gilgamesh to Wall Street*. Oxford: Oxford University Press, 2011.
- Smith V. *Humanomics. Moral Sentiments and the Wealth of Nations for The Twenty-First Century*. Cambridge: Cambridge University Press, 2019.

References:

- Anikin A.V. (1989) *Muza i mamona. Sotsial'no-ekonomicheskiye motivy u Pushkina* [Muse and Mammon. Pushkin's socio-economic motives]. Moscow: Mysl'.
- Braudel F. (2014) *Grammaire des civilisations*. Moscow: Ves' mir.
- Butovskiy A.I. (1847) *Opyt o narodnom bogatstve ili o nachalakh politicheskoy ekonomii* [An experience of popular wealth or the beginnings of political economy]. Saint Petersburg: Tipografiya Vtorogo Otdeleniya Sobstvennoy E.I.V. Kantselyarii. Vol. 1.
- Goldsmith R.W. (1987) *Premodern Financial Systems. A Historical Comparative Study*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Hadas E. (2007) *Human Goods and Economic Evil. A Moral Approach to Dismal Science*. Wilmington: ISI Books.
- Hann C., Hart K. (2011) *Economic Anthropology. History, Ethnography, Critique*. Cambridge: Polity Press.
- Kankrin E.F. (1894) *Ocherki politicheskoy ekonomii i finansii* [Essays on political economy and finance]. Saint Petersburg: Tip. Imperatorskoy Akademii nauk.
- Kulisher I.M. (1919) *Ocherki finansovoy nauki* [Essays in financial science]. Petrograd: Knigoizdatel'stvo "Nauka i Shkola".
- Milovidov V. (2021) *Pandemic in the Network Society: Network Readiness Increases Population Vulnerability to COVID-19 in Less Developed Countries*. *Acta Oeconomica*. Vol. 71. Is. S1. P. 187–203.

- Milovidov V.D. (2013a) *Filosofiya finansovogo rynka* [The financial market's philosophy] Moscow: Magistr.
- Milovidov V.D. (2013b) To Origins of "Humanitarian Economy". *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya*. No. 7. P. 3–11.
- Milovidov V.D. (2014) The Finance Unconscious: Is Everything in the Financial Market Driven by Consciousness? *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya*. No. 1. P. 32–41.
- Mordvinov N.S. (1816) *Rassuzhdeniya o mogushchikh posledovat' pol'zakh ot uchrezhdeniya chastnykh po guberniyam bankov* [Considerations on possible benefits from the establishment of private banks in the provinces]. Saint Petersburg: Tip. Imperatorskogo vospitatel'nogo doma.
- Nikonov V.A. (2021) *Rossiyskaya tsivilizatsiya* [Russian civilization]. Moscow: Prosveshhenie.
- Sedlacek T. (2011) *Economics of Good and Evil. The Quest for Economic Meaning from Gilgamesh to Wall Street*. Oxford: Oxford University Press.
- Smith V. (2019) *Humanomics. Moral Sentiments and the Wealth of Nations for The Twenty-First Century*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Storch A. (2008) *Kurs politicheskoy ekonomii, ili izlozheniye nachal, obuslovlivayushchikh narodnoye blagosostoyaniye. Razmyshleniya o prirode natsional'nogo dokhoda* [A course of political economy, or an exposition of the principles which condition the national welfare. Reflections on the nature of national income]. Moscow: Izdatel'skiy dom "Ekonomicheskaya gazeta".
- Yanzhul I.I. (1895). *Osnovnyye nachala finansovoy nauki: Ucheniye o gosudarstvennykh dokhodakh* [Basic beginnings of financial science: The doctrine of public revenues]. Saint Petersburg: Tipografiya I. Stasyulevicha.
- Zhukovskiy Yu.G. (1909) *XIX vek i ego npravstvennaya kul'tura* [The nineteenth century and its moral culture]. Saint Petersburg: Tipografiya V.O. Kirshbauma.

Дата поступления/Received: 15.03.2024

Цивилизационная идентичность в повестке политики идентичности: меняющийся миропорядок и российские приоритеты

Семененко Ирина Станиславовна

Доктор политических наук, член-корреспондент РАН, заместитель директора по научной работе ИМЭМО РАН, руководитель Центра сравнительных социально-экономических и политических исследований ИМЭМО РАН, SPIN-код РИНЦ: [3955-8000](https://elibrary.ru/author_index.aspx?author_id=3955-8000), ORCID: [0000-0003-2529-9283](https://orcid.org/0000-0003-2529-9283), semenenko@imemo.ru

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН (ИМЭМО РАН), Москва, РФ.

Аннотация

В статье обозначены контуры современного поля идентитарных исследований в политической науке и место цивилизационной идентичности в понятийном ряду, описывающем динамику политической идентичности и политического целеполагания в условиях системных изменений в структуре современного миропорядка. Рассмотрено понятие цивилизационной идентичности, обосновано ее определение как наиболее общей идентитарной составляющей в системе координат «личность — общество — государство — культура», которая надстраивается над всеми другими социальными идентичностями. Оценивается значение цивилизационной идентичности как нематериального неисчерпаемого ресурса общественного развития и в контексте формирования дискурсивной силы государства. Представлены основные направления политики идентичности в ее содержательной трактовке как деятельности государства и других субъектов политического процесса по формированию макрополитических идентичностей — основы для обеспечения социальной консолидации общества и продвижения приоритетов политики развития. В результате обоснована потребность в сопряжении культурных традиций и социальных инноваций в контексте политики развития. В России есть давние традиции цивилизационного дискурса, который выстраивается вокруг осмысления исторического места страны в христианском мире и в диалоге культур и цивилизаций, с учетом социального и культурного опыта, связанного с ключевой ролью государства. Методология анализа опирается на идентитарный подход, который включает изучение динамики идентичности как комплекса представлений о соотносительности человека с разными измерениями социальной реальности, в том числе с политикой и политическим, и оценку влияния на общественные процессы субъективного восприятия реальности, отражаемого в структуре индивидуальных и групповых идентичностей.

Ключевые слова

Идентичность, цивилизация, цивилизационная идентичность, политика идентичности, дискурсивная сила, политика развития, ресурсы развития, идентитарные исследования.

Для цитирования

Семененко И.С. Цивилизационная идентичность в повестке политики идентичности: меняющийся миропорядок и российские приоритеты // Государственное управление. Электронный вестник. 2024. № 104(S). С. 79–87. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-104(S)-2024-79-87

Civilizational Identity and the Identity Politics Agenda: Russian Priorities in a Transforming World Order

Irina S. Semenenko

DSc (Politics), Corresponding member of Russian Academy of Sciences, Deputy Director for Scientific Work of IMEMO RAS, Head of the Center for Comparative Socio-Economic and Political Studies of IMEMO RAS, ORCID: [0000-0003-2529-9283](https://orcid.org/0000-0003-2529-9283), semenenko@imemo.ru

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

Abstract

The author offers a brief overview of the field of identity studies in political research with a focus on the significance of civilizational identity as a key concept relevant for evaluating the dynamics of political identity and the priorities of political agenda setting in a radically transforming world. The paper outlines a conceptual framework for understanding civilizational identity and assesses its role in forming the discursive power of the state and in promoting a development policy agenda. This agenda is activated by identity politics promoted by the state and other political actors to construct and uphold an array of politically significant identities which are important for social cohesion and for implementing national development goals. Correlating tradition and innovation in the social sphere is an important priority for consistent development policies. Russia has longstanding traditions of promoting a civilizational discourse reflecting her place in the Christian world and in the dialogue of cultures and civilizations, with a focus on the pivotal role of the state in social development. The research methodology is based on approaches developed in the field of identity studies. These include both the assessment of identity transformations as changing notions of the self in relation to politics in a fluid social and political environment and the implications these perceptions of societal realities have for current social policies and for promoting political change.

Keywords

Identity, civilization, civilizational identity, identity politics, discursive power, development policies, resources for development, identity studies.

For citation

Seenenko I.S. (2024) Civilizational Identity and the Identity Politics Agenda: Russian Priorities in a Transforming World Order. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 104(S). P. 79–87. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-104(S)-2024-79-87

Введение

На цивилизационное измерение общественного развития плодотворно взглянуть сквозь идентитарную «оптику», так как идентичность является центральным опорным понятием в цивилизационном дискурсе.

Тематика идентичности стала в последние годы мейнстримом и в общественных науках, и в публичной политике. В российской политической науке сложилось направление идентитарных исследований, рассматривающих идентичность как ресурс общественного развития [Политическая идентичность и политика идентичности 2011–2012; Идентичность: личность, общество, политика 2017; Идентичность: личность, общество, политика 2023]. В современном зарубежном научном поле в контексте концептуализации идентичности преимущественное внимание уделяется комплексному, «интегративному» подходу к структурированию исследовательского поля, без выделения политического измерения [Handbook of Identity Theory and Research 2012]. При этом в западной политической науке доминирует сугубо конструктивистская «оптика», в которую цивилизационная идентичность не вписывается.

Еще несколько лет назад в поле политических исследований спорили, и порой довольно ожесточенно, о значении самого понятия идентичности и возможностях его операционализации [Малахов 1998; Brubaker, Cooper 2000]. В ряду причин такого неприятия исследователи отмечают отсутствие в политической науке общего дискурса идентичности. При этом все чаще «разработка концепта идентичности осуществляется в поле состязательной политики. Она выходит за пределы академических изысканий в сферу публичной политики, повестка дня и инструменты которой тоже переживают радикальную трансформацию» [Фадеева 2017, 75].

Идентитарное измерение воспринимается сегодня как важное и даже ключевое для понимания социально-политических изменений и для разработки приоритетов политики развития. Это связано со стремлением тех, кто занимается анализом социально-политических изменений, осмыслить ценностный выбор и механизмы формирования мотиваций субъектов политики и прогнозировать долговременные тренды общественного развития, основанные на понимании таких мотиваций и ценностных предпочтений. Вторая причина, непосредственно связанная с текущими политическими трансформациями, — кризис, вызванный размыванием той модели государства-нации, которая сложилась в поствестфальском мире и на которую и политики, и эксперты привыкли ориентироваться как на устойчивую, неизменную политическую реалию и неоспоримую единицу политического анализа. Под идентичностью в этом контексте до сих пор по умолчанию понималась идентичность национальная, но происходящие политико-институциональные трансформации и новые глобальные вызовы раздвигают границы дискуссий о том, кто и какие мы и кто для нас «другой» или «чужой». Государства проецируют в публичное пространство ценностно-политические проекты, которые выходят за рамки национального. Борьба за смыслы развития, вокруг которых выстраиваются политически значимые идентичности, стала очень заметной составляющей в конкуренции и противостоянии мировых и региональных центров силы.

В научном, политическом и медийном дискурсе экспоненциально растет внимание к цивилизационной идентичности. В ИМЭМО РАН также занимаются этой проблематикой. В новой монографии «Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля», подготовленной большим авторским коллективом с участием ученых из ведущих исследовательских центров России [Идентичность: личность общество, политика 2023], анализ цивилизационной идентичности занимает ключевое место. Она определяется как «отождествление или соотнесение индивида, социальной группы, этнического сообщества, нации с той или иной

локальной цивилизацией — устойчиво существующей длительное время на определенной территории наднациональной общностью людей и государств, которая сохраняет и воспроизводит свою целостность и свои особые, отличающиеся от других цивилизаций культурные нормы, религиозные и иные культурные ценности, в том числе повседневные традиции и социальные практики» [Пантин 2023а, 303]. Цивилизационная идентичность — это наиболее общая идентитарная составляющая в системе координат «личность — общество — государство — культура», которая надстраивается над всеми другими социальными идентичностями. Человеку зачастую непросто напрямую соотноситься с ней на личностном уровне, поскольку такая соотнесенность требует определенного уровня абстракции в мышлении, дистанцирования от текущих политических предпочтений и привычных социальных установок.

В российской традиции государство всегда играло в разработке координат и ориентиров общественного развития системообразующую роль, поэтому приоритетом был и остается анализ роли государства в установлении и реализации этой повестки, в том числе с учетом цивилизационных факторов формирования государственной политики [Государственная политика в контексте глобальных вызовов современности 2020]. Потребность в сочетании в политике развития социальных инноваций и культурных (в широком понимании) традиций [Семененко 2023; Морозова, Мирошниченко 2023; Ломанов 2023а] актуализирует дискуссию о политическом развитии и политике развития, что раздвигает рамки модернизационной парадигмы, сложившейся в социальных науках во второй половине прошлого века в условиях становления государственности в постколониальном мире [The Oxford Handbook of the Politics of Development 2018].

Плодотворно в этом контексте подумать над концептуализацией понятия и анализом механизмов политики развития с учетом цивилизационных ориентиров: как формировать такую повестку политики развития, чтобы ее приоритеты были приняты обществом как «свои», значимые для конкретного человека, для его будущего и будущего его семьи, для поддержания значимых для личности социальных связей. Так, например, устойчивое развитие — это всем известная и глубоко укорененная в публичной дискуссии формула, но не следует ли пересмотреть «оптику» в пользу развития «с иными прилагательными», взглянуть на проблему с точки зрения оптимизации ресурсов развития? Например, через призму «ответственного развития», при котором во главу угла ставится обращение к «интеллектуальным, возобновляемым ресурсам и опора на нематериальные стимулы жизнедеятельности человека...», продвижение «нематериальной мотивации жизнедеятельности как общественно признанной ценности» [Семененко 2019, 15–16].

Политика идентичности в условиях меняющегося миропорядка

К упомянутым выше нематериальным стимулам относится в первую очередь идентичность. Опора на локальную идентичность является возобновляемым ресурсом развития территорий; для России это важнейший приоритет политики развития. На укрепление гражданской солидарности на уровне территорий влияют, согласно результатам сравнительного анализа общественного климата нескольких регионов Юга России, ряд факторов, в числе которых «институциональный, ценностный, внешние вызовы и угрозы, мобилизационный потенциал жителей территории, форматы взаимодействия в сложившейся поселенческой структуре, фактор лидерства» [Русия, Ракачев 2023, 85]. Эти факторы задают приоритеты политики идентичности на локальном уровне и определяют эффективность политики развития, которая напрямую зависит от состояния гражданской солидарности.

Рассматривая политику идентичности как одно из направлений политики развития, стоит иметь в виду, что она отнюдь не сводится, как принято трактовать в западном публичном и научном дискурсах, к политике по агрессивному продвижению прав меньшинств, их абсолютизации

за счет интересов большинства и продвижения соответствующих политкорректных социальных практик [Routledge Handbook of Identity Studies 2014, 273–36]. На такую трактовку опирается широко известная книга Ф. Фукуямы, обозначившая рубеж в публичной дискуссии о политике идентичности и ее неоднозначных политико-психологических последствиях, так называемом ресентименте [Fukuyama 2018].

В современных обществах политика идентичности охватывает деятельность государства и его институтов во взаимодействии с другими субъектами политического процесса по формированию и поддержанию макрополитических идентичностей: национальной, государственно-гражданской, политической, которые во многом черпают из цивилизационной идентичности как социокультурной, ценностной основы суверенитета государства. В рамках такой политики (которая является реальностью для любого государства, признается это публично политическими элитами или нет) можно выделить несколько измерений. Это политика исторической памяти, языковая политика, символическая политика — и все они концентрируются в сфере образования. Образование как ресурс является в этом контексте полем для реализации целенаправленной политики идентичности. При этом ориентиры такой политики, безусловно, различаются, и такие различия связаны с политической культурой, опытом национального и государственного строительства, характером исторической памяти и современным позиционированием государства в контексте стремительно меняющегося миропорядка.

Цивилизационная идентичность становится основой и стержнем дискурсивной силы государства — стратегий и механизмов продвижения идейных установок и стоящих за ними интересов в пространство политических коммуникаций. Неслучайно ряд исследователей разрабатывают и используют в научном анализе концепт государства-цивилизации или цивилизационного государства [Zhang 2012; Наумкин 2020]. Этот концепт перечеркивает то противопоставление гражданского/этнического национализма, к которому на Западе было до сих пор принято сводить модели нациестроительства [Blackburn 2022, 473]. Он связывает политику государства и цивилизационную идентичность, причем последняя оказывается важным нематериальным ресурсом государственной политики и источником его дискурсивной силы.

Приоритеты развития, определяющие ее позитивное смысловое наполнение, закладывают основания для социальной консолидации общества и продвигаются вовне, в международно-политическое пространство. Речь идет об использовании транслируемых в публичном пространстве смыслов, принимаемых в качестве культурной нормы, как ресурса упрочения международно-политического влияния, что особенно актуально в условиях радикальных трансформаций в структуре миропорядка. Так, идея «сообщества единой судьбы человечества» определяет горизонты актуального ценностно-политического проекта, которое активно продвигает сегодня на международной арене Китай, используя его для наращивания своей дискурсивной силы. Потому что эта идея привлекательна для носителей разных идейных убеждений, не вызывает идеологического отторжения, ориентирует на поиски позитивных ответов на глобальные вызовы и используется в качестве визитной карточки наряду с экономическим проектом «Пояса и пути» для наращивания присутствия в международно-политическом пространстве. Этот дискурс развивается сегодня в трех направлениях: Китай в лице своего высшего руководителя выдвинул «три глобальные инициативы, которые касаются проблем развития, безопасности и цивилизационного взаимодействия... Китайские инициативы адресованы в первую очередь развивающимся странам и растущим экономикам» [Ломанов 2023b, 17]. В цивилизационном измерении продвигается идея многообразия цивилизаций и потребности в развитии взаимодействия между ними на путях «диалога цивилизаций». Это, безусловно, не новая идея, но в ней есть очень привлекательные

для незападных обществ проекции, например апелляция к ценности культуры каждой страны и каждого общества и «содействие творческому преобразованию и инновационному развитию» традиционных культур в процессе модернизации [Там же, 18].

Сопряжение в политике развития культурных традиций и социальных инноваций в разных ситуативных сочетаниях определяет вектор развития современных обществ, если отойти от укорененной в западоцентричном поле универсалистской (догоняющей Запад) трактовки развития как движения в русле одной, продвигаемой в рамках западного опыта модели. В рамках этой универсалистской модели «ресурсы цивилизационной (в традиционном понимании) природы используются лишь в их символическом отображении, а социальные механизмы, соответствующие нюансам цивилизационного своеобразия отдельных западных стран, последовательно демонтируются» [Лапкин 2012, 35]. Такой подход в принципе неприемлем для тех, кто выбирает иные модели развития. Они могут выстраиваться на ресурсах культурно-цивилизационной консолидации общества как механизме компенсации «недоформированности» национального государства [Там же, 36], но также и как на источнике формирования альтернативной модели с идентитарной опорой. Это позволит противостоять и экспансии универсалистского модернизма, и радикального антимодернизма — угрозам, с которыми сталкивается Россия и другие идущие в русле национально-цивилизационного развития страны [Пантин 2023b, 267–268].

Такая аналитическая «оптика» актуализирует стоящие перед современной политической наукой вызовы, связанные с потребностью системного включения субъективного измерения политики в политический анализ и разработки соответствующих методологических инструментов интеграции политико-институционального, культурно-цивилизационного и идентитарного подходов.

Важный фактор формирования образа будущего и продвижения приоритетов политики развития — стремление к осмыслению исторического пути государства и общества и достижению на этом поле широкого общественного консенсуса. Уместно в этом контексте вспомнить письмо А.С. Пушкина П.Я. Чаадаеву 1836 года, в котором поэт, как известно, написал, что не променял бы свое Отечество ни на какое другое. Обосновывая свое несогласие с Чаадаевым в понимании путей России, Пушкин отмечает, что «у нас было свое собственное призвание» (буквально так: «...nous avons eu notre mission à nous»)¹. Письмо написано по-французски, и в разных академических изданиях дается разный перевод: в одном речь о призвании, в другом — о предназначении. Во французском же оригинале речь идет о миссии. Далее Пушкин указывает на то, что это Россия с ее громадными пространствами «поглотила монгольское нашествие, татары удалились в свои пустыни, и христианская цивилизация была спасена, но для этого нам пришлось жить совершенно особой жизнью, которая, оставив нас христианами, сделала нас, однако, совсем чужими христианскому миру, так что наше мученичество избавило от всякой помехи энергичное развитие католической Европы»². Как известно, на основе осмысления причин и оценки следствий исторического пути формируется образ будущего. При этом актуальными для российского общества задачами остаются осмысление разрывов и осознание преемственности исторического пути страны, поддержание и укрепление общего социокультурного пространства, целенаправленная и системная работа по уменьшению диспропорций в развитии территорий.

В современной Европе наследие христианской цивилизации, о которой пишет поэт, вытесняют иные, чуждые ей идеи и приоритеты; «несмотря на теоретическое и интеллектуальное банкротство неолиберальной глобалистской парадигмы, ее идейные послы по-прежнему

¹ Пушкин А.С. Письмо к П.Я. Чаадаеву // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в 6-ти т. Т. 5. Письма 1815–1837. М.: Academia, 1936. С. 431.

² Там же. С. 431–432.

доминируют и легитимируют политические стратегии, пытаясь диктовать образцы и модели развития. Соответственно, остро встают вопросы о том, чем можно заменить институциональную и идейную монополию нормативного глобального проекта неолиберального толка и какими могут быть его новые параметры... Контуры новой картины мира, основанной на признании равноположенности путей развития стран и регионов, стимулируют рождение нового политического нарратива, перетекающего в реальную политику» [Мчедлова 2023, 165–166]. В центре этого нарратива и оказывается идентичность в ее цивилизационном измерении.

В политической науке давно обозначилось разделение на тех, кто принимает цивилизационный дискурс, и тех, кто его отторгает в принципе. В практической политике он зачастую подменяется цивилизаторскими установками, на таких установках после распада колониальных империй по инерции выстраивались отношения бывшего имперского центра с бывшими колониями. Сегодня такая система отношений пересматривается, имперское прошлое и постимперское наследие представлены в школьных программах, в новых музейных пространствах, в современном искусстве в формате «параллельных историй» народов колоний и метрополии. Однако западный цивилизационный опыт по-прежнему ориентирует на универсальность своей модели развития (и, соответственно, аналитических подходов к осмыслению развития).

В пространствах постимперских миров — франкофонии и лузифонии, испаноязычного мира, англосферы — актуализируются противостояния в оценках исторического опыта колониального периода, разворачивается борьба за возмещение нанесенного колонизаторами ущерба, вплоть до возвращения превращенных в музейные экспонаты сакральных предметов и останков. Постколониальный дискурс стал одним из приоритетных направлений в поле современных идентитарных исследований [Прохоренко 2023], в этом контексте появляются альтернативные аналитические подходы, меняется политическая картина мира тех, кто соотносит себя с альтернативным видением прошлого, пересматриваются мировоззренческие установки.

Заключение

Для тех, кто выстраивает систему политических координат, исходя не из «цивилизаторского», а именно из цивилизационного и даже национально-цивилизационного подхода (национально-цивилизационная идентичность выстраивается на такой системе координат, которая опирается на образ страны — носителя цивилизационных ориентиров, объединяющих ее граждан), есть потребность в новых позитивных смыслах. Изучение ключевых направлений зарубежного научного дискурса выявило, что тональность и в публичной дискуссии, и в медийном, и в научном поле задают в том числе целый ряд ярких метафор, которые «образуют новое смысловое пространство в “зазоре” между образами и понятиями и отражают новые динамические смыслы», но при этом все эти смыслы «имеют стойкую негативную коннотацию» [Идентичность: личность общество, политика 2023, 370]. Это перманентный кризис («пермакризис» — «слово 2020 года» по версии Оксфордского словаря), балканизация, культура отмены, культурная война, войны памяти, постправда и подобные. Только одна имеющая широкое хождение метафора — постсовременность — претендует на относительную смысловую нейтральность, но за ней появляются ориентированный на технологические инновации «постчеловек» и интеллектуальные системы, именуемые «искусственной личностью». Так что нейтральный подход в условиях радикального пересмотра культурной нормы оказывается принципиально невозможным. Тем более что все перечисленные метафоры указывают на рост политической конфликтности в условиях пересмотра основ современного политического миропорядка.

Поэтому актуальной оказывается потребность в формировании позитивных смыслов

на основе цивилизационного подхода. Цивилизационные ориентиры, опирающиеся на культурные (в широком смысле) традиции, на преемственность духовного опыта и ценностного выбора в сочетании с активной социальной деятельностью в интересах развития, открывают перспективные горизонты для личности, ее духовного делания. Реализация этой потребности — задача, стоящая перед исследовательским сообществом России. Это серьезный научный вызов, сверхактуальный и заключающийся в том, чтобы «осмыслить российский опыт общественного развития в его парадигмальном качестве и сделать публичным достоянием те уникальные его характеристики, которые обладают общезначимым потенциалом» [Идентичность: личность общество, политика 2023, 433]. Возможно, это поможет нам «расколдовать» новый полицентричный и многоцивилизационный миропорядок, тенденции которого мы изучаем и стремимся прогнозировать, но который пока еще не обрел четких очертаний. Поиски плодотворно вести в поле изучения динамики идентичности и тех сдвигов в массовом и индивидуальном сознании, в представлениях о прошлом, в понимании настоящего и в осмыслении образа будущего, которые описываются этим многозначным и емким концептом.

Список литературы:

Государственная политика в контексте глобальных вызовов современности / под ред. В.И. Якунина. М.: Издательство Московского университета, 2021.

Идентичность: личность, общество политика. Энциклопедическое издание / отв. ред. И.С. Семененко. М.: Издательство «Весь Мир», 2017.

Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля / отв. ред. И.С. Семененко. М.: Издательство «Весь Мир», 2023.

Лапкин В.В. Политические изменения в глобальном мире и динамика идентичности // Политическая идентичность и политика идентичности. В 2-х т. Т. 2. Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке. / отв. ред. И.С. Семененко. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. С. 16–41.

Ломанов А.В. Инновация и традиция в трактовке демократии в современной идеологии КПК // Полис. Политические исследования. 2023а. № 5. С. 88–105. DOI: [10.17976/jpps/2023.05.06](https://doi.org/10.17976/jpps/2023.05.06)

Ломанов А.В. Адаптация Китая к новой реальности // Новая реальность индо-тихоокеанского пространства / под общей ред. В.В. Михеева. М.: ИМЭМО РАН, 2023б. С. 17–30.

Малахов В.С. Неудобства с идентичностью // Вопросы философии. 1998. № 2. С. 43–53.

Морозова Е.В., Мирошниченко И.В. Традиции и инновации в политике развития сельских территорий России: потенциал казачества // Полис. Политические исследования. 2023. № 5. С. 66–87. DOI: [10.17976/jpps/2023.05.05](https://doi.org/10.17976/jpps/2023.05.05)

Мчедлова М.М. Цивилизационные нарративы в политическом дискурсе: ценности и смыслы // Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля / отв. ред. И.С. Семененко. М.: Издательство «Весь Мир», 2023. С. 165–174.

Наумкин В.В. Модель не-Запада: существует ли государство-цивилизация? // Полис. Политические исследования. 2020. № 4. С. 78–93. DOI: [10.17976/jpps/2020.04.06](https://doi.org/10.17976/jpps/2020.04.06)

Пантин В.И. Цивилизационная идентичность // Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля / отв. ред. И.С. Семененко. М.: Издательство «Весь Мир», 2023а. С. 302–309.

Пантин В.И. Циклы и волны истории. Природа, человек, общество, культура. М.: Политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2023б.

Политическая идентичность и политика идентичности. В 2-х т. Т. 1. Словарь терминов и понятий. Т. 2.

- Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке / отв. ред. И.С. Семененко. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011–2012.
- Прохоренко И.Л. Идентичность в постколониальном дискурсе // Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля / отв. ред. И.С. Семененко. М.: Издательство «Весь Мир», 2023. С. 119–128.
- Русия Н.Т., Ракачев Д.Н. Состояние гражданской солидарности городских и сельских территорий Юга России // Журнал политических исследований. 2023. Т. 7. № 4. С. 72–87. DOI: [10.12737/2587-6295-2023-7-4-72-87](https://doi.org/10.12737/2587-6295-2023-7-4-72-87)
- Семененко И.С. Горизонты ответственного развития: от научного дискурса к политическому управлению // Полис. Политические исследования. 2019. № 3. С. 7–26. DOI: [10.17976/jpps/2019.03.02](https://doi.org/10.17976/jpps/2019.03.02)
- Семененко И.С. Традиции и инновации в политическом развитии // Полис. Политические исследования. 2023. № 5. С. 45–65. DOI: [10.17976/jpps/2023.05.04](https://doi.org/10.17976/jpps/2023.05.04)
- Фадеева Л.А. Идентичность как «состязательный концепт» в проблемном поле политологии // Идентичность: личность, общество политика. Энциклопедическое издание / отв. ред. И.С. Семененко. М.: «Весь Мир», 2017. С. 70–76.
- Blackburn M. The Persistence of the Civic-Ethnic Binary: Competing Visions of the Nation and Civilization in Western, Central and Eastern Europe // *National Identities*. 2022. Vol. 24. Is. 5. P. 461–480. DOI: [10.1080/14608944.2021.2006169](https://doi.org/10.1080/14608944.2021.2006169)
- Brubaker R., Cooper F. Beyond “Identity” // *Theory and Society*. 2000. Vol. 29. Is. 1. P. 1–47.
- Fukuyama F. *Identity: The Demand for Dignity and the Politics of Resentment*. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2018.
- Handbook of Identity Theory and Research. Vol. 1. Structures and Processes. Vol. 2. Domains and Categories / ed. by S. Schwartz, K. Luyckx, V. Vignoles. New York: Springer, 2011.
- Routledge Handbook of Identity Studies / ed. by A. Elliott. Abingdon, Oxon, New York: Routledge, 2014.
- The Oxford Handbook of the Politics of Development / ed. by C. Lancaster, N. Van de Walle. Oxford: Oxford University Press, 2018.
- Zhang W. *The China Wave: Rise of Civilizational State*. Hackensack, NJ: World Century Publishing Corporation, 2012.

References:

- Blackburn M. (2022) The Persistence of the Civic-Ethnic Binary: Competing Visions of the Nation and Civilization in Western, Central and Eastern Europe. *National Identities*. Vol. 24. Is. 5. P. 461–480. DOI: [10.1080/14608944.2021.2006169](https://doi.org/10.1080/14608944.2021.2006169)
- Brubaker R., Cooper F. (2000) Beyond “Identity”. *Theory and Society*. Vol. 29. Is. 1. P. 1–47.
- Elliott A. (ed.) (2014) *Routledge Handbook of Identity Studies*. Abingdon, Oxon, New York: Routledge.
- Fadeeva L.A. (2017) Identichnost' kak «sostyazatel'nyy kontsept» v problemnom pole politologii [Identity as a competitive concept in political science]. In: Semenenko I.S. (ed.) *Identichnost': lichnost', obshchestvo, politika*. Moscow: “Ves' Mir”. P. 70–76.
- Fukuyama F. (2018) *Identity: The Demand for Dignity and the Politics of Resentment*. New York: Farrar, Straus and Giroux.
- Lancaster C., Van de Walle N. (eds.) (2018) *The Oxford Handbook of the Politics of Development*. Oxford: Oxford University Press.
- Lapkin V.V. (2012) Politicheskie izmeneniya v global'nom mire i dinamika identichnosti [Political changes in a global world and identity dynamics]. In: Semenenko I.S. (ed.) *Politicheskaya identichnost' i politika identichnosti. V 2-kh t. T. 2. Identichnost' i sotsial'no-politicheskiye izmeneniya v XXI veke*. Moscow: ROSSPEN.

- Lomanov A.V. (2023a) Innovation and Tradition in the Interpretation of Democracy in the Modern CCP Ideology. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. No. 5. P. 88–105. DOI: [10.17976/jpps/2023.05.06](https://doi.org/10.17976/jpps/2023.05.06)
- Lomanov A.V. (2023b) Adaptatsiya Kitaya k novoy real'nosti [China adapting to new realities]. In: Mikheyev V.V. (ed.) *Novaya real'nost' indo-tikhookeanskogo prostranstva*. Moscow: IMEMO RAN.
- Malakhov V.S. (1998) Neudobstva s identichnost'yu [Inconvenience with identity]. *Voprosy filosofii*. No. 2. P. 43–53.
- Mchedlova M.M. (2023) Tsivilizatsionnyye narrativy v politicheskom diskurse: tsennosti i smysly [Civilizational narratives in political discourse: Values and meanings]. In: Semenenko I.S. (ed.) *Identichnost': lichnost', obshchestvo, politika. Novyye kontury issledovatel'skogo polya*. Moscow: "Ves' Mir". P. 165–174.
- Morozova E.V., Miroshnichenko I.V. (2023) Traditions and Innovations in Development Policy of Rural Territories in Russia: The Potential of Cossacks. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. No. 5. P. 66–87. DOI: [10.17976/jpps/2023.05.05](https://doi.org/10.17976/jpps/2023.05.05)
- Naumkin V.V. (2020) Non-Western Model: Does the Civilization-State Exist? *Polis. Politicheskiye Issledovaniya*, No. 4. P. 78–93. DOI: [10.17976/jpps/2020.04.06](https://doi.org/10.17976/jpps/2020.04.06)
- Pantin V.I. (2023a) Tsivilizatsionnaya identichnost' [Civilizational identity]. In: Semenenko I.S. (ed.) *Identichnost': lichnost', obshchestvo, politika. Novyye kontury issledovatel'skogo polya*. Moscow: "Ves' Mir". P. 302–309.
- Pantin V.I. (2023b). Tsikly i volny istorii. Priroda, chelovek, obshchestvo, kul'tura [Cycles and waves in history: Nature, man, society, culture]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN).
- Prohorenko I.L. (2023) Identichnost' v postkolonial'nom diskurse [Identity in the post-colonial discourse]. In: Semenenko I.S. (ed.) *Identichnost': lichnost', obshchestvo, politika. Novyye kontury issledovatel'skogo polya*. Moscow: "Ves' Mir". P. 119–128.
- Rusiya N.T., Rakachev D.N. (2023) The State of Civic Solidarity in Urban and Rural Territories of the Russian South. *Zhurnal politicheskikh issledovaniy*. Vol. 7. No. 4. P. 72–87. DOI: [10.12737/2587-6295-2023-7-4-72-87](https://doi.org/10.12737/2587-6295-2023-7-4-72-87)
- Schwartz S., Luyckx K., Vignoles V. (eds.) (2011) *Handbook of Identity Theory and Research. Vol. 1. Structures and Processes. Vol. 2. Domains and Categories*. New York: Springer.
- Semenenko I.S. (ed.) (2011–2012) *Politicheskaya identichnost' i politika identichnosti. V 2-kh t. T. 1. Slovar' terminov i ponyatiy. T. 2. Identichnost' i sotsial'no-politicheskiye izmeneniya v XXI veke* [Political identity and identity politics. In 2 vols. Vol. 1. Glossary of terms. Vol. 2. Identity and social and political transformations in the XXI century]. Moscow: ROSSPEN.
- Semenenko I.S. (ed.) (2017) *Identichnost': lichnost', obshchestvo, politika* [Identity: The individual, society, and politics]. Moscow: "Ves' Mir".
- Semenenko I.S. (2019) Horizons of Responsible Development: From Discourse to Governance. *Polis. Politicheskiye Issledovaniya*, No. 3. P. 7–26. DOI: [10.17976/jpps/2019.03.02](https://doi.org/10.17976/jpps/2019.03.02)
- Semenenko I.S. (ed.) (2023) *Identichnost': lichnost', obshchestvo, politika. Novyye kontury issledovatel'skogo polya* [Identity: The individual, society, and politics. New Outlines of the research field]. Moscow: "Ves' Mir".
- Semenenko I.S. (2023) Tradition and Innovation in Political Development. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. No. 5. P. 45–65. DOI: [10.17976/jpps/2023.05.04](https://doi.org/10.17976/jpps/2023.05.04)
- Yakunin V.I. (ed.) (2021). *Gosudarstvennaya politika v kontekste global'ny'x vy'zovov sovremennosti* [State Policies in the context of contemporary global challenges]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta.
- Zhang W. (2012) *The China Wave: Rise of Civilizational State*. Hackensack, NJ: World Century Publishing Corporation.

Дата поступления/Received: 18.03.2024

О месте и смысле всемирной истории в историософии Н.Я. Данилевского

Тесля Андрей Александрович

Кандидат философских наук, старший научный сотрудник, научный руководитель Центра исследований русской мысли
Института образования и гуманитарных наук, SPIN-код РИНЦ: [5135-2210](https://orcid.org/0009-0001-9142-1000), mestr81@gmail.com

Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, Калининград, РФ.

Аннотация

Историко-философская теория культурно-исторических типов, сформулированная в работе «Россия и Европа» Н.Я. Данилевского, нередко трактуется как противостоящая концепции всемирной истории. Этому противоречит уже тот факт, что сам Данилевский употребляет понятие всемирной истории как рабочее и, более того, высказывает свои содержательные суждения по данному предмету. На наш взгляд, это обстоятельство не является противоречием со стороны Данилевского. Согласно излагаемому в статье подходу, «Россия и Европа» — это прежде всего политический трактат, и первостепенным вопросом, обсуждаемым в ней (и соответствующим планом рассмотрения), является проблема действия и субъекта действия. Культурно-исторический тип, вполне развившийся, оформляется в систему государств или государство (при этом предпочтительным для Данилевского представляется первый вариант как дающий больше возможностей для развития). Тем самым они выступают и сами по себе как субъекты действия, но одновременно и их система также способна выступать в качестве такового (система международного права, которая во времена Данилевского принципиально ограничена, сначала как система международного права христианских народов, а затем, с 1860-х, «цивилизованных»). Всемирная история предстает исключительно в плане теоретического постижения. Отсюда следует, что из всемирной истории невозможно действовать, то есть выступать от лица истории. Сам тезис Данилевского предстает сложно устроенным, распадающимся на две части: отсутствие такого исторического субъекта, как человечество, и невозможность говорить о «смысле в истории» в рамках позитивного научного знания. Отмечается, что обе части тезиса автономны и тем самым могут обсуждаться каждый по отдельности, то есть опровержение / отвержение одного не означает автоматически и отвержение второго.

Ключевые слова

Всемирная история, историософия, теория исторического процесса, теория прогресса, цивилизация, Н.Я. Данилевский.

Для цитирования

Тесля А.А. О месте и смысле всемирной истории в историософии Н.Я. Данилевского // Государственное управление. Электронный вестник. 2024. №104(S). С. 88–96. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-104(S)-2024-88-96

On the Place and Meaning of World History in the Historiosophy of N.Ya. Danilevsky

Andrey A. Teslya

PhD, Senior Research Fellow, Scientific Director of the Research Center for Russian Thought, Institute for Humanities,
mestr81@gmail.com

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russian Federation.

Abstract

The historical and philosophical theory of cultural and historical types formulated in Danilevsky's "Russia and Europe" is often interpreted as opposing the world history concept. This is contradicted by the fact that Danilevsky himself uses the world history concept as a working concept and, moreover, expresses his substantive judgements on this subject. In our opinion, this circumstance is not a contradiction on Danilevsky's part. According to the approach outlined in the article, first of all "Russia and Europe" is a political treatise and the primary issue discussed in it (and the corresponding plan of consideration) is the problem of action and the subject of action. A cultural and historical type, fully developed, is formalized into a system of states or a state (with the former option being preferred by Danilevsky as providing more opportunities for development). Thus, they also act as subjects of action in themselves, but at the same time their system is also capable of acting as such (the system of international law, which in Danilevsky's time is fundamentally limited, first as the system of international law of Christian nations and then, since the 1860s, of "civilized" ones). World history appears exclusively in terms of theoretical comprehension. It follows that it is impossible to act from world history — that is to speak on behalf of history. Danilevsky's thesis itself appears to be complexly structured, disintegrating into two parts: the absence of such a historical subject as mankind and the impossibility to speak about "meaning in history" within the framework of positive scientific knowledge. It is noted that both parts of the thesis are autonomous and thus can be discussed separately, i.e. the refutation/rejection of one does not automatically mean the rejection of the other.

Keywords

World history, historiosophy, theory of historical process, theory of progress, civilization, N.Ya. Danilevsky.

For citation

Teslya A.A. (2024) On the Place and Meaning of World History in the Historiosophy of N.Ya. Danilevsky. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 104(S). P. 88–96. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-104(S)-2024-88-96

Введение

«Россия и Европа» Н.Я. Данилевского — один из самых известных, если не самый известный, русский историософский трактат (и единственный из популярных, вполне подходящий под это определение, поскольку при всей историософичности русская философия небогата сочинениями, прямо посвященными этому предмету). Но при этом зачастую и, вероятно, вследствие именно указанной известности он трактуется довольно своеобразно, во многом в перспективе последующих трудов по цивилизационной теории; с другой же стороны, нередко понимается в перспективе критических отзывов о нем, прежде всего со стороны Вл.С. Соловьева на рубеже 1880–1890-х годов (см., в частности: [Тесля 2018, 121–157]). Одним из центральных предметов дебатов вокруг «России и Европы» Данилевского остается вопрос о месте и смысле всемирной истории — о том, насколько в перспективе Данилевского оказывается возможно говорить об общем историческом процессе, а не об одной лишь последовательности историй культурно-исторических типов. Не претендуя на полноту рассмотрения этого вопроса, который потребовал бы обстоятельного анализа всей системы воззрений Данилевского с учетом ее исторической динамики, мы остановимся только на нескольких моментах, выбрав для обсуждения их как по причине взаимосвязи, так и сохраняющейся их актуальности в рамках историко-философских дебатов.

«Россия и Европа» Н.Я. Данилевского как политический трактат

В самом тексте «России и Европы» Данилевский неоднократно прямо говорит именно о всемирной истории. Так, в последней, XVII главе, подводящей итог всему исследованию и сосредоточенной именно на теоретических аспектах, он пишет: «...каждый из культурно-исторических типов, жизнь которых составляет содержание всемирной истории» [Данилевский 2023, 615]. Однако, прежде чем приступить к анализу конкретных положений Данилевского, необходимо прояснить природу его труда.

Начиная статью «Россия и Франко-германская война» (напечатанную в январском номере журнала «Заря» 1871 г.), Данилевский писал: «Существеннейшее содержание длинного ряда статей, помещенных в “Заре” за 1869 год под заглавием “Россия и Европа”, — не политического, а преимущественно историко-философского свойства» [Данилевский 2017, 699]. Показательно при этом, что Данилевский не только сделал эту оговорку, но и прямо вынес в подзаголовок указанной статьи «Дополнение к книге “Россия и Европа”». Это побуждает в том числе вернуться к пониманию самим автором разграничения между историко-философскими и собственно политическими предметами статей. Под последними, как явствует из «Дополнения...» 1871 года, подразумевается прежде всего непосредственный отклик на текущие политические события и осмысление в связи с этим перспектив (возможных и желательных) со стороны российской политики, тогда как под историко-философским Данилевский, вероятно, имеет в виду, во-первых, обоснование, фундирование этих суждений теорией и, во-вторых, общую политическую перспективу (того рода, которую позже стали зачастую именовать геополитической), не подразумевая конкретного политического прогнозирования.

Это тем более примечательно, что «Дополнение...» возвращает нас к генезису «России и Европы»: первоначально, как выяснил В. Сидорин, работа задумывалась как серия статей («писем»), предназначенных для славянофильской газеты «День» и по массе обстоятельств (прежде всего в силу прекращения И.С. Аксаковым издания газеты и трудности найти другое, подходящее для этого рода рассуждений издание) на существенный срок оставшихся «в портфеле» автора [Сидорин 2024]. Таким образом, рассуждение, с которого начинается «Россия и Европа», сопоставление реакций на события 1854 года (Восточную войну) и 1864 (Прусско-австрийскую войну против Дании) первоначально носили если не остро актуальный характер, то реакцию на события весьма последнего времени.

В первую очередь политическая направленность «России и Европы» подчеркивается в авторской характеристике этого труда, содержащейся в статье Данилевского 1877 года, которую при всей ее ситуативности (первая статья из цикла, посвященного идущей в это время Русско-турецкой войне) нельзя не принять во внимание. Там он пишет, имея в виду «Россию и Европу», вышедшую отдельным книжным изданием в 1871 году (и отсылая именно к нему как варианту более солидному, чем серия статей во второразрядном журнале, к тому же давно прекратившем существование): «Несколько лет тому назад я посвятил целую книгу всестороннему рассмотрению Восточного вопроса, как в культурном, так и в политическом отношении <...>» [Данилевский 2017, 734]¹.

Тем самым «Россия и Европа» в первую очередь — политический трактат, что обуславливает два плана рассуждений: во-первых, прагматический, относящийся к возможному целеполаганию, и, во-вторых, теоретический. Данилевский настаивает, что культурно-исторический тип — это высший уровень, с которым могут в действительности соотноситься человеческие устремления и цели (тем самым всякое высказывание от лица человечества в целом, действие от его имени оказываются в его логике иллюзорными, где человек или сообщество, по существу, проецирует свои представления и цели на человечество в целом, отождествляя последнее с собой).

Иными словами, уровень культурно-исторического типа в этой логике — последний, где возможна проверка, возможна рефлексивная петля. И культурно-исторический тип тем самым выступает высшим субъектом. Человечество же в этой перспективе не выступает в качестве субъекта — это не равнозначно иллюзорности данного понятия, но оно предстает именно предметом созерцания, теоретической рефлексии (то есть объектом познания)²: «Таким образом, если та группа, которой мы придаем название культурно-исторического типа, и не есть абсолютно-высшая, то она, во всяком случае, высшая из всех тех, интересы которых могут быть сознательными для человека, и составляет, следовательно, *последний предел, до которого может и должно простираться подчинение низших интересов высшим, пожертвование частных целей общим* (курсив наш. — А.Т.)» [Данилевский 2023, 136].

«Россия и Европа» Н.Я. Данилевского и концепция всемирной истории

Рассуждая теоретически, Данилевский утверждает: «Прогресс... состоит не в том, чтобы идти всем в одном направлении (в таком случае он скоро бы прекратился), а в том, чтобы исходить все поле, составляющее поприще исторической деятельности человечества, во всех направлениях» [Там же, 142]. И продолжает: «Поэтому ни одна цивилизация не может гордиться тем, чтоб она представляла высшую точку развития, в сравнении с ее предшественниками или современницами, во всех сторонах развития» [Там же]. Здесь примечательный момент: Данилевский не говорит о невозможности констатировать прогресс (в том или ином отношении), а сугубо о невозможности рассматривать одну цивилизацию по отношению к другой как всецело ее превосходящую. Невозможно выстроить единую историю, поскольку отсутствует единое событие: критикуя построение истории через подразделение на историю древнюю, средневековую и новую, он говорит: «...это происходит не оттого, что принцип был дурно выбран (выбран был наивозможно лучший), но оттого, что вообще нет такого события, которое могло бы разделить судьбу всего человечества на какие бы то ни было отделы; ибо до сих пор, собственно, не было ни одного общечеловеческого события, да, вероятно, никогда и не будет» [Там же, 103].

¹ Ср. описание плана «России и Европы», данное в последней главе труда [Данилевский 2023, 611–612].

² Вообще, стоит заметить, что за всей системой рассуждений Данилевского лежит и жесткая субъект-объектная схема в качестве само собой разумеющейся, и представление об автономии фактов от теории.

И тем не менее наблюдение за культурно-историческими типами позволяет не только выделить их, но и установить их динамику. Схематично речь идет о разграничении первичных («аутохтонных») культур и вторичных [Там же, 615]. Первичные культуры (египетская, китайская, вавилонская, индийская и китайская) характеризуются, согласно Данилевскому, недифференцированностью разных сфер жизни и деятельности — применительно к ним еще невозможно говорить отдельно о религии или об эстетике, о праве в отграничении от морали, здесь на первом ходе есть исходная целостность взгляда как неразграниченность. Следующая группа культурно-исторических типов, формирующаяся уже в преемственности по отношению к первичным и включающая такие культуры, как еврейская, греческая или римская, выделяет какую-то одну сторону жизни как нечто особенное (религия в цивилизации еврейской, искусство и прекрасное у греков и право у римлян), а уже применительно к романо-германской цивилизации³ можно предполагать двусоставность и уповать на четырехсоставный тип славянского культурно-исторического типа, то есть охватывающего все четыре сферы деятельности: религиозную, культурную (в тесном значении этого слова), политическую и общественно-экономическую [Там же, 614–615].

В этом рассуждении нетрудно увидеть характерное, присущее посткантовскому немецкому философскому движению, от Фихте и далее, триадическое деление (наиболее известное по Гегелю, с философией которого зачастую и ассоциируется): от первоначальной простоты к последующему разделению и дальнейшему воссоединению, собирающему первоначальную целостность на новом уровне. Не вдаваясь в обсуждение этого исторического построения по существу, отметим, что Данилевский в данном случае вполне последователен: речь идет о внутренней динамике культурно-исторических типов, сменяющих друг друга, а отнюдь не о том, что из этого процесса может быть достоверно выведено какое-либо умозаключение о «смысле».

Таким образом, всемирная или всеобщая история выступают для Данилевского как эмпирическая данность — через взаимодействие и преемство человеческих сообществ. В другом ракурсе это то, что существует для наблюдателя как мыслимый предмет, как возможность выделения общих характеристик и тенденций развития человеческих сообществ (в частности, культурно-исторических типов как главных агентов исторического процесса, однако отметим, согласно самому Данилевскому, отнюдь не единственных).

Иными словами, полемика Данилевского с противоположным историческим взглядом (не очень удачно связываемым им с триадическим подразделением истории на древнюю, средневековую и новую) может быть представлена в рамках предложенной К. Лёвитом дихотомии: «смысл истории» и «смысл в истории» [Лёвит 2021]. То есть «смысл» оказывается не тем, что открывается в истории (и что доведено до предела у Гегеля), но история выступает предметом осмысления (или ее смысл открывается извне, из конца времен / вневременной перспективы). Понятие «смысла» именно в контексте имплицитной философии истории Данилевского, лишь фрагментарно им сформулированной, представляется нам принципиально важным. Дело в том, что Данилевский разводит как совершенно разные две группы вопросов — о тех или иных закономерностях, повторяющихся, регулярных событиях и тенденциях, которые можно обнаружить в историческом процессе, и вопрос о смысле исторического процесса. Решительная атака Соловьева

³ Напомним, что цивилизация в трактовке Данилевского оказывается довольно близка к последующей формулировке Шпенглера и понимается как период плодоношения, что и позволяет ему говорить о вступлении Европы в полосу постепенного упадка, «ведь кульминационная точка творческих общественных сил, создающих цивилизацию, совпадает с высшим цветом искусств и с временем философско-энциклопедического знания, которое дает характер будущему направлению научного развития, и что период положительной, особенно же практической, применительной науки характеризует то время, когда творческие общественные силы уже довольно далеко оставили за собой эпоху своего летнего солнцестояния» [Данилевский 2023, 221].

на Данилевского связана в том числе⁴ и с отвержением последним возможности говорить о «смысле в истории», толковать исторический процесс не только как направленный, а как постижимый в своей направленности для внутреннего наблюдателя и способности последнего соотносить свои действия с этой устремленностью истории (тем самым обретая в этом и смысл собственной жизни, где расхождение с историческим одновременно обрекает на бессмысленность, неоправданность существования⁵).

При этом, что особенно важно, для Данилевского речь идет не только об открытом характере исторического процесса (неведомости для нас его конечных целей и проблематичности самой подобной постановки вопроса), но прежде всего именно о перспективе действия. Но прежде, чем перейти ко второму моменту, остановимся на первом: исторический процесс сам по себе непостижим, с точки зрения Данилевского, уже потому, что он является единичным — человек / человечество является и его субстанцией, и, по крайней мере отчасти, субъектом. Отметим попутно, что Данилевский, противостоя прогрессистско-линейному пониманию исторического процесса, выдвигает различие степеней от типов развития, замечая, что «отсутствие этого различия и составляет... коренной недостаток исторической системы» [Данилевский 2023, 109]. Б.П. Балугев в своей обширной монографии об историософии Данилевского утверждал: «Эту поистине новаторскую мысль подхватили народники, которые, особенно Н.К. Михайловский, не раз проводили мысль, что хотя Россия и уступает некоторым европейским странам по степени развития, но по типу своего развития (имелись в виду прежде всего элементы общинного и мирского самоуправления), несомненно, превосходит их» [Балуев 2001, 97]. Действительно, в первую очередь Михайловскому обязана русская мысль глубоким усвоением разграничения степени и типа развития: так, Н.О. Лосский в предисловии в одной из своих последних работ писал, воспроизводя это разграничение в качестве общеизвестного: «Я стараюсь доказать, что разница между мышлением примитивных народов и просвещенных европейцев состоит в следующем: у примитивных народов *тип* развития высокий, но *степень* развития очень низкая; наоборот, у просвещенного европейца очень высокая степень развития, но тип развития обеднен» [Лосский 1992, 11]. Однако вряд ли можно говорить, что Михайловский «подхватил» мысль Данилевского: дело в том, что само это разграничение появляется у Михайловского в статье «Что такое прогресс?», как раз и выведшей его на первый план в «Отечественных Записках», где она была опубликована в 1869 г. (№ 2, 9 и 11)⁶, то есть одновременно с публикацией «России и Европы» в «Заре», к тому же не привлекавшей тогда особенного внимания. Не претендуя на окончательное решение вопроса, требующего дальнейшего изучения, отметим как наиболее вероятную, на наш взгляд, гипотезу общего для Данилевского и Михайловского влияния естественно-научной, прежде всего биологической, литературы этого времени, содержащей дебаты вокруг типологии животных и растений и проблематику происхождения видов. Для Данилевского это было предметом его профессионального внимания, а для Михайловского — углубленного интереса, где на формирование его взглядов именно в годы, когда складывались идеи, выраженные в статье «Что такое прогресс?», оказал рано скончавшийся (в 1866 г.) русский биолог Н.Н. Ножин⁷ [Рудницкая 1975].

⁴ Разумеется, первостепенным основанием был непримиримый конфликт между универсалистским теократическим видением Вл. Соловьева с середины 1880-х и любыми вариантами русского национализма, поскольку последний исключал тем самым для Российской империи роль «вселенского царства». В логике Соловьева (как до него и Чаадаева) русский национализм оказывался изменой вселенскому предназначению, то есть изменой Божьему делу (и здесь примечательным образом именно мессианское видение Русского царства требует отказа от национальных устремлений, более или менее извинительных для всякого другого народа). См. подробнее: [Соловьев 2018].

⁵ Где проблематика этого рода по определению обостряет до предела проблему теодицеи и судеб «народов неисторических».

⁶ Михайловский Н.К. Что такое прогресс? Пг.: Колос, 1922.

⁷ Михайловский Н.К. Литературные воспоминания и житейская смута. Т. I. СПб.: Издание редакции журнала «Русское Богатство», Типо-литография Б.М. Вольфа, 1900. С. 17.

В обширной IV главе трактата, посвященной в первую очередь вопросу о «естественных» и «искусственных» системах в науке и положении разных научных областей, Данилевский не случайно высказывается с глубоким сомнением по поводу возможности метафизики (понимаемой им в смысле учения о духе) на том основании, что нам доступен для изучения только один конкретный вариант «духа», а именно собственно человеческий, почему и находит более резонным говорить о «психологии» (то есть изучении человеческой души и духа, не входя в рассмотрение того, какие свойства принадлежат собственно человеческому духу, а какие являются свойствами духа как такового).

Тем самым дело даже не в открытости исторического процесса и не в его актуальной незавершенности: с точки зрения Данилевского, даже если бы история закончилась, она в любом случае осталась бы единичным процессом — ее можно было бы попытаться осмыслить как целое (и сам Данилевский, как мы отметим далее, не отказывается вполне от этой попытки), но оставалось бы принципиальная неразрешимость вопроса о том, что явилось бы свойствами именно этого отдельного исторического процесса (его индивидуальной характеристикой), а что свойством истории как таковой.

Общая перспектива истории для верующего христианина (а Данилевский являлся таковым) задается Откровением⁸, однако в понимании Данилевского этот план не является конкретно-историческим. Данилевский пытается найти компромисс между тезисом молодого Гердера, провозглашавшего, что каждый народ равно близок к Богу [Жирмунский 1959, XXX–XXXII], и логикой поступательного развития истории. Если попробовать предельно схематично сформулировать его позицию так, как мы ее понимаем, она будет выглядеть следующим образом:

- 1) как об отдельном человеке, так и об отдельных народах невозможно сказать, в какой мере они реализуют божественное предназначение: такого рода суждение — всегда лишь предположение, божественным всеведением и знанием тайн промысла не обладает никто;
- 2) это не означает, что мы совершенно лишены всякой возможности судить, но план эмпирической истории и план реализации божественного замысла не соотносятся между собой сколько-нибудь очевидным образом. В отдельных случаях мы пытаемся увидеть — или уверены, что прозреваем, — следы божественного промысла, но ни истории царств и народов, ни истории культурно-исторических типов или что-либо еще не образуют «посюстороннее» отражение «священной истории»;
- 3) тем самым невозможна эмпирическая история как развертка единого смысла. Данилевский отмечает: «Даже само христианство — явление, имевшее до сих пор самое огромное влияние на судьбы человечества и которое должно со временем обнять его вполне, — становится историческою гранью судеб каждого народа в различное время» [Данилевский 2023, 104]. Христианство как историческое явление само по себе по определению исторично и тем самым не совпадает со священной историей, разрезаемой на две части Боговоплощением: историю мира до Христа и мира после Его пришествия.

Историю мира невозможно адекватно прочесть ни как повествование о деяниях Господа через франков или какой-либо иной народ, ни как рассуждение о всемирной истории в духе Боссюэ или Гегеля, видя за историческими событиями божественное присутствие или же созерцая их как процесс самопознания, становления Абсолютного Духа. Точнее — всякое такое прочтение будет произвольным, предстанет выражением убеждения того народа, того сообщества или конкретного автора, который его создаст. Но само это напряжение актуально именно в контексте спора

⁸ Отметим и значение провиденциального плана в истории, на роль которого в работе Данилевского указывал и К.Н. Бестужев-Рюмин [Данилевский 2017, 670]. См. также и обращение к понятию «провидение» вновь в статье 1877 г. о Константинополе [Там же, 789].

о России и Европе, поскольку опровергаемое Данилевским видение опирается в этот момент именно на авторитет научного знания, разума. Данилевский же акцентирует, что любое подобное понимание исторического процесса никак не может претендовать на научность (одновременно понимая, что научность отнюдь не объемлет собой все), что эта апелляция к научному, достоверному, подтверждаемому знанию в данном случае является беспочвенной. Собственно, с этим не может быть предмета спора и со стороны, например, сторонников гегельянской философии истории, поскольку последняя никак не вытекает из позитивистской или какой-либо еще историографии сама по себе, а, напротив, находит свое основание в общих философских предпосылках. В этой перспективе Данилевский, по существу, фиксирует наличное положение вещей: в рамках апелляции к позитивному научному знанию утверждение о наличии единого смысла истории не может быть обосновано.

Отметим динамический характер тезиса Данилевского о невозможности построения единой истории в силу отсутствия «общечеловеческого события»: он сам замечает, как мы цитировали выше, что такового события «не было... да, вероятно, никогда и не будет» [Там же, 103]. И здесь не вопреки, а в развитие одной из сторон аргументации Данилевского начинает брать силу аргумент Н.И. Кареева [Кареев 1899; Тесля 2024], отмечающего, что возможно ведь вести речь о человечестве и единой истории как возникающей, исторически становящейся, а с момента становления, возникновения общей истории, обретения ее можно рассуждать ретроспективно, уже с точки зрения исторического взгляда, обращенного из настоящего в прошлое, к условиям возникновения того реального единства (и тем самым фундируемой не в логике общего истока, а в логике актуально наличной общности, из которой осмысляется прошлое). Но, независимо от принятия или непринятия этого аргумента, не снимается другая часть тезиса Данилевского (для него самого, видимо, не дифференцированная отчетливо от первой) — о невозможности выводить смысл из истории, обретать его в истории, поскольку последняя и в этой универсальной перспективе остается именно эмпирической данностью и уникальной по своей природе, и тем самым и складывание единой истории выступает в этом случае только фактическим.

Таким образом, тезис распадается на два: (1) о невозможности иной, большей, чем культурно-исторический тип, исторической общности выступать в качестве субъекта исторического процесса и (2) о невозможности действовать исходя из смысла, носителем которого выступает история, то есть действовать от лица истории как таковой. Если первая часть тезиса является в формулировке самого Данилевского эмпирической и, следовательно, допускающей эмпирическое опровержение, то вторая, напротив, носит внеэмпирический характер: по существу, как мы показали кратко выше, утверждается, что из позитивного научного знания невозможно вывести «смысл в истории». Понимание истории, ограниченное этим знанием, возможно именно как выявление тех или иных закономерностей и наблюдаемых тенденций исторических процессов, выстраивание логик развития тех или иных относительно автономных сфер деятельности (выделяющихся, в свою очередь, в процессе исторического развития). Но в этих рамках оказывается невозможно обоснованно ни говорить об общей цели исторического процесса, ни, соответственно, выстраивать в единую линию, задавая иерархию, различные культуры и цивилизации — уже потому, что невозможно обоснованно определить (а не положить в качестве акта частного предпочтения), почему именно эту сферу, эту область человеческого духа мы считаем имеющей преобладающее значение.

Заключение

Эти сюжеты в целом остались на периферии внимания: философская полемика вокруг трактата началась уже на рубеже 1880–1890-х (в ней приняли участие, помимо Вл.С. Соловьева и

Н.Н. Страхова, К.Н. Леонтьев, П.Н. Милюков, В.В. Розанов), то есть после кончины авторы, но, что важнее, в ее центре оказались прежде всего вопросы русского исторического пути, славянства и всемирно-исторического понимания христианства [Ефремов 2023, гл. 3]. Общая историко-философская концепция Данилевского, как ни парадоксально, практически не становилась предметом специального внимания: значимым исключением, но, что характерно, также не породившим какого-либо содержательного обсуждения, явилась обстоятельная работа Н.И. Кареева, цитированная выше. В известной мере это связано еще и с тем, что самый узел философской проблематики, не вполне эксплицированный самим Данилевским, остается слабо актуальным для интеллектуальной ситуации 1890–1900-х годов. Глубокая рефлексия наступит уже после Второй мировой войны — поверх череды работ, ставящих под сомнение возможность говорить о единой человеческой истории (Шпенглер, Тойнби), но самое главное — в обнажении вопроса, что делает возможной последнюю и что понимается под ее единством⁹.

В заключение подчеркнем, что Данилевский, как нам представляется, не акцентировал саму возможность всемирной истории и различных «общих историй» (науки, техники и т. д.) именно в силу того, что считал это само собой разумеющимся, не могущим стать предметом полемики. Насколько можно реконструировать авторскую позицию, ключевым для него выступал прагматический аспект — утверждение невозможности исторического действия с общечеловеческой позиции, за отсутствием соответствующего исторического субъекта превращение последней позиции, по существу, либо в абстракцию, либо в утверждение конкретно-исторической позиции, какого-либо конкретного сообщества как тождественной с человечеством.

Список литературы:

- Балуев Б.П. Споры о судьбах России: Н.Я. Данилевский и его книга «Россия и Европа». Тверь: Издательский дом «Булат», 2001.
- Бультман Р. История и эсхатология. Присутствие вечности. М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2012.
- Данилевский Н.Я. Россия и Европа. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2023.
- Данилевский Н.Я. Россия и Европа: с посмертными примечаниями, статьей К.Н. Бестужева-Рюмина и комментариями. М.: Родная старина, 2017.
- Ефремов А.В. Борьба за историю: концепция Н.Я. Данилевского в оценке современников. М.: Горячая линия — Телеком, 2023.
- Жирмунский В.М. Жизнь и творчество Гердера // Гердер И.Г. Избранные сочинения. М., Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1959. С. VII–LIX.
- Кареев Н.И. Историко-философские и социологические этюды. СПб.: Издание СПб. Акционерного общества печатного дела «Издатель», 1899. С. 426–469.
- Лёвит К. Смысл в истории: Теологические предпосылки философии истории. СПб.: Владимир Даль, 2021.
- Лосский Н.О. Учение о перевоплощении. Интуитивизм. М.: Прогресс, ВИА, 1992.
- Рудницкая Е.Л. Шестидесятник Николай Ножин. М.: Наука, 1975.
- Сидорин В.В. К творческой истории «России и Европы» Н.Я. Данилевского: о черновике трактата в Отделе рукописей РНБ // Творческое наследие Н.Я. Данилевского: история и современность / отв. ред. В.В. Сидорин. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2024. С. 83–94.

⁹ Отметим, помимо упомянутой выше работы К. Лёвита, ссылающуюся на нее и обсуждающую во многом тот же круг проблем влиятельную работу Р. Бультмана [Бультман 2012].

Соловьев Вл.С. Национальный вопрос в России. М.: Рипол-Классик, 2018.

Тесля А.А. Русские беседы: уходящая натура. М.: РИПОЛ классик, 2018.

Тесля А.А. Н.И. Кареев как интерпретатор Н.Я. Данилевского // Творческое наследие Н.Я. Данилевского: история и современность / отв. ред. В.В. Сидорин. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2024. С. 74–82.

References:

Baluev B.P. (2001) *Spory o sud'bach Rossii: N.Ya. Danilevskiy i ego kniga "Rossiya i Evropa"*. [Disputes about the fate of Russia: N.Y. Danilevsky and his book "Russia and Europe"]. Tver': Izdatel'skiy dom "Bulat".

Bultmann R. (2012) *Geschichte und Eschatologie*. Moscow: Kanon+, ROOI "Reabilitatsiya".

Danilevsky N.Ya. (2017) *Rossiya i Evropa: s posmertnymi primechaniyami, stat'yey K.N. Bestuzheva-Ryumina i kommentariyami* [Russia and Europe: With posthumous notes, an article by K.N. Bestuzhev-Ryumin and comments]. Moscow: Rodnaya starina.

Danilevsky N.Ya. (2023) *Rossiya i Evropa* [Russia and Europe]. Saint Petersburg: Azbuka, Azbuka-Attikus.

Efremov A.V. (2023) *Bor'ba za istoriyu: kontseptsiya N.Ya. Danilevskogo v otsenke sovremennikov* [Struggle for history: N.Ya. Danilevsky's concept in the assessment of contemporaries]. Moscow: Goryachaya liniya — Telekom.

Kareev N.I. (1899) *Istoriko-filosofskie i sociologicheskie etyudy* [Historical and philosophical and sociological etudes]. Saint Petersburg: Izdaniye SPb. Aktsionernogo obshchestva pechatnogo dela «Izdatel'». P. 426–469.

Losskiy N.O. (1992) *Ucheniye o perevoploshchenii. Intuitivizm* [The doctrine of reincarnation. Intuitionism]. Moscow: Progress, VIA.

Lowith K. (2021) *Meaning in History. The Theological Implications of the Philosophy of History*. Saint Petersburg: Vladimir Dal'.

Rudnitskaya E.L. (1975) *Shestidesyatnik Nikolay Nozhin* [The Sixtier Nikolai Nozhin]. Moscow: Nauka.

Sidorin V.V. (2024) K tvorcheskoy istorii «Rossii i Evropy» N.Ya. Danilevskogo: o chernovike traktata v Otdel rukopisey RNB [To the creative history of "Russia and Europe" by N.Ya. Danilevsky: About the draft of the treatise in the Manuscripts Department of the Russian National Library of Natural Sciences]. In: Sidorin V.V. (ed.) *Tvorcheskoe nasledie N.Ya. Danilevskogo: istoriya i sovremennost'*. Moscow, Saint-Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ. P. 83–94.

Solov'yev V.I.S. (2018) *Natsional'nyy vopros v Rossii* [The national question in Russia]. Moscow: Ripl-Klassik.

Teslya A.A. (2018) *Russkiye besedy: ukhodyashchaya natura* [Russian conversations: The outgoing nature]. Moscow: RIPOL klassik.

Teslya A.A. (2024) Kareyev kak interpretator N.Ya. Danilevskogo [N.I. Kareev as an interpreter of N.Ya. Danilevsky]. In: Sidorin V.V. (ed.) *Tvorcheskoe nasledie N.Ya. Danilevskogo: istoriya i sovremennost'*. Moscow, Saint-Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ. P. 74–82.

Zhirmunskiy V.M. (1959) Zhizn' i tvorchestvo Gerdera [Life and creativity of Herder]. In: Herder I.G. *Izbrannye sochineniya*. Moscow, Leningrad: Gosudarstvennoye izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury. P. VII–LIX.

Дата поступления/Received: 18.04.2024

Система общественных наук в контексте цивилизационного подхода: к постановке проблемы

Ульянова Любовь Владимировна

Кандидат исторических наук, доцент, руководитель Центра изучения российской государственности,
SPIN-код РИНЦ: [6459-1728](https://elibrary.ru/6459-1728), ulianovalv@gmail.com

Факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

Аннотация

В современных социогуманитарных дисциплинах понятие «система общественных наук» отсутствует. Это понятие существовало в советское время и означало в том числе наличие единого понятийного обществоведческого аппарата и методологии. Общепризнано, что пришедший на смену данной системе междисциплинарный подход, который получил признание в нашей стране после распада Советского Союза, основан на разности понятий, предметов и объектов исследования наук всего социогуманитарного блока. В то же время в российском обществоведении практически не уделяется внимания теоретической и методологической взаимосвязи междисциплинарного подхода и концепции глобализации, разработанных в западной науке преимущественно во второй половине XX – начале XXI веков и пришедших в нашу страну в постсоветский период уже во многом в готовом виде. При этом те исследователи, которые такую взаимосвязь констатируют, рассматривают это обстоятельство как достоинство междисциплинарного подхода. В первой части данной статьи делается попытка проанализировать влияние концепции глобализации, в частности характерное для нее отрицание ценностей национальной государственности, суверенитета, в том числе культурно-исторического, на становление и общие принципы междисциплинарного подхода. Во второй части рассматриваются современные концепции России как цивилизации, в первую очередь понятие «государство-цивилизация», введенное на текущий момент в Концепцию внешней политики Российской Федерации от 30 марта 2023 года и Основы государственной политики в области исторического просвещения от 08 мая 2024 года, в контексте выявленных автором достоинств советского опыта системы общественных наук. В заключении статьи делаются предложения по соединению некоторых базовых принципов советского обществоведения с современным цивилизационным подходом в целях создания единой ценностной рамки дисциплин социогуманитарного блока.

Ключевые слова

Общественные науки, система общественных наук, социогуманитарные дисциплины, междисциплинарный подход, российская цивилизация, российская государственность, государство-цивилизация, глобализация, национальное государство.

Для цитирования

Ульянова Л.В. Система общественных наук в контексте цивилизационного подхода: к постановке проблемы // Государственное управление. Электронный вестник. 2024. №104(S). С. 97–112. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-104(S)-2024-97-112

The System of Social Sciences in the Context of Civilizational Approach: Formulating the Problem

Lyubov V. Ulyanova

PhD, Associate Professor, Head of the Center for the Study of Russian Statehood, ulianovalv@gmail.com

School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

Abstract

In modern socio-humanitarian disciplines, the concept of a “system of social sciences” is absent. This concept existed in Soviet times and meant, among other things, the existence of a single conceptual social science apparatus and methodology. It is generally recognized that the interdisciplinary approach that replaced this system, which was recognized in our country after the collapse of the Soviet Union, is based on the difference in concepts, subjects and objects of research of the sciences of the entire socio-humanitarian block. At the same time, Russian social science practically does not pay attention to the theoretical and methodological relationship between the interdisciplinary approach and the concept of globalization, developed in Western science mainly in the second half of the twentieth and early twenty-first centuries and which came to our country in the post-Soviet period in many ways in a “ready-made” form. At the same time, those researchers who state such a relationship consider this circumstance as a virtue of an interdisciplinary approach. In the first part of this article, an attempt is made to analyze the impact of the concept of globalization, in particular, its characteristic denial of the values of national statehood, sovereignty, including cultural and historical, on the formation and general principles of an interdisciplinary approach. The second part examines modern concepts of Russia as a civilization, first of all, the concept of state-civilization, currently introduced in the “Concept of Foreign Policy of the Russian Federation” dated March 30, 2023 and “Fundamentals of state policy in the field of historical education” dated May 08, 2024, in the context of the advantages of the Soviet Union identified by the author the experience of the social sciences system. At the end of the article, proposals are made to combine some basic principles of Soviet social science with a modern civilizational approach in order to create a unified value framework for the disciplines of the socio-humanitarian block.

Keywords

Social sciences, system of social sciences, socio-humanitarian disciplines, interdisciplinary approach, Russian civilization, Russian statehood, state-civilization, globalization, national state.

For citation

Ulyanova L.V. (2024) The System of Social Sciences in the Context of Civilizational Approach: Formulating the Problem. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 104(S). P. 97–112. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-104(S)-2024-97-112

Введение

Система общественных наук — понятие одновременно и новое, и устаревшее. Этим термином в советское время обозначалась совокупность дисциплин, связанных единым категориальным аппаратом описания общественных процессов. С распадом Советского Союза представление о единстве данного блока научных дисциплин ушло в прошлое, сменившись подходом, получившим название междисциплинарного. На первый взгляд, система общественных наук и междисциплинарный подход не имеют существенных различий: в обоих случаях речь идет о комплексе дисциплин, изучающих общество в разных его проявлениях и по этой причине как минимум близких друг другу. В действительности отличия довольно заметны: если в советском обществоведении речь шла об общем наборе понятий и единой методологии, то идея междисциплинарности базируется на обратных принципах — отсутствии такого единого аппарата, во-первых, и, во-вторых, наличии у каждой научной дисциплины собственного и независимого от других дисциплин объекта, предмета, методов и т. д. Суть междисциплинарного подхода в том и состоит, чтобы состыковать между собой эти дисциплины, найти схожее в их предметном поле, методах, принципах исследования. Другими словами, советская система общественных наук шла от общего к частному, в то время как междисциплинарный подход идет, напротив, от частного к общему.

В постсоветский период в отношении советской системы обществоведческих дисциплин в научных кругах сформировался консенсус: трактовать это явление исключительно отрицательно, как явление наносное и искусственное, как следствие навязывания государством марксистской идеологии научному сообществу, как явление, препятствовавшее полноценному развитию гуманитарных дисциплин¹. Применительно к междисциплинарному подходу в социогуманитарных науках в постсоветское время возник другой консенсус: рассматривать данный подход, пришедший в нашу страну после распада СССР в готовом виде из обществоведения «коллективного Запада», как более объективный и научный, свободный не только от идеологической, но даже от ценностной ангажированности.

Именно это представление и нуждается сегодня, на взгляд автора этих строк, в пересмотре в первую очередь по той причине, что теоретические основания междисциплинарного подхода, да и его основные принципы, не подходят для изучения России как цивилизации. При этом автор статьи не ставит под сомнение очевидные и многочисленные достижения отечественной науки последних десятилетий, основанные на использовании междисциплинарного подхода. Собственная диссертация на соискание степени кандидата исторических наук и изданная на ее основе монография [Ульянова 2020] были написаны с обращением к методам социолога П. Бурдьё и антрополога К. Гинзбурга, то есть являются в чистом виде междисциплинарными исследованиями. В то же время теоретические дискуссии о ценностных основаниях российской государственности, шедшие в рамках деятельности Центра изучения российской государственности факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова на протяжении последнего года¹, привели автора этих строк к убеждению в невозможности сделать междисциплинарный подход теоретико-методологическим основанием для анализа сущностных черт России как цивилизации (или же как государства-цивилизации²), так как данный подход связан с совершенно иной ценностной парадигмой, а именно

¹ Круглый стол Центра изучения российской государственности 04 сентября 2023 г. «Ценности российского государственного управления: служение лидеров или услуги менеджеров»? // Youtube [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=yadblmRwONk> (дата обращения: 15.05.2024); Пленарное заседание Всероссийской конференции «Концепция российской цивилизации» 22.01.2024 // Youtube [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=r9suP14GHks> (дата обращения: 15.05.2024).

² Понятие «государство-цивилизация» появилось в двух документах стратегического характера: Указ Президента Российской Федерации от 31.03.2023 г. № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // Президент России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49090> (дата обращения: 15.05.2024); Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Президент России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 15.05.2024).

концепцией глобализации, не предполагающей существование цивилизаций как таковых с их специфическими культурными и прочими чертами.

Глобализация и междисциплинарный подход

В отечественной литературе отсутствует внятный анализ влияния процессов глобализации на становление междисциплинарности как нового принципа осмысления гуманитарных наук на «коллективном Западе», поэтому данная статья представляет собой попытку проанализировать это воздействие лишь в первом приближении. Отдельно стоит оговориться, что автор не ставит перед собой задачу сравнить содержательное наполнение понятий «социальные науки», «общественные науки», «социогуманитарные дисциплины», эти понятия будут использоваться как синонимы. В то же время смежная задача данной статьи — показать обозначенную выше взаимосвязь между ценностным осмыслением России как цивилизации и необходимостью формирования новой системы общественных наук, в чем-то опирающейся на опыт советской системы обществоведения при всем понимании принципиальных отличий современного российского общества и государства от общества и государства советского периода. Сошлюсь на позицию декана факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова историка и политолога В.А. Никонова, высказанную им в статье к 30-летию возглавляемого им факультета. В перечислении актуальных задач текущего этапа развития гуманитарных дисциплин он ставит на пятое место задачу «создания собственного языка общественных наук», отмечая в связи с этим: «Мы, да и весь мир, слишком долго существовали в западной матрице сознания, порой этого даже не замечая. Вся терминология общественных наук пришла с Запада, и мы продолжаем ею пользоваться. А ведь как вы лодку назовете, так она и поплывет... число таких понятий, требующих уточнения или пересмотра в рамках интеллектуальной деколонизации, исчисляется многими десятками» [Никонов 2023, 9].

Период дискуссий о междисциплинарности в гуманитарных науках в России пришелся на тот же период, что и популяризация в нашей стране взаимосвязанных между собой идей глобализации и постмодерна, разрабатывавшихся в западном обществоведении во второй половине XX века. Как известно, на это же время — вторую половину XX века — пришлось и становление самого междисциплинарного подхода в западной гуманитарной науке. Стоит отметить, что его возникновение совпало с началом эпохи всеобъемлющей критики основной для того времени формы государственности — так называемого национального государства, базовыми ценностями которого являлись ценности суверенитета и общегражданской идентичности. По отношению к этому типу государственности можно использовать разные эпитеты, являющиеся во многом синонимами. Так или иначе, речь идет о государственности эпохи модерна, возникшей в XVIII веке под влиянием европейского Просвещения и в общем и целом соответствующей индустриальной фазе развития общественно-экономических отношений (см., например, о соотношении национального государства с термином «модерн»: [Гранин 2009; Фишман 2024]).

Итак, начиная с середины XX века в социогуманитарных дисциплинах западного мира стала разрастаться критика национального, современного индустриального государства. На отрицании этого типа государственности выстраивалась концепция постмодерна, прогнозирувавшая переход к постиндустриальному обществу и глобализации [Ульянова 2015].

Еще в середине XX века французский философ М. Фуко, автор понятий «дискурс», «эпистема» и многих других, ставших общепринятыми в мировом обществоведении, в своей концепции дисциплинарной власти описал разделение наук по дисциплинам как один из способов контроля государства эпохи модерна за обществом [Фуко 1994; Фуко 1999]. Постнеклассическая наука стала трактовать сам предмет исследования гуманитарной классической науки (или науки

эпохи индустриального общества) — то есть человека — как «одномерный», а общество — как общество «социального контроля», чему была посвящена книга 1964 года Г. Маркузе «Одномерный человек: исследование идеологии развитого индустриального общества» [Маркузе 1994]. Позднее процесс установления «капиллярного, проникающего контроля» со стороны модерного государства за модерным обществом с его публичными институтами, в том числе наукой, разделенной по дисциплинам, сформулировал классик микроистории, антрополог К. Гинзбург [Гинзбург 2004]. Во многом схожие идеи высказывал социолог Э. Гидденс, исследовавший «последствия модернити» и призывавший освобождаться от «диктата структур» при переходе к «нелинейному социуму», то есть социуму постиндустриальной, постсовременной эпохи глобализации [Гидденс 1999; Гидденс 2011]. Из этой перспективы междисциплинарный подход трактовался как в том числе способ освобождения от навязанной модерным типом государственности дисциплинаризации науки, эту трактовку можно встретить и в наши дни [Клейнер 2015].

В рамках новой, постнеклассической парадигмы гуманитарных наук речь зашла о «нелинейном социуме», «управляемом хаосе», «детерминированном хаосе» [Афанасьева, Анисимов 2013], самоорганизующихся сетевых системах и структурах. Такой классик западной социологии, как З. Бауман, критически оценивал «классические» универсальные теории (имеются в виду принципы, на которых строилась наука эпохи модерна — рациональность, познаваемость, логичность, структурируемость), которые не соответствуют задачам познания «текучей современности» [Бауман 2008]. Автор концепции информационного (сетевого) общества М. Кастельс настаивал на взаимосвязи так называемого «сетевого общества» с появлением «глобальной научно-исследовательской сети» [Castells 2009, 38]. Немецкий социолог и политолог, автор термина «космополитическое мировоззрение» (и книги с таким же названием) и концепции «мирового общества риска» У. Бек и вовсе характеризовал «модерные» социогуманитарные категории как «зомбированную науку с национальным воззрением» [Бек 2008, 112].

К концу XX века в западных социогуманитарных дисциплинах утвердились представления о важности многочисленных «поворотов», характеризовавших новый, глобализационный, постмодерный и постиндустриальный облик гуманитарных дисциплин: пространственный поворот [Social Relations and Spatial Structures 1985], материалистический поворот [Latour 1999], эпистемологический поворот (подробнее о «поворотах» см [Чешков 2008]) и др. Социолог Дж. Урри на исходе XX века в своей книге описывал новую методологию изучения «постсоциетального общества» эпохи «глобального порядка» — общества, основанного на физическом и виртуальном движении и перемещении [Urqu 2000].

К началу XXI века в западных социогуманитарных дисциплинах стало во многом общепризнанным представление о том, что новый тип общества, общественно-экономических и других отношений имеет мало общего с анализом национальных государств, то есть типа государственности эпохи модерна, связанного с принципами рациональности, прогресса, гуманизма, но также и суверенитета, и национальных границ [Яковец 2003; Гранин 2009]. Национальное государство отсутствует как предмет анализа во всех исследованиях, посвященных так называемым потокам «сетевого общества» — как экономическим, так и информационным [Ульянова 2015; Межуев и др. 2021]. Уже упоминавшийся сторонник междисциплинарности испанский социолог, теоретик информационного и постинформационного общества М. Кастельс анализировал такую неотъемлемую часть современных государств как город в контексте локализации в «пространстве потоков» информации, коммерции, услуг и технологий, связанных с глобальными процессами [Castells 1989; Castells 1996]. Постструктурализм силами его теоретиков Ж. Делёза и П.-Ф. Гваттари определил город как открытую структуру, подобную ризоме, которая существует благодаря

детерриторизации и вплетению в сеть с другими городами, как «контрапункт на горизонтальных линиях» [Делёз, Гваттари 2010, 702]. В 1980-е годы американский философ Дж. Фридман сформулировал теорию «мировых городов» — «командных центров мирового хозяйства», в которых транснациональные корпорации создают пункты контроля «нового международного разделения труда» [Friedmann 1986], а американский социолог С. Сассен чуть позже разработала концепцию «глобального города», ставшую общепризнанной в западной урбанистике последующей четверти века [Sassen 1991]. В частности, в 2006 году Сассен писала: «Экономическое благосостояние таких городов все меньше зависит от регионов, где они расположены» [Sassen 2006, 44]. Основатель Исследовательской группы глобализации и мировых городов П. Тейлор определил национальные государства как подверженные «охранительному синдрому», в отличие от «мировых городов» [Taylor 1995, 48–62]. Президент ассоциации Международных сравнительных исследований, вице-председатель исследовательского комитета «Глобально-локальные отношения» в Международной политологической ассоциации (IPSA) Г. Тьюн писал о неразрывной связи демократии с глобализацией вопреки «самодержавным» национальным государствам [Тьюн 2011]. В этом контексте критики «национальных государств» стоит рассматривать и концепции «прямой демократии» (или «низовой демократии», grassroots), организованной через глобальные горизонтальные «сети» и идущей на смену представительным институтам эпохи модерна [Castells 1983].

Один из самых известных теоретиков постиндустриального общества Д. Бэлл в то же время анализировал процесс отмирания национальных государств с их географическими границами [Bell 1987]; М. Уотерс писал о том, что именно национальное государство станет первой жертвой процесса глобализации [Waters 1996]; позднее, в 2010-е годы, индийский политолог из Национального университета Сингапура П. Ханна предложил убрать карты с политическими границами государств как «пропагандистский инструмент истории» и сформулировал перечень наиболее важных акторов новой глобальной сетевой цивилизации: глобальные города, страны (countries), содружества государств (commonwealths), сообщества (communities) и отдельные фирмы (companies) [Khanna 2016, 10, 36]. Упомянутый выше как критик национально-ориентированных и замкнутых в рамках своих предметов традиционных гуманитарных дисциплин З. Бауманн также постулировал изменение мировой системы: переход от совокупности «локальных порядков» национальных государств с их полнотой суверенитета к «агломерации систем» национальных государств и интергосударственных субъектов [Бауманн 2002].

Примеры можно множить, но подводя промежуточный итог, стоит зафиксировать следующее. В целом междисциплинарный подход в западных гуманитарных науках утверждался в то же время, что и взаимосвязанные между собой концепции глобализации и постмодерного типа организации общественных отношений. Вряд ли стоит полагать, что это было лишь случайным временным совпадением. Междисциплинарный подход призван был в том числе критиковать как принцип замкнутости отдельных дисциплин, не «схватывающих» всю сложность так называемого «текущего», «сетевого», неиерархического постсовременного общества, так и национальные историографии, связанные с собственным государством и не способные выйти на глобальный уровень анализа.

В российские гуманитарные науки междисциплинарный подход пришел из науки «коллективного Запада» в конце XX – начале XXI веков. В этот период западные концепции получили абсолютный приоритет в отечественных социогуманитарных дисциплинах. Так, В.А. Никонов отмечал применительно к науке государственного управления в статье к 30-летию факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова: «Мы наполнили наши монографии, статьи и даже учебники огромным количеством западных имен, которых представили высшими

авторитетами научного анализа. Когда я, например, готовился читать курс “Лидерство”, то не обнаружил ни в одном из существовавших тогда российских учебников и учебных пособий (не говоря уж о зарубежных) ни одного русского имени. Как будто у нашей страны не было лидеров! Пришлось даже прочесть курс и написать книгу “Лидерство по-русски”, где из принципа не было ни одного западного имени. Похожая картина была и по другим основным предметам обществоведческого цикла, особенно по политологии и менеджменту. Как будто политику в нашей стране никто и никогда не изучал и нашей страной, которая была одно время мировой сверхдержавой, никто не управлял» [Никонов 2023, 6].

Это явление было свойственно всем направлениям гуманитарного знания. В урбанистике разрабатывалась «градоцентрическая концепция территориальной организации мирового хозяйства» [Слука 2005], в истории рассуждали о «новой глобальной истории» [Ионов 2009], в философии проводился анализ глобализации как явления, пришедшего на смену национальным государствам [Гранин 2009]. И так далее.

Некоторые исследователи отмечали самую непосредственную взаимосвязь междисциплинарного подхода с «глобальным и локальным уровнями» (то есть в обход национального государства), с формированием так называемой наднациональной науки. Так, философ и социолог С.А. Кравченко в соавторстве с член-корреспондентом РАН В.И. Салыгиным писал в статье 2015 года: «Нобелевский лауреат И. Пригожин разработал теорию “стрелы времени”. Согласно ей... в настоящее время мир на глобальном и локальном уровнях сталкивается с ускорением социально-культурной динамики социума. Кроме того, динамика становится все более сложной, включает как норму точки бифуркации, травмы, кризисы и уязвимости. В результате производится новая сложная социальная реальность разнообразных форм рефлексивного модерна и постмодерна... Новый синтез научного знания предлагает междисциплинарную науку, более широкую интеграцию, обусловленную сложными изменениями в социальном и природном мирах... Мы можем наблюдать становление нового типа интегрального научного знания — междисциплинарной науки, нацеленной на изучение сложной социально-техно-экологической реальности... Потребность переосмыслить эти реалии обусловлена постоянно появляющимися аномалиями, неожиданными нелинейными эффектами турбулентности, разрывов, травм в обществе и природе на глобальном и локальном уровнях... Ученые осознают, что современным людям приходится жить без стабильных ориентаций, долгоживущих факторов порядка, общепринятых традиций и авторитетов...» [Кравченко, Салыгин 2015, 22–23]. Другими словами, междисциплинарный подход как метод является необходимым инструментом анализа в социогуманитарных дисциплинах вследствие разрушения тех форм общественной организации, которые составляли суть государственности эпохи модерна — «стабильные ориентации, долгоживущие факторы порядка, общепринятые традиции и авторитеты». При этом авторы отмечали, что, «возможно, первым свидетельством зарождения наднациональной, междисциплинарной науки является требование ученых включить в научное знание критическую нелинейную рефлексию» [Там же, 24].

Появление постнеклассической «интегративной» науки, по мнению И.В. Лысак, является причиной популярности междисциплинарного подхода: «Важное преимущество междисциплинарности, связанное с выявлением связей между различными дисциплинарными областями, является проявлением интегративных тенденций, присущих постнеклассической науке с ее стремлением к синтезу знания» [Лысак 2016].

Авторский коллектив из Института междисциплинарных исследований глобальных процессов и глокализации Ростовского государственного экономического университета (РИНХ) в коллективной монографии также отмечал прямую взаимосвязь становления междисциплинарности

в гуманитарных дисциплинах с развитием глобализационных процессов: «В современной научной теории и опыте все большую популярность набирают междисциплинарные знания, методы и инструменты исследований. Значительный удельный рост таких феноменов в последнее время связан и с новым этапом развития науки: динамичным ее переходом от этапа “Большой науки” к этапу “Глобальной науки”. И, вместе с тем, с усложнением социума, постепенным преобладанием глобальных процессов и вызовов, движением от межгосударственной конкуренции и конфликтности к межгосударственной кооперации и ростом надгосударственных институтов в сфере экономики, политики, культуры, социальной экологии» [Междисциплинарные проблемы международных отношений в глобальном контексте 2019, 3]. Далее авторы еще раз подчеркивают общность междисциплинарных поисков с глобализационной повесткой: «В новой коллективной монографии мы обратились к междисциплинарному инструментарию и его применению к системе международных отношений (МО), которые быстро перестраиваются в контексте новой волны глобализации. Поиск новых моделей МО наметился именно под воздействием нового контекста, создаваемого современной глобальной динамикой» [Там же, 3–4].

Представители отечественного философского сообщества также были готовы рассуждать о междисциплинарности как закономерном этапе развития социогуманитарных дисциплин эпохи глобализации. Так, философ Е.А. Авдеев писал в статье: «Амбивалентность, противоречивость нынешней фазы глобализационных процессов, характеризующихся сочетанием, с одной стороны, унификации, всеобщей взаимосвязи всех компонентов мироустройства (государств, культур, экономик, этносов), с другой стороны, усилением различий, актуализацией гетерогенности, усложнением социальной жизни, актуализирует проблему адекватного теоретического осмысления социальной реальности в целом и ее компонентов. Теоретическое изучение столь сложного объекта, как миросистема, предполагает использование междисциплинарных подходов, соединяющих экономические, политические, социологические и культурологические знания» [Авдеев 2015, 129]. Появились исследования глобалистики как научной дисциплины, которая не только по своей сути междисциплинарна, но и является столь же объективно анализирующей реальность, как и, например, палеоглобалистика [Ильин, Урсул 2009; Габдуллин и др. 2011]. Разработчики глобалистики отмечали ее «интегративный характер»: «Глобалистика порождает новые междисциплинарные формы научного знания, взаимодействуя с теми или иными научными дисциплинами, которые обнаруживают готовность и возможность эволюционировать в глобальном направлении. Тем самым уже существующие научные дисциплины представляют собой внешние источники для “глобального синтеза” и носят междисциплинарный характер» [Урсул 2018, 27].

В условиях распада советской государственности и советской системы обществоведения междисциплинарный подход оказался плодотворной методологией, способствовавшей развитию диалога между представителями различных научных школ (см., например, [Междисциплинарность в науках и философии 2010]). В задачи данной статьи не входит анализ влияния междисциплинарного подхода на развитие социогуманитарных дисциплин постсоветского периода, его роль в складывании большого количества междисциплинарных научных школ, проведении конференций, создании монографий и других видов научной деятельности. В то же время стоит признать, что теоретические глубинные основания междисциплинарности имеют достаточно внятное ценностное основание, не слишком отличаясь в плане идейной ангажированности от системы общественных наук в нашей стране советской эпохи. Только если в случае с Советским Союзом система общественных наук была связана с коммунистической идеологией, то в случае со странами «коллективного Запада» междисциплинарный подход возник в контексте концепции глобализации. В связи с этим уместно задаться вопросом: возможно ли использовать междисциплинарность как целостную методологию

изучения общественных процессов в нашей стране в условиях кризиса глобализации во всем мире, а также в условиях отказа от прямого заимствования западных ценностей в нашей стране сегодня, в частности актуализации осмысления России как цивилизации, причем как государства-цивилизации?

Концепция государства-цивилизации на современном этапе развития гуманитарных наук

В отличие от цивилизационного подхода, отсчитывающего свою историю с XIX века, понятие «государство-цивилизация» возникло не так давно — в конце века XX-го. Как отмечает исследователь данного термина В.И. Спиридонова, «первоначально это было вызвано поиском адекватной формы политической идентификации новых мировых гигантов, таких как Китай, Индия, позднее Россия, реалии которых с трудом поддавались определению в общепринятой терминологии “национального государства” или “империи”... Вопрос о том, что Китай является не национальным государством, а “государством-цивилизацией”, впервые был поднят Люцианом Паем в статье “Неустойчивое государство, разочарованное общество” в 1990 г. Он писал: “Отправной точкой для понимания проблемы является признание того, что Китай — это не просто еще одно государство в семье наций. Китай — это цивилизация, притворяющаяся государством. История современного Китая может быть описана как попытка иностранных акторов, а также вслед за ними самих китайцев, втиснуть китайскую цивилизацию в узкие рамки “национального государства” — изобретения, родившегося на Западе в результате процесса фрагментации его собственной цивилизации”» [Спиридонова 2022, 31–32]. С этого времени появилось немало работ, посвященных концепту государства-цивилизации [Наумкин 2020; Журавлева и др. 2023; Фишман 2024]. В целом под цивилизационными государствами понимаются крупные страны, не разделяющие западные политические, управленческие, культурные ценности и нормы [Спиридонова и др. 2016; Погорельский 2024].

Стоит отметить два дискуссионных момента в отношении термина «государство-цивилизация». Во-первых, в свете анализа истории возникновения междисциплинарного подхода, представленного в данной статье, имеет смысл противопоставлять понятие «государство-цивилизация» не столько понятию «государство-нация», как это делается в подавляющем большинстве указанных выше работ по данной теме [Спиридонова и др. 2016; Наумкин 2020; Спиридонова 2022], сколько концепции глобализации и постмодерна. Не случайно понятие «государство-цивилизация» возникло в момент пика глобализационных тенденций в мире. И концепция государства-нации, и концепция государства-цивилизации исходят из ценности современного типа государственности, предполагающего важность такой актуальной сегодня для нашей страны ценности, как ценность суверенитета (отчасти об этом же пишет Л.Г. Фишман [Фишман 2024]). В принципе, эту взаимосвязь отмечает Программный директор Международного дискуссионного клуба «Валдай», генеральный директор Российского совета по международным делам И.Н. Тимофеев, хотя он скорее критически оценивает возможности соединения концепта «государство-цивилизация» с концепцией национального государства: «Еще одна проблема определяется сложностью сочетания понятий суверенитета и цивилизации. Понятие суверенитета развивалось в русле рационалистических теорий и было тесно привязано к концепции национального государства. Его привязка к концепту цивилизации гораздо менее очевидна. Она сработает в тех случаях, где границы цивилизации и государства более или менее совпадают. В таких случаях, пусть и с большой натяжкой, суверенитет цивилизации можно отождествлять с суверенитетом нации. С определенными оговорками — речь об Индии, Китае, Японии (если, конечно, считать ее отдельной цивилизацией,

а не частью Запада, что тоже неоспорно). Но что делать с менее очевидными случаями — такими, как Африка, Латинская Америка или исламский мир? Каждая представлена множеством государств. У них есть определенная культурная, историческая или религиозная общность. Но ее недостаточно для политической консолидации. У национальных государств внутри таких цивилизаций — разные интересы, материальные ресурсы и локальные культуры. Поскольку их культурная близость едва ли порождает консолидированную и устойчивую политическую волю, в их отношении едва ли можно говорить о суверенитете цивилизации. Он неизбежно будет привязываться именно к национальному государству. Если же цивилизация не имеет политической субъектности, то рассматривать ее в качестве актора международных отношений весьма сложно»⁸.

Во-вторых, важно понимать, что в предысторию концепта «государство-цивилизация» не так просто записать классиков цивилизационного подхода (Н.Я. Данилевский, О. Шпенглер, А. Тойнби, «Школа Анналов», Ф. Бродель, С. Хантингтон, А.С. Панарин), которые определяли цивилизацию через социокультурные характеристики, а не через описание государства (подробный анализ работ перечисленных авторов в свете концепции российской цивилизации см. [Никонов 2014; Никонов 2021]). При этом социолог П. Сорокин рассматривал цивилизации не только как культурные, но и как крупные социальные системы, отмечая существование и цивилизаций — государственных объединений [Яковец 2001]. В эту линию ложатся и исследования российской цивилизационной матрицы В.А. Никонова, который писал в книге «Российская матрица»: «Когда разрушались традиционные формы государственности, страна превращалась из субъекта в объект международной политики, становилась полем боя гражданских войн и/или интервенций, несла колоссальные человеческие жертвы, теряла огромные территории, отбрасывалась на десятки лет назад в экономическом развитии» [Никонов 2014, 8].

В этом смысле государство-цивилизацию вполне возможно рассматривать как своеобразного «собрата» национального государства, имея в виду, что речь идет о современном (а не постсовременном) модерном типе общественно-экономических, общественно-государственных, а также межгосударственных отношений. Государство-цивилизацию и государство-нацию объединяет акцент на национальный, а также культурно-ценностный суверенитет, что противопоставляет оба этих понятия глобализационной постмодерной повестке. При всем понимании, что термин «государство-нация» возник в рамках той же европейской (но неглобализационной) социогуманитарной науки, что и концепция глобализации, просто в более ранний исторический период. В целом концепцию государства-цивилизации оправдано противопоставлять концепции глобализации в большей степени, чем концепции государства-нации.

Так или иначе, цивилизационная ценностная рамка, связанная с российской государственностью на текущем этапе ее развития, ставит задачу выработать общий понятийный аппарат для гуманитарных наук. Стоит отметить, что такие попытки делались на излете существования Советского Союза, когда была инициирована реформа системы общественных наук, однако с распадом страны, как уже отмечалось выше, доминирующие позиции в области осмысления социогуманитарных дисциплин занял междисциплинарный подход (подробнее об этих попытках рубежа 1980–1990-х годов см. [Кудина и др. 2023]).

Рудименты советской системы обществоведения сохранились в наших социогуманитарных дисциплинах и сегодня. Например, в системе Российской академии наук, в которой с 1930 года существует Отделение общественных наук (ранее — Отделение гуманитарных наук), в 2002 году произошло объединение, и в это отделение были включены: Отделение философии, социологии, психологии и права, Отделение экономики, Отделение международных отношений (которое позднее было снова выведено из общественных наук). Согласно «Распоряжению Президиума

РАН» от 22 января 2007 г. № 10103-30 на первом месте в направлениях деятельности Отделения общественных наук Российской академии наук значатся «цивилизационные перемены в современной России: духовные процессы, ценности и идеалы», на втором месте идут «политические отношения в российском обществе», на третьем — «трансформация социальной структуры российского общества», на четвертом — «укрепление российской государственности». Всего перечень состоит из 14 пунктов, здесь важно зафиксировать оторванность цивилизационной проблематики от изучения и общества, и государственности, и экономических процессов (последние охватывают пункты с 6 по 9 «Распоряжения»³).

Нет соединения понятия «цивилизация» с общественными процессами, экономическими отношениями, государственностью и в УДК — универсальной десятичной классификации, к которой Советский Союз присоединился в 1962 году³. В принятой классификации «цивилизация» объединена с «культурой» и «прогрессом» (раздел 008), никак не соотносясь с общественными науками (раздел 3), историей (раздел 9), философией (раздел 2). Интересно, что отсутствующая в УДК целостность дисциплин социогуманитарного блока была вполне присуща советской системе общественных наук, при всем понимании, что эта целостность определялась идеологическими параметрами. Так, на этапе становления советской системы были созданы Социалистическая академия общественных наук (1918–1924 годы), преобразованная в Коммунистическую академию, Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук (1924–1930 годы), вошедшая в состав той же Коммунистической академии в 1930 году [Метель 2017].

В современной УДК отдельно от всех разделов социогуманитарного блока находится раздел под названием «Управление. Менеджмент» (раздел 005), от него, в свою очередь, отделено «Государственное управление» (раздел 35 УДК «Государственное административное управление. Военное дело»), в то время как в советской системе общественных наук управление рассматривалось как одна из базовых частей самой системы обществоведения в целом.

Так, несмотря на принятие в 1962 году системы УДК, вице-президент АН СССР А.М. Румянцев в 1968 году накануне создания Института научной информации по общественным наукам (сегодня — ИНИОН РАН) отмечал: «Что характерно для развития общественной науки в последнее время? Нелегко установить признаки, относящиеся ко всем ее разделам, но все же таковые, по-видимому, есть. К ним относятся... усиление (наряду с продолжающейся дифференциацией научных дисциплин и специализации) тенденции к широкому теоретическому синтезу, к комплексному исследованию социальных объектов... Важнейшее направление в общественных науках связано с разработкой теоретических основ руководства развитием социалистического общества. Хорошо известно, что эта задача, поставленная со всей остротой в последние годы нашей партией, выдвигает новые большие требования к социальным наукам. Невозможно мыслить себе укрепление научных начал управления советским обществом без теоретической разработки принципов управления применительно к нынешнему этапу нашей жизни... В последние годы советские экономисты, философы, юристы, социологи, историки уделяют большее, чем прежде, внимание изучению вопросов научного руководства социалистическим обществом. Появились интересные публикации, посвященные этой проблеме, сделаны первые шаги по применению математических методов при разработке теоретических основ системы оптимального планирования и управления народным хозяйством... Перед общественными науками стоит задача — активно включиться в разработку вопросов управления как в общетеоретическом, так и в конкретном плане, применительно к деятельности тех или иных звеньев механизма управления экономическими и

³ Отделение общественных наук Российской академии наук (ООН РАН) // РСМД [Электронный ресурс]. URL: http://ir.russiancouncil.ru/organisations/oon_ran/?ysclid=lyfwl7onwc187762459 (дата обращения: 20.05.2024).

социально-политическими процессами в нашей стране. Речь идет и об изучении всей структуры управления экономикой, руководства социальной и духовной жизнью, функционирования всей политической системы и отдельных ее звеньев, таких, как государственный аппарат, профсоюзы и другие, об оптимально эффективной организации разделения труда между всеми звеньями механизма управления в целях совершенствования этого аппарата и достижения наилучших результатов в его деятельности. В разработке этой проблемы наметилось сотрудничество между общественными и техническими науками (кибернетика и др.)» [Румянцев 1968, 5, 7, 8].

Сегодня не принято говорить об идеологии, так как это не соответствует ст. 13 Конституции Российской Федерации, однако ценностный поиск, шедший в постсоветское время и остановившийся на текущий момент на концепции государства-цивилизации, позволяет поставить вопрос о возможности использования отечественного опыта эпохи существования Советского Союза. Сошлюсь на точку зрения В.А. Никонова в отношении роли национальных ценностей для успешного существования страны: «Весь опыт мирового социально-экономического и политического развития в последние десятилетия доказывает успешность только тех моделей, которые кладут в основу национальную матрицу, на которую могут наслаиваться и чужие рецепты» [Никонов 2023, 4].

Заключение

В заключение представляется оправданным сформулировать ряд выводов. Создание новой системы общественных наук, базовой чертой которой, в сравнении с междисциплинарностью, является наличие единого понятийного аппарата, — принципиально важная задача современной российской гуманитарной науки, задача, вызванная к жизни актуализацией цивилизационной проблематики применительно к России. Цивилизационный подход, впервые возникший в эпоху формирования национальных государств в XIX – начале XX веков как теория культурно-исторических типов, но в современном варианте делающий акцент на государствах-цивилизациях, представляет собой альтернативу в осмыслении обществ и государств не столько национальным государствам эпохи модерна, сколько глобализационно-постмодернистской повестке, набравшей обороты во второй половине XX – начале XXI веков. Неслучайно само понятие «государство-цивилизация» возникло в период пика глобализационных процессов как отрицание представлений о так называемом «конце истории», становлении однополярного мирового порядка и постсовременного «сетевого общества». В свою очередь, междисциплинарный подход на теоретическом уровне был поставлен на службу процессам глобализации, чтобы объяснить новый тип общества, никак не связанный с модерным типом государственности, по этой причине теорию междисциплинарности затруднительно использовать для анализа государств-цивилизаций, включая Россию. В то же время и понятие «государство-цивилизация», и понятие «национальное государство» являются концептами, описывающими модерное государство с приоритетными для него ценностями суверенитета, национальных интересов, культурного своеобразия. Из этой перспективы советскую систему общественных наук, несмотря на то, что она существовала в контексте социалистической идеологии, можно рассматривать как востребованный сегодня отечественный опыт целостного анализа государственности и общества эпохи модерна (то есть индустриального типа общества), пришедшейся в нашей стране на период Советского Союза. Таким образом, наиболее эффективным способом разработки новой системы общественных наук будет использование советского опыта обществоведения в соединении с цивилизационным подходом как общей ценностной рамкой.

Список литературы:

- Авдеев Е.А. Глобализация в современном теоретическом дискурсе: от плюрализма к междисциплинарности // Гуманитарные и юридические исследования. 2015. № 1. С. 129–133.
- Афанасьева В.В., Анисимов Н.С. Нелинейное развитие социума: постнеклассический анализ // Власть. 2013. № 1. С. 68–71.
- Бауман З. Текучая современность. СПб.: Питер, 2008.
- Бауманн З. Национальное государство: что дальше? // Отечественные записки. 2002. № 6. С. 419–436.
- Бек У. Космополитическое мировоззрение. М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2008.
- Габдуллин Р.Р., Ильин И.В., Иванов А.В. Введение в палеоглобалистику. М.: МГУ, 2011.
- Гидденс Э. Последствия модернити // Новая постиндустриальная волна на Западе / под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. С. 101–122.
- Гидденс Э. Последствия современности. М.: Праксис, 2011.
- Гинзбург К. Мифы-эмблемы-приметы: Морфология и история. Сборник статей. М.: Новое издательство, 2004.
- Гранин Ю.Д. Глобализация, нации и национализм. История и современность. М.: Гуманитарий, 2009.
- Делёз Ж., Гваттари П.-Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010.
- Журавлева Л.А., Зарубина Е.В., Ручкин А.В., Симачкова Н.Н., Чупина И.П. Государство-цивилизация: понятие, сущность, структура // Образование и право. 2023. № 9. С. 80–88. DOI: [10.24412/2076-1503-2023-9-80-88](https://doi.org/10.24412/2076-1503-2023-9-80-88)
- Ильин И.В., Урсул А.Д. Эволюционная глобалистика (концепция эволюции глобальных процессов). М.: МГУ, 2009.
- Ионов И.Н. Новая глобальная история и постколониальный дискурс // История и современность. 2009. № 2. С. 33–60.
- Клейнер Г.Б. Междисциплинарность, системность, гармония — ориентиры развития социально-экономических исследований // Перспективы развития междисциплинарных социально-экономических и гуманитарных исследований: Доклады и выступления участников круглого стола (24 июня 2015 г., Ростов-на-Дону). Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2015. С. 12–32.
- Кравченко С.А., Салыгин В.И. Новый синтез научного знания: становление междисциплинарной науки // Социологические исследования. 2015. № 10. С. 22–30.
- Кудина М.В., Айрапетов О.Р., Ульянова Л.В., Депенян Р.А. «Искусство управлять великой страной»: к 30-летию факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова. М.: ООО Макс-Пресс, 2023.
- Лысак И.В. Междисциплинарность: преимущества и проблемы применения // Современные проблемы науки и образования. 2016. № 5. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=25376>
- Маркузе Г. Одномерный человек: исследование идеологии развитого индустриального общества. М.: REFL-book, 1994.
- Междисциплинарность в науках и философии / отв. ред. И.Т. Касавин. М.: ИФРАН, 2010.
- Междисциплинарные проблемы международных отношений в глобальном контексте / научн. ред. А.У. Альбеков, А.М. Старостин. Ростов н/Д.: Изд. полигр. комплекс РГЭУ (РИНХ), 2019.

Межуев Б., Бирюков С., Ванчугов В., Ульянова Л. Перегрузка идеологий: либеральный проект и пандемия. Уроки 2020 года // Тетради по консерватизму. 2021. № 3. С. 181–193. DOI: [10.24030/24092517-2021-0-3-181-193](https://doi.org/10.24030/24092517-2021-0-3-181-193)

Метель О.В. Социалистическая академия общественных наук: очерк истории (1918–1919 гг.) // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2017. № 1(13). С. 184–191.

Наумкин В.В. Модель не-Запада: существует ли государство-цивилизация? // Полис. Политические исследования. 2020. № 4. С. 78–93. DOI: [10.17976/jpps/2020.04.06](https://doi.org/10.17976/jpps/2020.04.06)

Никонов В.А. Задачи науки государственного и муниципального управления. К 30-летию факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2023. Т. 20. № 4. С. 3–13. DOI: [10.55959/MSU2073-2643-21-2023-4-3-13](https://doi.org/10.55959/MSU2073-2643-21-2023-4-3-13)

Никонов В.А. Российская матрица. М.: Русское слово, 2014.

Никонов В.А. Российская цивилизация. М.: Просвещение, 2021.

Погорельский Д.М. Цивилизационное измерение этнополитической безопасности Российской Федерации: теоретический аспект // Государственное управление. Электронный вестник. 2024. № 104. С. 37–46. DOI: [10.55959/MSU2070-1381-104-2024-37-46](https://doi.org/10.55959/MSU2070-1381-104-2024-37-46)

Румянцев А.М. Общественные науки в СССР и современность // Вопросы истории. 1968. № 9. С. 3–15.

Слука Н.А. Градоцентрическая модель мирового хозяйства. М.: Пресс-Соло, 2005.

Спиридонова В.И. «Цивилизационное государство» как вызов однополярной глобализации // Век глобализации. 2022. № 1(41). С. 29–41. DOI: [10.30884/vglob/2022.01.02](https://doi.org/10.30884/vglob/2022.01.02)

Спиридонова В.И., Соколова Р.И., Шевченко В.Н. Россия как государство-цивилизация: философско-политический анализ. М.: ИФ РАН, 2016.

Тьюн Г. Глобализация и местная демократия: вызов демократическому управлению в урбанистическом мире // Социология. 2011. № 3. С. 13–23.

Ульянова Л.В. Политическая полиция и либеральное движение в Российской империи. 1880–1905. СПб: Алетейя, 2020.

Ульянова Л.В. Постмодернизм и ценностный кризис европейской исторической науки // Тетради по консерватизму. 2015. № 3. С. 59–72.

Урсул А.Д. Глобалистика и глобализационные исследования: становление новых интегративных направлений // Философская мысль. 2018. № 4. С. 17–29.

Фишман Л.Г. Хвост Модерна. Объективные потребности российской политики и риски цивилизационного подхода // Россия в глобальной политике. 2024. Т. 22. № 4. С. 172–181. DOI: [10.31278/1810-6439-2024-22-4-172-181](https://doi.org/10.31278/1810-6439-2024-22-4-172-181)

Фуко М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы. М.: Изд-во «Ad Marginem», 1999.

Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: А-сэд, 1994.

Чешков М.А. Современный мир как целое (идея эпистемологического поворота) // Мировая экономика и международные отношения. 2008. № 11. С. 99–106.

Яковец Ю.В. Глобализация и взаимодействие цивилизаций. М.: Экономика, 2003.

Bell D. The World and the United States in 2013 // Daedalus. 1987. Vol. 116. Is. 3. P. 1–31.

Castells M. The City and Grassroots. A Cross-Cultural Theory of Urban Social Movement. L.A.: University of California Press, 1983.

- Castells M. *The Information Age: Economy, Society and Culture. The Rise of the Network Society*. Oxford: Wiley Blackwell, 2009.
- Castells M. *The Informational City: Information Technology, Economic Restructuring, and the Urban-Regional Process*. Oxford: Blackwell Publishing Ltd., 1989.
- Castells M. *The Rise of Network Society*. Oxford: Blackwell Publishing Ltd., 1996.
- Friedmann J. The World City Hypothesis // *Development and Change*. 1986. Vol. 17. P. 69–83.
- Khanna P. *Connectography: Mapping the Future of Global Civilization*. New York: Random House, 2016.
- Latour B. *Pandora's Hope. Essays on the Reality of Science Studies*. Cambridge: Harvard University Press, 1999.
- Sassen S. *Territory, Authority, Rights: From Medieval to Global Assemblages*. Princeton: Princeton University Press, 2006.
- Sassen S. *The Global City: New York, London, Tokyo*. Princeton: Princeton University Press, 1991.
- Social Relations and Spatial Structures* / ed. by D. Gregory, J. Urry. London: Macmillan, 1985.
- Taylor P.J. *World Cities and Territorial States: The Rise and Fall of Their Mutuality* // *World Cities in a World System* / ed. by P.L. Knox, P.J. Taylor. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. P. 48–62.
- Urry J. *Sociology beyond Societies. Mobilities for the Twenty-First Century*. London; New York: Routledge, 2000.
- Waters M. *Globalization*. London; New York: Routledge, 1996.

References:

- Afanas'yeva V.V., Anisimov N.S. (2013) Nelineynoye razvitiye sotsiuma: postneklassicheskiy analiz [Nonlinear development of society: post-non-classical analysis]. *Vlast'*. No. 1. P. 68–71.
- Al'bekov A.U., Starostin A.M. (eds.) (2019) *Mezhdistsiplinarnyye problemy mezhdunarodnykh otnosheniy v global'nom kontekste* [Interdisciplinary problems of international relations in a global context]. Rostov n/D.: Izd. poligr. kompleks RG-EU (RINKh).
- Avdeev E.A. (2015) Globalization in the Modern Theoretical Discourse: From Pluralism to Interdisciplinarity. *Gumanitarnyye i yuridicheskiye issledovaniya*. No. 1. P. 129–133.
- Bauman Z. (2008) *Liquid Modernity*. Saint Petersburg: Piter.
- Baumann Z. (2002) Natsional'noye gosudarstvo: chto dal'she? [The National State: what's next?]. *Otechestvennyye zapiski*. No. 6. P. 419–436.
- Beck U. (2008) *Cosmopolitan Vision*. Moscow: Tsentr issledovaniy postindustrial'nogo obshchestva.
- Bell D. (1987) The World and the United States in 2013. *Daedalus*. Vol. 116. Is. 3. P. 1–31.
- Castells M. (1983) *The City and Grassroots. A Cross-Cultural Theory of Urban Social Movement*. L.A.: University of California Press.
- Castells M. (1989) *The Informational City: Information Technology, Economic Restructuring, and the Urban-Regional Process*. Oxford: Blackwell Publishing Ltd.
- Castells M. (1996) *The Rise of Network Society*. Oxford: Oxford Blackwell Publishing Ltd.
- Castells M. (2009) *The Information Age: Economy, Society and Culture. The Rise of the Network Society*. Oxford: Wiley Blackwell.
- Cheshkov M.A. (2008) Sovremennyy mir kak tseloye (ideya epistemologicheskogo povorota) [The modern world as a whole (the idea of an epistemological turn)]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. No. 11. P. 99–106.

- Deleuze G., Guattari P-F. (2010) *Mille plateaux*. Ekaterinburg: U-Faktoriya; Moscow: Astrel'.
- Fishman L.G. (2024) Khvost Moderna. Ob"yektivnyye potrebnosti rossiyskoy politii i riski tsvilizatsionnogo podkhoda [The tail of modernity. The objective needs of Russian politics and the risks of a civilizational approach]. *Rossiya v global'noy politike*. Vol. 22. No. 4. P. 172–181. DOI: [10.31278/1810-6439-2024-22-4-172-181](https://doi.org/10.31278/1810-6439-2024-22-4-172-181)
- Foucault M. (1994) *Les mots et les choses. Une archeologie des sciences humaines*. Saint Petersburg: A-cad.
- Foucault M. (1999) *Surveiller et punir: Naissance de la Prison*. Moscow.: Izd-vo "Ad Marginem".
- Friedmann J. (1986) The World City Hypothesis. *Development and Change*. Vol. 17. P. 69–83.
- Gabdullin R.R., Il'in I.V., Ivanov A.V. (2011) *Vvedenie v paleoglobalistiku* [Introduction to paleoglobalistics]. Moscow: MGU.
- Giddens E. (1999) The Consequences of Modernity. In: Inozemtsev V.L. (ed.) *Novaya postindustrial'naya volna na Zapade*. Moscow: Academia. P. 101–122.
- Giddens E. (2011) *The Consequences of Modernity*. Moscow: Praxis.
- Ginzburg K. (2004) *Miti emblemi spie morfologia e storia*. Moscow: Novoe izdatel'stvo.
- Granin Yu.D. (2009) *Globalizatsiya, natsii i natsionalizm. Istoriya i sovremennost'* [Globalization, nations and nationalism. History and modernity]. Moscow: Gumanitariy.
- Gregory D., Urry J. (eds.) (1985) *Social Relations and Spatial Structures*. London: Macmillan.
- Il'in I.V., Ursul A.D. (2009) *Evolyutsionnaya globalistika (kontseptsiya evolyutsii global'nykh protsessov)* [Evolutionary globalism (the concept of the evolution of global processes)]. Moscow: MGU.
- Ionov I.N. (2009) Novaya global'naya istoriya i postkolonial'nyy diskurs [New global history and postcolonial discourse]. *Istoriya i sovremennost'*. No. 2. P. 33–60.
- Kasavin I.T. (ed.) (2010) *Mezhdistsiplinarnost' v naukakh i filosofii* [Interdisciplinarity in sciences and philosophy]. Moscow: IFRAN.
- Khanna P. (2016) *Connectography: Mapping the Future of Global Civilization*. New York: Random House.
- Kleiner G.B. (2015) Mezhdistsiplinarnost', sistemnost', garmoniya — oriyentiry razvitiya sotsial'no-ekonomicheskikh issledovaniy [Interdisciplinarity, consistency, harmony — guidelines for the development of socio-economic research]. *Perspektivy razvitiya mezhdistsiplinarnykh sotsial'no-ekonomicheskikh i gumanitarnykh issledovaniy: Doklady i vystupleniya uchastnikov kruglogo stola (June 24, 2015, Rostov-na-Donu)*. Rostov-na-Donu: Izd-vo YuFU. P. 12–32.
- Kravchenko S.A., Salygin V.I. (2015) A New Synthesis of Scientific Knowledge: The Making of Interdisciplinary Science. *Sociologicheskie issledovaniya*. No. 10. P. 22–30.
- Kudina M.V., Ayrapetov O.R., Ul'yanova L.V., Depelyan R.A. (2023) "Iskusstvo upravlyat' velikoy stranoy»: k 30-letiyu fakul'teta gosudarstvennogo upravleniya MGU imeni M.V. Lomonosova" ["The art of governing a great country": on the 30th anniversary of the School of Public Administration of Lomonosov Moscow State University"]. Moscow: OOO Maks-Press.
- Latour B. (1999) *Pandora's Hope. Essays on the Reality of Science Studies*. Cambridge: Harvard University Press.
- Lysak I.V. (2016) Interdisciplinarity: Advantages and Problems of Application. *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya*. No. 5. Available at: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=25376>
- Marcuze H. (1994) *One-Dimensional Man*. Moscow: PEFL-book.
- Metel O.V. (2017) The Socialist Academy of Social Sciences: Essay of the History (1918–1919). *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Istoricheskie nauki"*. No. 1(13). P. 184–191.

- Mezhuev B., Biryukov S., Vanchugov V., Ulyanova L. (2021) Ideology Restart: Liberal Project and Pandemic. Lessons of 2020. *Tetradi po konservatizmu*. No. 3. P. 181–193. DOI: [10.24030/24092517-2021-0-3-181-193](https://doi.org/10.24030/24092517-2021-0-3-181-193)
- Naumkin V.V. (2020) Non-West Model: Does the Civilization-State Exist? *Polis. Politicheskie issledovaniya*. No. 4. P. 78–93. DOI: [10.17976/jpps/2020.04.06](https://doi.org/10.17976/jpps/2020.04.06)
- Nikonov V.A. (2014) *Rossiyskaya matritsa* [Russian matrix]. Moscow: *Russkoe slovo*.
- Nikonov V.A. (2021) *Rossiyskaya tsivilizatsiya* [Russian civilization]. Moscow: Prosveshhenie.
- Nikonov V.A. (2023) Objectives of the Science of Public Administration. To the 30th Anniversary of the School of Public Administration of Lomonosov Moscow State University. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 21. Upravlenie (gosudarstvo i obshchestvo)*. Vol. 20. No. 4. P. 3–13. DOI: [10.55959/MSU2073-2643-21-2023-4-3-13](https://doi.org/10.55959/MSU2073-2643-21-2023-4-3-13)
- Pogorelskiy D.M. (2024) Civilizational Dimension of Russia's Ethnopolitical Security. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 104. P. 37–46. DOI: [10.55959/MSU2070-1381-104-2024-37-46](https://doi.org/10.55959/MSU2070-1381-104-2024-37-46)
- Rumyantsev A.M. (1968) *Obshchestvennyye nauki v SSSR i sovremennost'* [Social Sciences in the USSR and modernity]. *Voprosy istorii*. No. 9. P. 3–15.
- Sassen S. (1991) *The Global City: New York, London, Tokyo*. Princeton: Princeton University Press.
- Sassen S. (2006) *Territory, Authority, Rights: From Medieval to Global Assemblages*. Princeton: Princeton University Press.
- Sluka N.A. (2005) *Gradotsentricheskaya model' mirovogo khozyaystva* [The urban-centric model of the world economy]. Moscow: Press-Solo.
- Spiridonova V.I. (2022) 'Civilizational State' as a Challenge to Unipolar Globalization. *Vek globalizatsii*. No. 1(41). P. 29–41. DOI: [10.30884/vglob/2022.01.02](https://doi.org/10.30884/vglob/2022.01.02)
- Spiridonova V.I., Sokolova R.I., Shevchenko V.N. (2016) *Rossiya kak gosudarstvo-tsivilizatsiya: filosofsko-politicheskiy analiz* [Russia as a civilizational state: A philosophical and political analysis]. Moscow: IF RAN.
- Taylor P.J. (1995) World Cities and Territorial States: The Rise and Fall of Their Mutuality. In: P.L. Knox, P.J. Taylor (eds.) *World Cities in a World System*. Cambridge: Cambridge University Press. P. 48–62.
- Teune H. (2011) Globalization and Local Democracy: The Challenge of Democratic Governance in an Urban World. *Sociologiya*. No. 3. P. 13–23.
- Ulyanova L.V. (2015) Postmodernizm i tsennostnyy krizis evropeyskoy istoricheskoy nauki [Postmodernism and the value crisis of European historical science]. *Tetradi po konservatizmu*. No. 3. P. 59–72.
- Ulyanova L.V. (2020) *Politicheskaya politziya i liberal'noye dvizheniye v Rossiyskoy imperii. 1880–1905* [Political police and the liberal movement in the Russian Empire. 1880–1905]. Saint Petersburg: Aletyya.
- Urry J. (2000) *Sociology beyond Societies. Mobilities for the Twenty-First Century*. London; New York: Routledge.
- Ursul A.D. (2018) Globalistika i globalizatsionnyye issledovaniya: ctanovleniye novykh integrativnykh napravleniy [Globalistics and globalization studies: The formation of new integrative directions]. *Filosofskaya mysl'*. No. 4. P. 17–29.
- Waters M. (1996) *Globalization*. London; New York: Routledge.
- Yakovets Yu.V. (2003) *Globalizatsiya i vzaimodeystviye tsivilizatsiy* [Globalization and interaction of civilizations]. Moscow: Ekonomika.
- Zhuravleva L.A., Zarubina E.V., Ruchkin A.V., Simachkova N.N., Chupina I.P. (2023) STATE-Civilization: Concept, Essence, Structure. *Obrazovanie i pravo*. No. 9. P. 80–88. DOI: [10.24412/2076-1503-2023-9-80-88](https://doi.org/10.24412/2076-1503-2023-9-80-88)

Дата поступления/Received: 30.05.2024

Цивилизация перед лицом социологии

Федоров Валерий Валерьевич

Кандидат политических наук, профессор, заведующий кафедрой Всероссийского центра изучения общественного мнения ВШЭ, генеральный директор ВЦИОМ, SPIN-код РИНЦ: 8419-3106, ORCID: 0000-0001-6407-543X, web@wciom.com

НИУ «Высшая школа экономики»; ВЦИОМ, Москва, РФ.

Аннотация

Статья представляет собой краткий обзор концепций, существующих в социологической науке с момента ее возникновения и до настоящего времени и касающихся цивилизационной проблематики. Особенности данной отрасли знания, возникшей в ходе Великой промышленной революции, в эпоху формирования государств-наций, привели к тому, что длительное время социологи не использовали цивилизационный подход, господствовало представление о цивилизации как определенном этапе развития общества, противостоящем «варварству», как в эпоху Просвещения (Ф. Гизо), так и в XX веке (Н. Элиас). В то же время возможно выделить определенное отношение к цивилизационной проблематике и в марксизме, и в альтернативном ему подходе, который автор называет технологическим (Д. Белл, О. Тофлер с примыкающим к ним Дж. Гелбрейтом), и в концепции мир-системы И. Валлерстайна, и в геоэкономике Ф. Броделя. В статье анализируется вклад в социологию цивилизаций классиков цивилизационного подхода (Н.Я. Данилевский, О. Шпенглер, А. Тойнби, П. Сорокин). Отдельное внимание уделено «цивилизационному повороту» в социологии в 1970-е годы, в первую очередь связанному с трудами Ш. Эйзенштадта и продолженному в начале XXI века Й. Аронсоном, а также понятию «российская цивилизация» в работах социологов Д. Нильсена и И. Яковенко. В статье ставятся теоретические вопросы к цивилизационному подходу с точки зрения социологической перспективы: в первую очередь научные возможности выделить специфически культурно-ценностные ядра различных цивилизаций, включая российскую; определить российскую цивилизацию в отношении к концептам восточно-христианской цивилизации и советской цивилизации, а также степень ее универсализма и автаркизма.

Ключевые слова

Просвещение, марксизм, мир-система, цивилизационный поворот в социологии, цивилизационный подход, культурно-ценностное ядро, российская цивилизация.

Для цитирования

Федоров В.В. Цивилизация перед лицом социологии // Государственное управление. Электронный вестник. 2024. №104(S). С. 113-122. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-104(S)-2024-113-122

Civilization in the Face of Sociology

Valery V. Fedorov

PhD, Professor, Head of the Department of the All-Russian Center for the Study of Public Opinion at the Higher School of Economics, General Director of VCIOM, ORCID: 0000-0001-6407-543X, web@wciom.com

HSE University; VCIOM (Russian Public Opinion Research Center), Moscow, Russian Federation.

Abstract

The article is a brief overview of the concepts that exist in sociological science from the moment of its inception to the present and related to civilizational issues. The peculiarities of this branch of knowledge, which arose during the Great Industrial Revolution, in the era of the formation of nation-states, led to the fact that for a long time sociologists did not use a civilizational approach, the idea of civilization prevailed as a certain stage in the development of society, opposing “barbarism”, in the age of Enlightenment (F. Guizot), and in the twentieth century (N. Elias). At the same time, it is possible to identify a certain attitude to civilizational issues in Marxism, and in an alternative approach to it, which the author calls technological (D. Bell, O. Tofler with J. Gelbraith adjacent to them), and in the concept of the “world-system” by I. Wallerstein, and in geo-economics by F. Braudel. The article analyzes the contribution to the sociology of civilizations of the classics of the civilizational approach (N.Y. Danilevsky, O. Spengler, A. Toynbee, P. Sorokin). Special attention is paid to the “civilizational turn” in sociology in the 1970s, primarily related to the works of Sh. Eisenstadt and continued at the beginning of the XXI century by Aronson, as well as the concept of Russian civilization in the works of sociologists D. Nielsen and I. Yakovenko. The article raises theoretical questions about the civilizational approach from a sociological perspective, first of all, the scientific possibilities to identify specifically cultural and value cores of various civilizations, including Russian, to define Russian civilization in relation to the concepts of Eastern Christian civilization and Soviet civilization, as well as the degree of its universalism and autarkism.

Keywords

Enlightenment, Marxism, world-system, civilizational turn in sociology, civilizational approach, cultural and value core, Russian civilization.

For citation

Fedorov V.V. (2024) Civilization in the Face of Sociology. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 104(S). P. 113-122. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-104(S)-2024-113-122

Введение

Недавнее внесение в официальные доктринальные документы РФ понятия «государство-цивилизация»¹ стимулировало новый виток дискуссии о том, что такое цивилизация, чем она не является, как отличать одни цивилизации от других и т. д. Настоящая статья представляет собой краткий обзор основных концепций цивилизации, циркулирующих в рамках социологии как научной дисциплины, и ставит некоторые вопросы к дальнейшему обсуждению.

Прежде всего стоит отметить, что концепту цивилизации в социологии не очень повезло. Эта наука, рожденная в ходе Великой промышленной революции, фокусировалась преимущественно на изучении процессов становления индустриального образа и шире современности, которые, в свою очередь, происходили в контексте формирования и развития государства-нации. Именно такой тип государственности стал золотым стандартом современности, тогда как другие ее формы (империя, к примеру) рассматривались как архаичные и отжившие. Формы международного сотрудничества, взаимодействия и противоборства мыслились в основном как межгосударственные. Цивилизация в подобном контексте возникала лишь изредка, в основном как категория, обобщающая достижения передовых государств-наций и обосновывающая их право на лидерство и даже порабощение остального мира.

Классические подходы к концепции цивилизации

Классический подход к понятию цивилизации сформировался во Франции во времена Просвещения XVIII в.: «Цивилизация есть смягчение нравов, учтивость, вежливость и знания, распространяемые для того, чтобы соблюдать правила приличий и чтобы эти правила играли роль законов общежития» [Eisenstadt 2003, 46–49]. Развивая этот подход, Ф. Гизо утверждал, что «сущность цивилизации заключается... в развитии строя общественного и развитии строя интеллектуального; в улучшении внешнего, общего положения и в улучшении внутренней, личной природы человека» [Гизо, 2006, 20]². Получил распространение такой способ осмысления цивилизации, как описание процесса ее развития в отдельных странах.

В социологии XX в. классический подход возобновил и развил Н. Элиас. Для него в историческом процессе основную роль играло культурное развитие, а не экономическое или политическое, именно культура была главным объектом его исследований. В работе «О процессе цивилизации» Элиас рассматривает постепенное становление и развитие цивилизации в средневековой Европе. На ранних стадиях развития цивилизации, считает он, люди могли существовать, будучи мало зависимы друг от друга. Затем началось постепенное удлинение и усложнение цепочек взаимозависимости людей. Это приводило к наложению запретов на импульсивные проявления человеческой природы. Таким образом, процесс цивилизации, по Элиасу, есть постепенное увеличение самоконтроля, самоограничений, с одной стороны, и возрастание зависимости от социальной действительности, с другой. Главную особенность западной цивилизации и основание ее преимущества перед всеми остальными ученый видел в этом культе самоконтроля. Его истоки якобы лежат в придворном аристократизме, откуда он, в свою очередь, распространялся на другие классы и сословия [Элиас 2001].

Социально-экономический подход к цивилизации обязан своим появлением К. Марксу и особенно Ф. Энгельсу. Для них цивилизация есть «надстройка» над способом производства. Тип экономики порождает богатство, технологии и образ жизни, определяющие цивилизацию. Была выделена триада: дикость — варварство — цивилизация. Все три формы носят антагонистический

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г. № 229) // МИД РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/?lang=ru> (дата обращения: 20.04.2024).

² См. также: Mirabeau V.R. L'Ami des hommes, ou Traité de la Population. 6 vol. Hambourg: Chretien Hérold, 1756–1762.

характер, каждой соответствует своя форма порабощения (рабство, крепостничество, наемный труд). Капитализм создает современное общество, основанное на науке, светское, экономически развитое, демократическое и социально прогрессивное. По мнению классиков марксизма, не может существовать «национальной» цивилизации, поскольку цивилизацию образуют классы с соответствующими способами производства [Маркс 1959; Маркс, Энгельс 1955; Энгельс 2019]. Таким образом, мы имеем капиталистическую цивилизацию, а впереди должна возникнуть цивилизация социалистическая, где не будет эксплуатации человека человеком.

В противовес классовому подходу марксистов буржуазная социология XX века предложила технологический. В нем цивилизация связывается с интенсивным развитием машинной индустрии, что позволяет говорить об индустриальной цивилизации. В результате Промышленной революции на Западе возникает и затем охватывает весь мир индустриальная цивилизация, которая позже развивается в сверхиндустриальную, постиндустриальную или даже информационную. Этот подход развивают Д. Белл и О. Тоффлер [Белл 1999; Тоффлер 2010], к ним примыкает со своей теорией конвергенции Дж. Гэлбрейт [Гэлбрейт, Меньшиков 1998]. В качестве признаков индустриальной цивилизации Белл, к примеру, выделяет столь разнообразные явления, как демографическая революция, диффузия власти, высокоразвитое разделение труда, примат ценностей трудолюбия, прогресс науки, универсальное право, глобализация, меритократия, обезличивание коммуникаций, интернационализация [Белл 1999]. Тоффлер предлагает трехстадийную модель развития цивилизации: аграрная (рабство и феодализм) — индустриальная (капитализм) — постиндустриальная (информационная); его основные книги посвящены описанию тех трансформаций, которые различные сферы нашей жизни переживают по мере перехода от одной цивилизации к другой [Тоффлер 2010].

Мир-системный подход к цивилизации в социологии второй половины XX века связывается с именем Иммануила Валлерстайна [Валлерстайн 2006; Валлерстайн 2008]. Главный концепт Валлерстайна — мир-система. Мир-системы бывают двух типов: мир-империя и мир-экономика. Нынешняя мир-система, сформированная в XVI веке, — это глобальная мир-экономика, которую не удалось поглотить ни одной мир-империи. Она носит капиталистический характер, а значит, можно говорить о капиталистической цивилизации. Валлерстайн определяет цивилизацию как уникальную комбинацию традиций, общественных структур и культуры, которая формирует ту или иную историческую целостность. Она включает разнородные культурные и экономические элементы, занимающие разные места (ядро / полупериферия / периферия). Мир-система построена на накоплении капитала путем эксплуатации человека человеком, а слабых периферийных стран — сильными центральными. Внутри мир-системы сменяются циклы гегемонии, в ходе которых один гегемон уступает место другому. Возможно, капиталистическая цивилизация в перспективе переродится в универсальную, а может быть, напротив, образует симфонию конкурирующих цивилизаций.

Концепция множественных цивилизаций

Все это, если так можно выразиться, «вертикальные» модели цивилизации, предполагающие, что цивилизации сменяют одна другую в результате изменений разного рода, причем все они носят широкий, зачастую планетарный характер. Параллельно с середины XIX века в науке развивается альтернативный подход, который можно назвать «горизонтальным». Он утверждает существование на Земле в одно и то же время различных цивилизаций, локализуемых на разных географических, культурных и исторических пространствах. Родоначальником концепции множественных цивилизаций принято считать Н.Я. Данилевского, разработавшего теорию

культурно-исторических типов, лежащих в основе различных цивилизаций. С рождением и смертью этих типов Данилевский связывал существование самобытных цивилизаций. Каждая цивилизация, с его точки зрения, исторически и культурно суверенна. По мере созревания цивилизация делает решающий вклад в общечеловеческое развитие, избирая для этого ту или иную сферу жизни общества (религия, искусство, экономика, политика) [Данилевский 2000]. Дав таким образом ценный плод, цивилизация еще долго может существовать, не принося ничего ценного. Данилевский также создал первый список существующих и мертвых цивилизаций, открыв тем самым «соревнование» за самое точное и полное отражение тех стран и народов, которые имеют право называться цивилизациями.

В начале XX века цивилизационные идеи Данилевского развил О. Шпенглер. Он фокусируется на выделении смысловых ядер, отделяющих одну цивилизацию от другой (в его терминологии — великую культуру). Это ядро — особый способ восприятия пространства, определяющий стиль культуры во всем, что она создает, от архитектуры до математики. Даже в царстве науки все определяется «культурной оптикой». Прасимволом античной культуры Шпенглер считает идеальное скульптурное тело, западной культуры — устремление в бесконечное, характерное для фаустовой души, русской культуры — бесконечную равнину. Судьба каждой культуры подчиняется циклу (творческая ранняя фаза — собственно культура, поздняя упадочная фаза — цивилизация) [Шпенглер 2022].

Новый этап в изучении культурно-исторических типов связан с творчеством А. Тойнби. Он конкретизировал схему развития цивилизации (рост — надлом — распад), связал ее возникновение с внешним (природным или рукотворным) вызовом, на который необходимо ответить. Этот ответ, уникальный в своем роде, вырабатывает творческое меньшинство, тем самым формируя новую цивилизацию. Каждая цивилизация стремится создать свое универсальное «мировое государство» (империю) и универсальную же церковь. Однако со временем, утрачивая энергию и лидерство, творческое меньшинство теряет контроль над низшими классами («внутренний пролетариат») и внешними врагами («варварами»), и те постепенно уничтожают цивилизацию. Ее наследие, однако, может быть усвоено другими цивилизациями. Так произошло с Россией, усвоившей наследие Византии. Уникальность самой российской цивилизации Тойнби видит в том, что это оседлая цивилизация на границе агрессивной Степи, сумевшая выжить, сохранить веру и в конце концов — впервые в мировой истории! — завоевать и надежно взять под контроль Степь [Тойнби 1991].

Почти одновременно с Тойнби свой вариант концепции множественных цивилизаций (в его терминологии — «культурных суперсистем») предложил П. Сорокин. В основе каждой суперсистемы он видел некий основополагающий принцип и главную ценность, которая пронизывает все составные части этой культуры. Все культуры ученый разделил на три типа: идеациональный (идейный или религиозный), чувственный, идеалистический (интегральный). Один тип циклически сменяет другой по мере исторического развития: постепенно идеациональные (более высокие) культуры сменяются более низкими — чувственными (потребительскими), таков, по Сорокину, «основной закон истории». Русской цивилизации присущ идеациональный тип, западноевропейской цивилизации начиная с Ренессанса — чувственный. Наиболее продуктивный тип культуры социолог видел в сбалансированном, взаимно уравновешивающем сочетании идейных, религиозных и чувственных ориентаций (идеалистический тип) [Сорокин 2006].

Еще один научный титан XX века — Фернан Бродель углубленно изучал геоэкономический аспект цивилизаций. Каждая из них, считал он, формирует собственную специфичную мир-экономику, контролируя определенную географическую зону и формируя собственный тип хозяйства и стиль жизни. «Материальная цивилизация» создает уникальную «структуру повседневности». Она характеризуется не только интенсивными внешними заимствованиями,

но и отказом от них в некоторых случаях. На примере гибели Византии он показывает, что для цивилизации иногда важнее сохранить себя в идейно-культурной неприкосновенности, даже если заплатить за это придется своим существованием, чем позаимствовать что-то принципиально чуждое ради выживания. Именно такой выбор сделали византийцы, отказавшись от религиозной унии с католическим Западом и решив лучше потерять свое государство, чем изменить православной вере (составлявшей суть их цивилизации). Бродель также вводит квантор темпоральности, сопоставляя различные человеческие общности с быстрым / медленным временем. В этой схеме именно цивилизации живут в наиболее долгом времени, а значит, медленнее всего меняются, но и наиболее сложны для изучения [Бродель 2023].

Концепция цивилизации в социологии

«Цивилизационный поворот» в социологии намечается в 1970-е гг. и связан прежде всего с именем Шм. Эйзенштадта [Eisenstadt 1993; Eisenstadt 1998; Eisenstadt 2001; Eisenstadt 2003]. Он отталкивался от идей Э. Дюркгейма и М. Мосса [Durkheim, Mauss 1971], рассматривавших цивилизации как «семейства обществ», широкомасштабные и долговременные формации, охватывающие несколько «взаимосвязанных политических тел». Эйзенштадт противопоставил цивилизационный анализ теориям «линейной модернизации», предполагавшим, что всем странам и народам предстоит пройти в истории один и тот же путь, просто одни это делают раньше, а другие — позже. Но ему не близка и идея существования замкнутых локальных цивилизаций. Ученый говорит о «множественном модерне», подразумевая, что есть множество путей к современности.

Наиболее интересные аспекты «цивилизационного поворота» в социологии связаны с отказом от устоявшейся дихотомии «традиционность — модерность». Различные цивилизации интенсивно взаимодействуют друг с другом и ищут собственные пути, причудливо комбинируя элементы старого и нового, локального и универсального. Акцент здесь делается не на системность / структурность конкретной цивилизации, а наоборот, на случайность, амбивалентность и антиномичность ее культурных предпосылок. Можно сказать, тут господствуют «три К: комбинация, констелляция, конфигурация». К ним добавляются контингентность, противоречивость, вариативность, изменчивость, контекстуальность, открытость как неотъемлемые черты цивилизаций. Стабильные и доминирующие культурные модели (ортодоксии) в этой модели явно уступают место гетеродоксальным.

Само цивилизационное измерение общества возникает как связь культурной интерпретации мира (онтологических космологических видений) и сфер (арен) социальной жизни. Цивилизации, по Эйзенштадту, стремятся к реконструкции мира с точки зрения должного, развивают экспансию, внутренне способны к трансформации. Цивилизации не замкнуты, не самодостаточны, не гомогенны. Они образуют комплексы со своим центром и периферией, напряжением и противоречиями, меж- и трансцивилизационными взаимодействиями.

Самая глубокая трансформация произошла в западнохристианской цивилизации, что привело к возникновению нового типа цивилизации — модерности. Ее главная особенность — культурная ориентация на человеческую автономию. Модерн изменяется вследствие рефлексии внутренних напряжений, противоречий и интерпретации нового опыта. Антиномии модерности — конфликтующие интерпретации общих культурных оснований: индивидуализм — коллективизм, тотальность — плюрализм, рационализм — иррационализм. Их репрезентируют конкурирующие политико-идеологические программы. Но модерность — это не универсальная цивилизация, а набор множественных конфигураций. Скажем, есть сильно отличающиеся североамериканская и латиноамериканская версии модерна (культурные основания первой заложены протестантизмом, второй — католической контрреформацией).

Человеческое существование фундаментально неопределенно и проходит в непрерывном конструировании социального и культурного порядков. Разнообразие культурных и институциональных форм модерна в этой связи неизбежно. Культурные ориентации цивилизаций и модерна не программируют институциональное устройство обществ, а скорее формируют общую культурную проблематику, предполагающую множественность интерпретаций. Акцент — на цивилизационные трансформации, прорывы, инновации и роль междисциплинарных взаимодействий. Культура — это не застывшая целостность, а констелляция. Креативность социального действия и влияние случайных событий могут скорректировать цивилизационные траектории. Культура характеризуется как способностью поддерживать порядок, так и менять, обновлять его [Eisenstadt 1993; Eisenstadt 1998; Eisenstadt 2001; Eisenstadt 2003].

В наши дни подходы Эйзенштадта развивает Й. Арнасон. Он делает акцент на междисциплинарном взаимодействии. Отношения Запада с другими цивилизациями включают взаимодействие местных и западных традиций, различных версий модерна и контрмодерна (в том числе тоталитаризм). Российская цивилизация, по его мнению, сочетает периферийность по отношению к Западу с некоторыми чертами особой цивилизации. Для нас характерно соединение отрицания западного модерна одновременно с претензией на то, чтобы его превзойти. Другая важная характеристика — идеализация транснациональной империи византийского типа, со своей исторической миссией и иммунитетом к национализму. Постсоветская трансформация, в «оптике» Арнасона, — это не импорт культурной модели или эндогенное преобразование, а новая стадия взаимодействия российской и западной цивилизаций [Арнасон 2021].

Таким образом, сегодняшний социологический мейнстрим в совокупности описывает цивилизации следующим образом:

- 1) цивилизация рассматривается как высший уровень культурно-ценностной консолидации. Это общность, построенная вокруг ценностей, а не религии, культуры, этноса, расы, языка;
- 2) главный критерий цивилизации — наличие специфического набора трансцендентных представлений о бытии, времени, смысле жизни, соотносящих практику с Абсолютом;
- 3) цивилизацию можно определить как процесс поддержания универсальной картины мира, наднациональной идентичности и жизненного порядка в локализованной социальной общности на основе общих ценностей;
- 4) в отличие от государственных, границы цивилизации расплывчаты и подвижны. Выделяются ядра, периферия и транзитные зоны цивилизаций;
- 5) у цивилизаций могут быть осевые или стержневые государства;
- 6) возможны стратегические цивилизационные проекты (в российском случае это проекты вселенской православной монархии, панславизма и евразийства).
- 7) возможны три варианта развития цивилизаций: растворение (смена идентичности, крах и превращение в субстрат для новых цивилизаций), столкновение и трансформация (см, например, [Окара 2008]).

Обсуждение и выводы

Научные дискуссии, идущие вокруг понятия цивилизации, можно сгруппировать в три основных вопроса.

Во-первых, цивилизация — это реальное образование или номинальное? Мы действительно можем выделить специфически культурно-ценностные ядра различных цивилизаций, проследить историю их трансформации и подтвердить факты их высокой сохранности на длительных

промежутках времени и значительного влияния на разные стороны жизни стран и обществ? Или же мы только постулируем существование цивилизаций, пытаясь соединить то, что на самом деле различно, и разделить то, что органически взаимосвязано?

Второй вопрос связан с цивилизационными трансформациями. Цивилизация — это относительно неизменный культурно-исторический тип или живой процесс? Так, И. Валлерстайн в свое время в небольшом эссе под названием «Существует ли в действительности Индия?» предлагает поразмышлять, что было бы, если англичане в XVIII веке не смогли уничтожить французское влияние на Индийском субконтиненте. В этом случае сегодня он был бы, скорее всего, разделен на два больших государства — условно Хиндустан и Дравидию. Каждое из них упорно обосновывало бы собственную независимость, отыскивая в своих верованиях, культуре и истории прежде всего уникальные черты, противопоставляющие одну страну другой. Таким образом, мы говорили бы сегодня не о единой великой индийской цивилизации, а о двух различных цивилизациях!

Индия, как и другие государства, напоминает И. Валлерстайн, является порождением капиталистической цивилизации, которой для функционирования необходимо было разделить весь мир на национальные государства или хотя бы колонии. И какие конкретно границы получило каждое из них, было совершенно не predetermined, это зависело от множества исторических случайностей. И, будучи однажды созданными, эти государства старательно обосновывают правильность и необходимость своего существования именно в таких границах, ставя себе на службу любые идейные и культурные конструкции. Цивилизации — не исключение [Валлерстайн 2006].

Третья группа вопросов связана с границами цивилизаций и возможностью их изменения. Известно, что цивилизации часто бывают разделены геополитически, между враждующими лагерями и блоками государств. Яркий пример — разделенные в эпоху холодной войны Германия и Корея. В настоящее время наблюдается высокая цивилизационная динамика на руинах советской цивилизации, где сформировалось три вектора движения: западноевропейский (страны Прибалтики), восточноевропейский (Россия, Белоруссия) и среднеазиатский (Казахстан и страны Центральной Азии). Острая борьба идет за Украину, Молдавию и страны Закавказья. Геополитические подвижки продолжаются, но возможна ли — и до каких пределов — смена цивилизационной принадлежности? Говоря языком медиатехнологов, можно ли «перепрошить оболочку», то есть массовое сознание, целого общества?

Для нас по понятным причинам основной интерес представляют особенности российской цивилизации. Большинство более или менее современных исследователей описывают нас по схеме «есть идеальный образец — Запад, а есть заплутавший / отсталый / вырожденный подражатель — Россия». Приведем только два примера. Д. Нильсен так раскрывает код российской цивилизации: сакральный образ власти; патримониально-бюрократическое государство; сверхинтеграция, сверхцентрализация и монополизация власти; мессианская концепция защиты и сохранения православия; социальная трансформация сверху вниз по инициативе власти; имперская идеология; феномен «власть-собственность»; партикуляризм и коммунализм в социальных отношениях; зависимая правовая система [Nielsen 1989].

Наш соотечественник И. Яковенко клеймит «культурное ядро российской цивилизации» не менее жестко: синкретизм (переплетение всего со всем); дихотомия «должное — сущее»; эсхатологический комплекс (мы живем в конце времен); манихейская интенция (мир как арена борьбы Добра со Злом); гностическая установка (мир лежит во зле); социокультурный раскол; сакрализация власти; экстенсивная доминанта; этика дотоварного хозяйства; имперская доминанта [Яковенко, Музыкантский 2020].

Как видим, все ключевые характеристики тут начинаются или с «не...», или с «до...». Яковенко и основная масса современных российских авторов западнических взглядов открыто или неявно сравнивают Россию с Западом как единственным источником истинных, правильных, обязательных к подражанию культурных норм. Современность таких интерпретаций глубоко ложна, это скорее перепев идеологического (даже не научного) мейнстрима западноевропейской цивилизации первой половины XX века. Писать такое сегодня — это примерно так же современно, как в книгах западноевропейских историков столетней давности встречать описание греко-персидских войн или завоевания Александром Македонским Востока как конфликта западной свободы и восточного деспотизма. Идеологический нарратив, причем совершенно чуждый нашей собственной цивилизации, тут явно и неприкрыто доминирует. Мы имеем дело не с учеными, а с «прогрессорами», сознательно или нет поставившими свои знания и таланты на службу чужой силе и воле.

Актуальными задачами по-настоящему современной российской социологии видятся поиски новых, а не перепевание старых и неверных ответов на следующие основные вопросы. Во-первых, наша цивилизация — восточнохристианская или российская (государство-цивилизация)? Во-вторых, каково ее культурное ядро? В-третьих, наша цивилизация — универсалистская, открытая или автаркичная, закрытая? В-четвертых, что такое советская цивилизация? Как она соотносится с российской и восточнохристианской? В-пятых, на каком этапе развития находится наша цивилизация: надлом, упадок, зрелость, перерождение?

Список литературы:

- Арнасон Й. Цивилизационные паттерны и исторические процессы. М.: НЛО, 2021.
- Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М.: Академия, 1999.
- Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. В 3 томах. М.: Альма-Матер, 2023.
- Валлерстайн И. Существует ли в действительности Индия // Логос. 2006. № 5(56). С. 3–8.
- Валлерстайн И. Исторический капитализм. Капиталистическая цивилизация. М.: КМК, 2008.
- Гизо Ф. История цивилизации во Франции. Т. 1. М.: Издательский дом «Рубежи XXI», 2006.
- Гэлбрейт Дж., Меньшиков С. Капитализм, социализм, сосуществование. М.: Прогресс, 1988.
- Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: ОГИЗ, 2000.
- Маркс К.К критике политической экономии. Предисловие // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: Политиздат, 1959. Т. 13. С. 1–167.
- Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: Политиздат, 1955. Т. 3. С. 7–544.
- Окара А. В окрестностях нового Константинополя, или восточнохристианская цивилизация перед лицом новейшего мирового хаоса-порядка // Цивилизационные активы и цивилизационные рамки национальной российской политики. Материалы научного семинара. М.: Научный эксперт, 2008. № 6(15). С. 9–52.
- Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. М.: Астрель, 2006.
- Тойнби А.Дж. Постигание истории. М.: Прогресс, 1991.
- Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 2010.
- Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. В 2 томах. М.: Академический проект, 2022.

Элиас Н. О процессе цивилизации. В 2 томах. М.: Университетская книга, 2001.

Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М.: АСТ, 2019.

Яковенко И., Музыкантский А. Манихейство и гностицизм: культурные коды русской цивилизации. М.: МЦНМО, 2020.

Durkheim E., Mauss M. Note on the Notion of Civilization // *Social Research*. 1971. Vol. 38. Is. 4. P. 808–813.

Eisenstadt S.N. *Jewish Civilization: The Jewish Historical Experience in a Comparative Perspective*. New York: State University of New York, 1993.

Eisenstadt S.N. Modernity and the Construction of Collective Identities // *International Journal of Comparative Sociology*. 1998. Vol. 39. Is. 1. URL: https://brill.com/view/journals/ijcs/39/3/article-p138_9.xml

Eisenstadt S.N. Civilizational Dimension of Modernity. Modernity as a Distinct Civilization // *International Sociology*. 2001. Vol. 16. Is. 3. P. 320–340. DOI: [10.1177/02685800101600300](https://doi.org/10.1177/02685800101600300)

Eisenstadt S.N. *Comparative Civilizations and Multiple Modernities*. Leiden: Briel Academic Publishers, 2003.

Nielsen D.A. Sects, Churches and Economic Transformations in Russia and Western Europe // *International Journal of Politics, Culture, and Society*. 1989. Vol. 2. Is. 4. P. 493–499.

References:

Arnason Y. (2021) *Civilizational Patterns and Civilizing Processes*. Moscow: NLO.

Bell D. (1999) *The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting*. Moscow: Akademiya.

Brodel' F. (2023) *Civilisation matérielle, économie et capitalisme, XV–XVIII siècle*. Moscow: Al'ma-Mater.

Danilevsky N.Ya. (2000) *Rossiya i Evropa* [Russia and Europe]. Moscow: OGIZ.

Durkheim E., Mauss M. (1971) Note on the Notion of Civilization. *Social Research*. Vol. 38. Is. 4. P. 808–813.

Eisenstadt S.N. (1993) *Jewish Civilization: The Jewish Historical Experience in a Comparative Perspective*. New York: State University of New York.

Eisenstadt S.N. (1998) Modernity and the Construction of Collective Identities. *International Journal of Comparative Sociology*. Vol. 39. № 1. Available at: https://brill.com/view/journals/ijcs/39/3/article-p138_9.xml

Eisenstadt S.N. (2001) Civilizational Dimension of Modernity. Modernity as a Distinct Civilization. *International Sociology*. Vol. 16. Is. 3. P. 320–340. DOI: [10.1177/02685800101600300](https://doi.org/10.1177/02685800101600300)

Eisenstadt S.N. (2003) *Comparative Civilizations and Multiple Modernities*. Leiden: Briyel Academic Publishers, 2003.

Elias N. (2001) *Über den Prozeß der Zivilisation*. Moscow: Universitetskaya kniga.

Engels F. (2019) *Der Ursprung der Familie, des Privateigentums und des Staats*. Moscow: AST.

Galbraith J.K., Menshikov S. (1988) *Capitalism, Communism and Coexistence*. Moscow: Progress.

Guizot F. (2006) *Histoire de la civilisation en France*. Vol. 1. Moscow: Izdatel'skiy dom "Rubezhi XXI".

Marx K. (1959) Zur Kritik der politischen Ökonomie. In: Marx K., Engels F. *Sochineniya*. Moscow: Politizdat. Vol. 13. P. 1–167.

Marx K., Engels F. (1955) Die deutsche Ideologie. In: Marx K., Engels F. *Sochineniya*. Moscow: Politizdat. Vol. 3. P. 7–544.

Nielsen D.A. (1989) Sects, Churches and Economic Transformations in Russia and Western Europe. *International Journal of Politics, Culture, and Society*. Vol. 2. Is. 4. P. 493–499.

Okara A. (2008) V okrestnostyakh novogo Konstantinopolya, ili vostochnokhristianskaya tsivilizatsiya pored litsom nove-yshego mirovogo khaoso-poryadka [In the vicinity of the new Constantinople, or Eastern Christian civilization in the face of the newest world chaos-order]. *Tsivilizatsionnyye aktivy i tsivilizatsionnyye ramki natsional'noy rossiyskoy politiki. Materialy nauchnogo seminara*. Moscow: Nauchnyy ekspert. No. 6(15). P. 9–52.

Sorokin P.A. (2006) *Sotsial'naya i kul'turnaya dinamika* [Social and cultural dynamics] Moscow: Astrel'.

Spengler O. (2022) *Der Untergang des Abendlandes. Umriss einer Morphologie der Weltgeschichte*. Moscow: Akademicheskiy proyekt.

Toffler E. (2010) *The Third Wave: The Classic Study of Tomorrow*. Moscow: AST.

Toynbee A.J. (1991) *A Study of History*. Moscow: Progress.

Wallerstein I. (2006) Does India Exist? *Logos*. No. 5(56). P. 3–8.

Wallerstein I. (2008) *Historical Capitalism. Capitalist Civilization*. Moscow: KMK, 2008.

Yakovenko I., Muzykantskiy A. (2020) *Manikheystvo i gnostitsizm: kul'turnyye kody russkoy tsivilizatsii* [Manichaeism and Gnosticism: Cultural codes of Russian civilization]. Moscow: MTsNMO.

Дата поступления/Received: 25.05.2024